

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 19.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера 416—434

Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). Свящ. Т. Вутевича 435—463

Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи Петра Цвѣткова 469—476

Рѣчь, произнесенная Преосвященнымъ Амвросіемъ Архіепископомъ Харьковскимъ, 2-го октября въ Харьковской Благовѣщенской церкви предъ закладкою новаго храма того же имени 477—482

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Онтологія или метафизическое ученіе о бытіи вообще. (По В. Вовнѣу) (продолженіе). Архимандрита Бориса 273—283

О физиологическомъ методѣ въ психологіи (продолженіе). М. Остроумова. 284—305

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). И. Борсунскаго 306—320

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Постановленія съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и смѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, нѣмецкая, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лянн; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

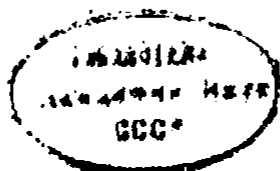
Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Октября 15 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Извѣстный бонапартистскій писатель и панегиристъ Наполеона, баронъ Фень, утверждаетъ, что появленіе Коленкюра и вѣсти, привезенныя имъ, произвели сильное недовольство и страхъ въ главной квартирѣ Наполеона и въ средѣ его приближенныхъ. Уже и прежде, многіе были недовольны тѣмъ, что армія удаляется отъ Парижа; теперь безпокойство и тревога овладѣли всѣми. Въ комнатѣ, находившейся близъ самаго кабинета Наполеона, собрались поздно вечеромъ маршалы и генералы. Они громко жаловались на императора и, не стѣсняясь, высказывали свои опасенія. Младшіе офицеры и адъютанты толпились вокругъ нихъ, жадно прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ. Прежнее слѣпое довѣріе къ императору исчезло окончательно. Страхъ передъ грядущимъ переворотомъ развязалъ всѣмъ языкъ. „Куда идемъ мы? Что станется съ нами? Если онъ падетъ, то и мы падемъ вмѣстѣ съ нимъ!“ вотъ какіе возгласы раздава-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 18.

лись теперь среди столь раболѣпной прежде толпы. „Никогда еще, добавляетъ Фень, Наполеонъ не нуждался такъ, какъ теперь въ своей сильной волѣ, чтобы бороться противъ окружавшей его оппозиціи, но въ первый разъ, онъ не обращаетъ вниманія на то, что происходитъ вокругъ него ¹⁾).

Мы знаемъ, что Наполеонъ никогда не имѣлъ обыкновенія обращать вниманіе на настроеніе и толки своихъ окружающихъ, а въ настоящій моментъ ему было вовсе не до того. Грозныя извѣстія, привезенныя Коленкурромъ, сбили его совершенно съ толку. Первую минуту онъ думалъ поправить сдѣланную ошибку, завязать во что бы то ни стало вновь прерванные переговоры. Коленкуръ долженъ былъ написать, по его приказанію, два почти тождественныя письма къ князю Меттерниху. И въ томъ и въ другомъ онъ уведомлялъ австрійскаго премьера, что онъ получилъ теперь отъ императора самыя опредѣленныя инструкціи и безусловное полномочіе подписать миръ, что онъ готовъ тотчасъ-же отправиться въ главную квартиру союзниковъ и будетъ ожидать отвѣта Меттерниха. Оба письма были отправлены немедленно съ двумя курьерами, по двумъ различнымъ дорогамъ, но, само собою понятно, что ожидать на нихъ скорого отвѣта не было никакой возможности ²⁾).

Новый обманчивый лучъ надежды блеснулъ въ это время неожиданно Наполеону. Изъ арріергарда пришло извѣстіе,

¹⁾ Разказавъ эту исторію, Фень спѣшитъ добавить: „Après l'aveu qui vient de nous e'chapper, bâtons-nous de rendre justice à l'armée. Officiers et soldats, tous ont conserve l'énergie et le dévouement qui peuvent seuls faire réussir la campagne aventureuse à la quelle on est pres de s'abandonner“. Fain, Manuscript de Mil. nuit cent quatorze, стр. 195.

²⁾ По поводу этихъ писемъ и вообще образа дѣйствій Наполеона послѣ прибытія Коленкура, Беригарди замѣчаетъ „Возникаетъ вопросъ: отважился-ли бы Наполеонъ на свой дерзкій походъ въ тылъ союзникамъ, если-бы онъ зналъ уже на полѣ битвы при Арсисѣ о прекращеніи переговоровъ въ Шатильонѣ и о заключительной декларациі союзниковъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Мы видимъ, что получивъ эти тревожныя вѣсти, Наполеонъ теряетъ два дня въ нерѣшительномъ, неудержимомъ колебаніи и бросается изъ стороны въ сторону хватаясь, подобно утопающему, за каждую соломинку“. См. Беригарди, т. IV, 2-я полов. стр. 372.

что сильныя непріятельскія массы спѣшать по пятамъ французской арміи. Лазутчики доносили даже, что въ Сень-Дизье заготавливаются уже квартиры для союзныхъ государей. Наполеонъ воспрянулъ духомъ. Онъ ликовалъ, воображая, что непріатели пошли въ поставленную имъ ловушку. Прошелъ день въ тревожныхъ ожиданіяхъ и надеждахъ. Наконецъ, отъ Макдональда пришло извѣстіе, что между преслѣдующими войсками союзниковъ не замѣтно вовсе пѣхоты, что они состоятъ, повидимому, изъ одной легкой конницы. Новое тяжелое раздумье напало на императора. Желая, наконецъ, открыть во что бы то ни стало истину, Наполеонъ собралъ посиѣшно войска, находившіяся вблизи, и двинулся съ ними обратно на Сень-Дизье.

Винцингероде не успѣлъ уклониться отъ грозившаго ему удара. Атакованный превосходными силами Наполеона у Сень-Дизье, онъ потерпѣлъ полное пораженіе, и потерялъ около 1,500 чел. и 9 орудій. Разбитыя союзныя войска отступили двумя колоннами на Барь-ледюжъ и Витри. Но Наполеонъ не могъ радоваться своей побѣдѣ. Сраженіе при Сень-Дизье вполне подтвердило донесенія Макдональда. Непріятельскія войска, съ которыми имѣлъ дѣло Наполеонъ, состояли изъ одной легкой конницы. Императоръ самъ допросилъ нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ; изъ ихъ отвѣтовъ онъ узналъ, что за нимъ слѣдуетъ лишь небольшой отрядъ союзной кавалеріи, что главная армія его враговъ двинулась уже два дня тому назадъ форсированными маршами на Парижъ ¹⁾.

Странное впечатлѣніе произвела на Наполеона эта вѣсть. Повидимому, она не заключала въ себѣ ничего неожиданнаго, а тѣмъ менѣе ужаснаго для него. Развѣ онъ не предвидѣлъ заранѣе и этой случайности и не принялъ противъ нея мѣръ? Вѣдь онъ уже отдалъ приказанія на случай появленія союзниковъ подъ стѣнами Парижа. Вѣдь онъ распорядился уже на счетъ спасенія своего семейства и стель-

¹⁾ Эти извѣстія не замедлили подтвердиться и изъ другихъ источниковъ, какъ видно это изъ Фена, Manuscript de 1814 г. стр. 198.

ко разъ говорилъ и писалъ, что потеря столицы не можетъ имѣть никакого рѣшающаго значенія. И что-же однако? То, что казалось ему столь маловажнымъ, пока оно существовало лишь въ предположеніи, подѣйствовало на него сокрушающимъ образомъ, когда вдругъ предстало предъ нимъ въ дѣйствительности. Самообольщенія и иллюзіи разсѣялись какъ дымъ передъ страшнымъ свершившимся фактомъ. Наполеонъ вдругъ понялъ и оцѣнилъ все страшное, неизмѣримое значеніе Парижа для него, для его господства, для его династіи. Онъ понялъ свою колоссальную ошибку ¹⁾.

Но быть можетъ, есть еще возможность поправить дѣло? Наполеонъ ухватился прежде всего за мысль двинуться на Шалонъ и ударить въ тылъ союзной арміи. Правда, путь этотъ былъ обходной, но Наполеонъ думалъ, слѣдуя имъ, избѣжать переправъ черезъ Марну у Трильпора, Мо и Лавьи, занятыхъ и обороняемыхъ союзниками и перейти черезъ рѣку у Шато-Тьеры. Дойдя до Витри, Наполеонъ получилъ извѣстіе о пораженіи Мармона и Мортье у Лаферъ-Шампенауза. Онъ отказался отъ намѣренія идти на Шалонъ. Его мысли начали мѣшаться; обычная ясность взгляда и рѣшительность покинули его. Онъ собралъ военный совѣтъ и объявилъ своимъ маршаламъ, что онъ думаетъ предоставить Парижъ его участи, броситься въ Вогезы, соб-

¹⁾ Бернгарди, т. IV, 2-я полов. стр. 373. Тьеръ замѣчаетъ, что Наполеонъ отнесся спокойно къ извѣстію о движеніи союзниковъ на Парижъ и, рассматривая событія съ чисто-военной точки зрѣнія, хотѣлъ продолжать свое движеніе въ Лотарингію. Только общее противодѣйствіе всѣхъ окружающихъ заставляетъ Наполеона измѣнить свое намѣреніе и сдѣлать къ Парижу. Если согласиться съ этимъ мнѣніемъ Тьера, тогда придется согласиться и съ тѣмъ, что Наполеонъ не имѣлъ никакого понятія ни о своемъ положеніи во Франціи вообще, ни о роли Парижа, въ частности, ни объ интригахъ бурбонистовъ. Впрочемъ, мнѣніе Тьера опровергается самими фактами и всѣми дальнѣйшими дѣйствіями самого Наполеона. См. *Histoire de consulat et de l'empire*, т. 17, стр. 620—621. Мнѣніе Тьера въ этомъ случаѣ, впрочемъ, ничѣмъ не отличается отъ стараго, избитаго мнѣнія бонапартистовъ, по которому Наполеонъ является всегда непогрѣшимымъ и дѣлаетъ ошибки только подъ влияніемъ окружающихъ. См. между прочимъ Фенъ, *Manuscript et de 1814*, стр. 203.

рать войска изъ крѣпостей, вооружить поселянъ. Но онъ не настаивалъ на этой отчаянной мысли; онъ отказался отъ нея уже послѣ первыхъ возраженій, представленныхъ маршалами Бертье и Неемъ. Кто-то изъ присутствующихъ предложилъ вслѣдъ за тѣмъ идти кратчайшимъ путемъ прямо на Парижъ по пятамъ непріятельской арміи. Но и этотъ планъ былъ отвергнутъ, когда Бертье замѣтилъ, что армія не въ состояніи будетъ съ бою завладѣть переправами черезъ Марну у Мо и Ланьи.

Послѣ долгихъ разсужденій и колебаній Наполеонъ рѣшился, наконецъ, идти на Парижъ самымъ длиннымъ, обходнымъ путемъ черезъ Сень-Дизье, Баръ на Обѣ, Труа, Санъ и Фонтенебло. Избирая этотъ путь, по лѣвому берегу Сены, Наполеонъ никоимъ образомъ не могъ рассчитывать во-время поспѣть къ Парижу съ своею арміею, но за то онъ могъ идти здѣсь совершенно свободно, не встрѣчая нигдѣ вепрiятеля, и, что самое важное, онъ могъ отправиться по этой дорогѣ и одинъ, и явиться въ Парижъ нѣсколькими днями ранѣе своихъ войскъ, быть можетъ, какъ-разъ во-время, чтобы предупредить паденіе столицы. Не безъ основанія придавалъ Наполеонъ громадное значеніе своему личному присутствію; только въ виду этого обстоятельства, рѣшился онъ двинуть свою армію обходнымъ путемъ ¹⁾.

Тотчасъ-же по окончаніи военнаго совѣта французская армія двинулась обратно въ Сень-Дизье, откуда она только что пришла. Войска должны были идти форсированнымъ маршемъ. Отданъ былъ приказъ маршировать день и ночь; для отдыха назначено было только нѣсколько часовъ въ сутки. А между тѣмъ погода была ужасная. Дождь лилъ какъ изъ ведра; дороги превратились въ непроходимыя болота. Армія нуждалась въ самомъ необходимомъ, не хватало даже хлѣба, солдаты совсѣмъ оборвались, многіе шли босикомъ. Лошади выбивались изъ силъ и сотнями падали по дорогѣ. Приказано было закапывать въ землю орудія, лишив-

1) Подробности этого совѣта см. у Бернгарди, т. IV, 2-я полов. стр. 374.

шіяся упряжныхъ лошадей, взрывать на воздухъ пороховые ящики.

Среди этихъ начинающихся бѣдствій къ Наполеону привели нѣсколькихъ знатныхъ плѣнниковъ, случайно захваченныхъ крестьянами на пути между Нанси и Лангромъ. Въ ихъ числѣ находились: баронъ Бессенбергъ, австрійскій посоль при Великобританскомъ дворѣ, русскіе офицеры Толстой и Марковъ и нѣкоторыя другія лица, по большей части, не военныя. Наполеонъ обрадовался этой случайной поимкѣ ¹⁾. Онъ задумалъ воспользоваться австрійскимъ дипломатомъ, какъ вѣстникомъ мира. Онъ пригласилъ къ себѣ барона Бессенберга, угостилъ его ужиномъ, объявилъ ему, что онъ и его спутники свободны и могутъ тотчасъ-же отправиться подъ прикрытіемъ въ Дижонъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ барону о своемъ искреннемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію и вручилъ ему собственноручное письмо къ императору Францу. Наполеонъ говорилъ совсѣмъ другимъ языкомъ, нежели нѣсколько дней тому назадъ. Онъ изъявлялъ готовность тотчасъ-же подписать условія мира, предложенныя союзниками въ Шатильонѣ. Такъ утверждала, по крайней мѣрѣ, молва, хотя самое письмо не было обнародовано никогда ²⁾.

28-го марта вечеромъ французская армія достигла Дулевана. Здѣсь Наполеонъ получилъ коротенькую записку отъ Ла-Валета изъ Парижа. То была первая вѣсть изъ столицы послѣ десятидневнаго перерыва. Ла-Валеть писалъ: „сторонники иноземцевъ, ободренные происшествіями въ Бордо, по-

¹⁾ Подробности см. у Фена, Manuscrit de 1814. „Si en croit les bruits que depuis l'on a fait courir, M. de Vitrolles, qui avait été envoyé vers le comte d' Artois par Talleyrand, faisait partie de cette capture, mais il était, parvenu à s'e chapper en se glissant parmi les domestiques“. Этотъ слухъ превращается у Тьера въ его Histoire du consulat et de l'empire въ несомнѣнный фактъ, см. Т. XVII, стр. 616—617.

²⁾ Какъ и всѣ письма Наполеона, написанныя между 27 марта и 1-мъ апрѣля 1814 года. Тьеръ умалчиваетъ объ этомъ письмѣ Наполеона и говоритъ лишь о письмахъ Коленкура къ Меттерниху, которыя были написаны и отправлены, какъ мы видѣли, нѣсколькими днями ранѣе. Впрочемъ, Тьеръ и самую поимку Бессенберга относитъ совершенно неправильно къ 25 марта.

дымають голову; тайные происки поддерживаютъ ихъ. Присутствіе Наполеона необходимо, если онъ хочетъ воспрепятствовать сдачѣ своей столицы. Нельзя терять ни минуты“¹⁾.

Наполеонъ и не думалъ терять ихъ. Какъ безумный гналъ онъ впередъ свои истомленные, измученныя войска. 29-го марта онъ прибылъ въ Дуланкуръ на Сенъ и отправилъ отсюда генерала Дежана въ Парижъ съ извѣстіемъ о своемъ скоромъ прибытіи. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, армія послѣдно двинулась дальше. Напрягая свои послѣднія силы, императорская гвардія прошла въ полдня 15 лье и поздно ночью прибыла въ Труа.—Отсюда посланъ былъ новый вѣстникъ въ Парижъ, генераль Жирарденъ. И онъ долженъ былъ объявить о скоромъ прибытіи Наполеона. Но до столицы оставалось еще 50 лье, разстояніе громадное для арміи, истощившей—свои послѣднія силы! Наполеонъ намѣренно закрывалъ глаза передъ этимъ страшнымъ обстоятельствомъ; но его вѣрнѣйшіе приверженцы не считали уже возможнымъ раздѣлять его иллюзіи.

Маршалъ Макдональдъ прямо объявилъ императору, что спасти Парижъ уже поздно и что надо искать спасенія въ другихъ маневрахъ. Онъ предлагалъ собрать всѣ войска, отступить на югъ, соединиться съ Ожеро и, подкрѣпивъ свои силы отдыхомъ, дать непріятелю рѣшительное сраженіе. „Если“, говорилъ онъ, „и пробьетъ тогда нашъ послѣдній часъ, то мы падемъ, по крайней мѣрѣ, съ честью, а не погибнемъ какъ мародеры, разсѣянныя, забранныя въ плѣнъ, ограбленныя казаками“²⁾.

Такъ говорилъ маршалъ, но Наполеонъ не принялъ, да и не могъ принять во вниманіе его предложенія. Подобное предложеніе было-бы умѣстно, если-бы Наполеонъ былъ Людовикъ XIV, если-бы онъ былъ представителемъ старой законной династіи, связанной неразрывными узами съ своею странюю. Но Наполеонъ зависѣлъ всецѣло отъ общественнаго

¹⁾ Ла-Валетъ былъ начальникомъ почтъ. О немъ см. у Мармона Т. 6, стр. 251.

²⁾ Макдональдъ изложилъ свое мнѣніе письменно въ пространномъ мемуарѣ поданномъ Наполеону. Извлеченіе см. у Бергарди, Т. IV, стр. 376.

мнѣнія Франціи, а это мнѣніе направлялось и рѣшалось всегда однимъ Парижемъ. Съ паденіемъ Парижа должна была рѣшиться и участь Наполеона.

Въ виду такой постановки вопроса, отступление съ арміею на югъ не могло имѣть никакого смысла для Наполеона. Онъ отлично понималъ, что армія и народъ пойдутъ вслѣдъ за Парижемъ; что тамъ, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, рѣшится его судьба. Чтобы предупредить это рѣшеніе, чтобы не выпустить Парижа изъ рукъ, онъ долженъ былъ спѣшить впередъ съ арміею, или безъ арміи, не теряя ни минуты времени, не давая отдыха ни себѣ, ни другимъ. Послѣ двухъ часовой остановки въ Труа, Наполеонъ двинулся впередъ съ своею гвардіею и, послѣ утомительнаго перехода, достигъ вечеромъ 30-го марта Вильнефъ-Ларшевекъ. До Парижа оставалось еще 18 миль; гвардія не въ состояніи была идти дальше и Наполеонъ долженъ былъ ѣхать далѣе лишь въ сопровожденіи нѣсколькихъ эскадроновъ. Уже у Вильнефъ-ла-Гюардъ Наполеонъ бросилъ и этотъ послѣдній конвой и, отдавъ приказъ, чтобы армія слѣдовала за нимъ, какъ можно скорѣе, поскакалъ въ Парижъ на почтовыхъ. вмѣстѣ съ нимъ ѣхали Бертье и Коленкуръ.

По дорогѣ Наполеонъ получалъ все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Послѣдовательно узналъ онъ о бѣгствѣ своей жены и сына изъ Парижа, о появленіи непріятеля подъ стѣнами города, о началѣ боя. Нетерпѣніе Наполеона, его волненіе возрастали съ каждою минутою. Никогда еще разстояніе не казалось ему столь безконечнымъ, а бѣшенный бѣгъ лошадей столь медленнымъ. Онъ самъ понукалъ почтальоновъ ¹⁾. Но вотъ онъ уже близокъ къ цѣли. Вдали показалась станція Ла Куръ-де-Франсъ, а отъ нея оставалось всего лишь двадцать верстъ до столицы. Императоръ могъ пролетѣть это разстояніе въ какой-нибудь часъ. Но вмѣстѣ съ станціею Наполеонъ увидѣлъ во мракѣ ночи и нѣчто другое.

¹⁾ По временамъ Наполеонъ восклицалъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ: „Все это безполезно! Я опоздаю!“ См. Мемуары Дюрандъ, стр. 207, (нѣмецкое изданіе).

Темныя массы двигались къ нему на встрѣчу по направле-
нію отъ Парижа. Еще минута и коляска императора оста-
новилась среди кавалерійскаго отряда, наполнявшаго всю
дорогу. Наполеонъ былъ внѣ себя отъ изумленія; страшное
предчувствіе стѣснило его грудь. Онъ выскочилъ изъ коляски.
Первый, кто ему попался на глаза, былъ генералъ Бельяръ.
Императоръ схватилъ генерала за руку.

— „Гдѣ армія?“ спросилъ онъ его дрожащимъ голосомъ.

— „Она слѣдуетъ за мною Государь“, отвѣчалъ Бельяръ.

— „А вепрiятель?“

— „Онъ стоитъ у воротъ Парижа“.

— „Кто занимаетъ городъ?“

— „Никто! онъ очищенъ всѣми войсками“.

— „Очищенъ?“ продолжалъ спрашивать Наполеонъ какъ-
бы во снѣ.

— „А мой сынъ, моя жена, мое правительство, гдѣ они?“

— „На Луарѣ, Государь!“¹⁾

Наполеонъ стоялъ нѣсколько минутъ какъ уничтоженный.
Страшный, неожиданный ударъ опеломилъ его. Казалось, онъ
потерялъ всякую способность думать, рассуждать, дѣйстви-
тельно. Самое сознаніе готовилось оставить его. Но то былъ
только моментъ. Наполеонъ быстро вышелъ изъ своего оцѣ-
пенія. Припадокъ бѣшенства напалъ на него. Онъ метался
изъ стороны въ сторону, кричалъ, какъ безумный. Онъ осы-
палъ страшными ругательствами и проклятiями виновниковъ
парижской катастрофы. Онъ называлъ своего брата подлымъ
презрѣннымъ трусомъ, онъ клеймилъ военнаго министра Клар-
ке именемъ измѣнника. Онъ восклицалъ, что въ его отсут-

¹⁾ По свидѣтельству Бельяра разговоръ продолжался въ такомъ родѣ: „Кто
же принялъ подобное рѣшеніе?—„Государь, говорятъ, что это было сдѣлано на
основаніи вашихъ распоряженій“.—„Въ моихъ приказахъ не заключалось ни-
чего подобнаго... но Юсифъ, Кларке, Мармонъ, Мортъе, куда дѣвались они, что
дѣлали они?“—„Государь, мы не видѣли за пѣлый день ни Юсифа, ни Кларке,
но Мармонъ и Мортъе вели себя, какъ храбрые люди... Ахъ государь, если-бы
у насъ было 10,000 резерва, и если-бы съ нами были вы, то мы бы отбросили
союзниковъ въ Сену, спасли Парижъ и отстояли-бы честь нашей арміи“.—„Безъ
сомнѣнія, если-бы я былъ съ вами. Но я не могу быть вездѣ“ и т. д. См. Тьеръ,
Histoire du consulat et de l'empire, т. XVII, стр. 622—623.

ствіи всѣ его подчиненные дѣлаютъ только глупости. Какъ въ былое время, такъ и теперь, онъ думалъ поправить все однимъ своимъ появленіемъ. Онъ объявилъ, что онъ не намѣренъ соблюдать этой подлой капитуляціи, что онъ пойдетъ на Парижъ, соберетъ войско, призоветъ къ оружію народъ, погребетъ себя подъ развалинами столицы. Дикая корсиканская натура проснулась въ немъ. Грубыя простонародныя ругательства, грязные эпитеты сыпались изъ его устъ.

Между тѣмъ со стороны Парижа подходили все новыя и новыя войска. Вокругъ императора собралась цѣлая группа генераловъ и офицеровъ. Наполеонъ продолжалъ кричать и неистовствовать. Онъ приказывалъ, чтобы всѣ войска шли немедленно на Парижъ, чтобы ему подали тотчасъ-же его коляску. Никто не думалъ, однакоже, исполнять его приказаній. Даже коляска не появлялась. Коленкуръ распорядился потихоньку, чтобы не закладывали лошадей. Всѣ окружающіе смотрѣли на Наполеона, какъ на человѣка, потерявшаго рассудокъ. Давъ ему накричаться, они объявили, что они не въ состояніи исполнить его приказаній. Болѣе деликатные изъ генераловъ начали доказывать ему, что невозможно защищать Парижъ послѣ потери высотъ, что городъ уже вѣроятно занятъ непріателемъ, что, продолжая далѣе свое путешествіе, онъ рискуетъ попасть въ плѣнъ. Совсѣмъ инымъ языкомъ говорилъ съ императоромъ грубый Бельяръ. Онъ объявилъ ему напрямикъ, что онъ вышелъ изъ Парижа по условію капитуляціи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ возвратиться туда ¹⁾.

Наполеонъ вздрогнулъ при этомъ замѣчаніи. „Капитуляція!“ вскрикнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства, „а какой подлець заключилъ ее?“ — „Честные люди, которые не могли поступить иначе!“ отвѣчалъ Бельяръ съ возрастающею смѣлостью ²⁾. Но Наполеонъ уже не слышалъ его отвѣта. Онъ

¹⁾ Подлинныя слова Бельяра: *Ab! Sire, il est trop tard, l'infanterie est la qui me suit; d'ailleurs nous avons signé une capitulation, qui ne nous permet pas de rentrer*“. Тьеръ, Т. XVII, стр. 624.

²⁾ У Тьера: *„Une capitulation! et qui, donc á été assez lâche pour en signer unes“*. — *„De braves gens, Sire, qui ne pouvaient faire autrement“*.

продолжалъ идти впередъ по шоссе, громко требуя свой экипажъ, осыпая ругательствами и проклятіями все и всѣхъ. Вдругъ онъ столкнулся почти лицомъ къ лицу съ пѣхотнымъ офицеромъ, по имени Курьяломъ. Наполеонъ подозвалъ его къ себѣ и услышалъ отъ него, что пѣхота, защищавшая Парижъ, давно уже вышла изъ города, что она находится здѣсь, т. е. въ четырехъ миляхъ отъ столицы.

Эта вѣсть произвела на императора потрясающее впечатлѣніе. Онъ смутно понялъ, что все потеряно для него, что мечъ сломенъ въ его рукахъ, что ему остается лишь одинъ выборъ между смертью и безславною покорностью побѣдителямъ. Сраженный судьбою, Наполеонъ остановился у двухъ колодезей, находившихся при дорогѣ¹⁾. Безсильно опустился онъ на край одного изъ нихъ и закрывъ лице руками, застылъ на мѣстѣ.

Прошло около получаса. Наполеонъ не трогался съ мѣста. Генералы, офицеры, толпившіеся вокругъ него, хранили глубокое молчаніе. Обычный страхъ предъ грознымъ повелителемъ не утратилъ еще для нихъ своего послѣдняго обаянія; а невольное благоговѣніе передъ величіемъ, сраженнымъ самимъ Провидѣніемъ, сковывало двойною силою ихъ языкъ.

Наконецъ, Наполеонъ очнулся. Прежняя энергія, казалось, возвратилась къ нему. Онъ уже не чувствовалъ ни физической усталости, ни нравственнаго удрученія. Ему вдругъ показалось, что еще не все кончено, что есть еще возможность бороться съ судьбою. Онъ потребовалъ стола, свѣчей, картъ; тутъ-же на мѣстѣ хотѣлъ онъ сдѣлать свои соображенія, раздать приказанія. Окружающіе почтительно предложили ему взойти въ станціонный домикъ. Онъ послѣдовалъ ихъ предложенію. Сопровождаемый Бертье и Коленкурромъ, онъ вошелъ въ комнату и долгое время оставался у стола, рассматривая свои карты, погруженный въ глубокое размышленіе.

Вдругъ онъ заговорилъ: „Если-бы у меня была здѣсь армія, то все можно было-бы поправить. Александръ пойдетъ показаться парижанамъ; онъ не золь, онъ не сожжетъ Па-

¹⁾ Мѣсто это называлось Lu Jovisy.

рижа, онъ хочетъ лишь показать себя великому городу. Онъ устроить завтра парадъ; одна часть его солдатъ будетъ на правомъ берегу Сены, другая на лѣвомъ; одна половина въ Парижѣ, другая за городомъ, а въ такомъ положеніи я легко истребилъ-бы ихъ всѣхъ, будь лишь у меня моя армія. Населеніе присоединилось-бы ко мнѣ, оно забросало-бы союзниковъ всякою всячиною, бургонскіе крестьяне добились-бы ихъ окончательно. Ни одинъ изъ нихъ не ушелъ-бы обратно за Рейнъ, и величіе Франціи было-бы восстановлено. Ахъ! если-бы у меня была армія! но она будетъ не раньше какъ черезъ три, четыре дня. А! зачѣмъ не продержались они, хотя еще нѣсколько часовъ!“ Страсть видимо начинала заглушать въ Наполеонѣ опять спокойный голосъ разсудка. Лице его пылало гнѣвомъ, онъ метался взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ. Коленкуръ попытался успокоить своего повелителя. „Но, государь“, сказалъ онъ, „армія прійдетъ черезъ четыре дня и тогда ваше величество совершите то, что невозможно сдѣлать сегодня.“

Услыхавъ эти слова, Наполеонъ „вернулся къ Коленкуру. „А! Коленкуръ“, воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ, „вы не знаете людей!—Три дня, два дня! Вы не знаете, что можно сдѣлать въ этотъ короткій срокъ! Вы не знаете, сколько интригъ будетъ пущено въ ходъ противъ меня, вы не знаете, сколько людей готовы бросить меня. Если хотите, я вамъ назову ихъ всѣхъ. Смотрите, они говорятъ, что я самъ приказалъ удалить изъ Парижа императрицу и моего сына; это правда, но вѣдь я не могъ сказать всего, я не могъ сказать, что императрица—дитя, что ею могутъ воспользоваться противъ меня, что отъ нея могутъ вынудить, Богъ знаетъ, какіе акты противъ меня! Но забудемъ этихъ презрѣнныхъ! Три дня, четыре дня,—это слишкомъ долго! Армія прійдетъ и если только мнѣ помогутъ, Франція будетъ спасена“¹⁾.

Уже въ головѣ Наполеона родился новый, фантастическій планъ и онъ съ жаромъ началъ развивать его Коленкуру,

¹⁾ Весь этотъ разговоръ мы воспроизводимъ на основаніи Тьера, т. XVII, стр. 625--627.

приказавъ предварительно всѣмъ остальнымъ выйти изъ комнаты. Коленкуръ долженъ былъ немедленно отправиться въ Парижъ, а оттуда въ главную квартиру императора Александра. Въ Парижѣ онъ долженъ былъ предупредить готовящійся переворотъ; Александра онъ долженъ былъ обмануть мирными предложеніями и коварными переговорами. Онъ долженъ былъ напомнить Александру его прежнія чувства и намѣренія по отношенію къ Наполеону, указать ему на тѣ страшныя опасности, которыя ожидаютъ его въ Парижѣ, въ особенности-же на приближающагося Наполеона во главѣ шестидесятитысячной арміи, Наполеона, пылающаго жаждою мести, готоваго на все, только-бы возстановить славу своего оружія. Коленкуръ долженъ былъ употребить всѣ силы, чтобы смягчить сердце Александра и наполнить въ то же время его воображеніе призраками страшныхъ опасностей. Достигнувъ этой цѣли, доведя русскаго императора до требуемаго душевнаго состоянія, Коленкуръ долженъ былъ предложить ему отъ имени Наполеона миръ, на условіяхъ, предложенныхъ самими союзниками въ Шатильонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, продолжалъ фантазировать Наполеонъ, что Александръ прійметъ ваше предложеніе, что онъ отошлетъ васъ съ своимъ отвѣтомъ ко мнѣ, что въ ожиданіи такового онъ воздержится отъ всякихъ дѣйствій въ пользу Бурбоновъ, а между тѣмъ пройдетъ четыре дня, армія подойдетъ и явится возможность вступить въ послѣдній, отчаянный бой.

Тщетно пытался Коленкуръ успокоить и образумить своего повелителя; тщетно совѣтовалъ онъ ему отбросить въ сторону коварство и заднія мысли, вступить въ честные и серьезные переговоры, принять шатильонскія условія и покориться не людямъ, а всесильнымъ обстоятельствамъ.

„Нѣтъ! Нѣтъ!“ прервалъ его грубо и рѣзко Наполеонъ. „Мечъ долженъ рѣшить! Перестаньте унижать меня! Пока еще можно спасти величіе Франціи. Наши шансы будутъ прекрасны, если только вы выиграете мнѣ два, три дня“.

Коленкуръ началъ просить, чтобы Наполеонъ не возлагалъ на него одного такую тяжелую отвѣтственность, чтобы отпустилъ съ нимъ маршала Бертье, человека хорошо извѣст-

наго и уважаемаго союзными государями. Наполеонъ отклонилъ и эту просьбу. „Бертъе нуженъ мнѣ самому, онъ одинъ знаетъ расположеніе моихъ войскъ на театрѣ войны. Къ тому, при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ, Бертъе слабъ, и вы не можете себѣ представить, какъ могутъ воспользоваться этимъ агитирующіе теперь интриганы. Нѣтъ, ступайте вы одни; лишь вы одни сможете выдержать себя въ этомъ центрѣ интригъ“.

Коленкуръ убѣдился въ бесполезности дальнѣйшаго противорѣчія и объявилъ, что принимаетъ возложенную на него миссію. Прощаясь съ Наполеономъ, Коленкуръ понималъ отлично, что его повелитель обманываетъ себя ребяческими надеждами, что никто въ мірѣ не въ состояніи исполнить его невозможныхъ порученій. Да Коленкуръ и не думалъ серьезно объ ихъ выполненіи, онъ былъ неспособенъ играть ту роль обманщика, которую возложилъ на него Наполеонъ. Герцогъ думалъ воспользоваться своею миссіею въ иномъ смыслѣ. Онъ хотѣлъ предпринять послѣднюю попытку спасти Наполеона, вопреки ему самому, вопреки судьбѣ. Быть можетъ, ему удастся подѣйствовать въ пользу Наполеона на благороднаго и великодушнаго Александра, быть можетъ, ему удастся возстановить правильныя дипломатическія сношенія между своимъ неукротимымъ повелителемъ и побѣдоносною Европою и предупредить тѣмъ самымъ успѣхъ бурбонской интриги. Съ этою слабою, почти неосуществимою надеждою, Коленкуръ оставилъ почтовый домикъ въ Ла-Куръде-Франсъ и поспѣшилъ въ Парижъ¹⁾.

Наполеонъ оставался еще нѣкоторое время на станціи.

¹⁾ Тьеръ, т. XVІІ, стр. 627—629. Наполеонъ выдалъ впрочемъ Коленкуру формальное полномочіе, въ которомъ уполномочивалъ его, во-первыхъ, ходатайствовать передъ союзными государями за жителей Парижа; во-вторыхъ, заключить миръ съ союзниками, въ третьихъ, явиться представителемъ военныхъ и гражданскихъ властей въ Парижѣ. Сущность полномочій Коленкура заключалась однакоже не въ этомъ официальномъ документѣ, а въ тайномъ порученіи, изложенномъ въ текстѣ; самъ Наполеонъ сознавался, въ послѣдствіи, что онъ имѣлъ въ виду, отправляя Коленкура, лишь выиграть время и обмануть Александра.

Непріятель былъ уже вблизи его. На противоположномъ берегу Эссонскаго ручья пылали яркіе бивачные костры, то были форпосты союзниковъ, выдвинутые отъ Венсепе изъ окрестностей Парижа къ равнинѣ, простиравшейся у Вильнефъ-сенъ-жоржа. Отблескъ костровъ освѣщаль даже холмы праваго берега, на которомъ находился Наполеонъ; но самъ онъ, его экипажи и почтовая станція были покрыты глубокою непроницаемою темнотою ¹⁾; съ минуты на минуту долженъ былъ, однакоже, наступить разсвѣтъ и тогда невозможно было оставаться долѣе на этомъ мѣстѣ. Наполеонъ рѣшилъ отправиться въ сосѣднее Фонтенебло, въ тотъ самый замокъ, гдѣ еще такъ недавно томился въ плѣну папа Пій VII, одна изъ жертвъ его ненасытнаго властолюбія. Отдавъ приказанія войскамъ, прибывавшимъ изъ Парижа, занять позиціи вдоль праваго берега Эссонскаго ручья, императоръ выѣхалъ со станціи на зарѣ 31-го марта въ сопровожденіи маршала Бертье. Онъ былъ въ крайне возбужденномъ нервномъ состояніи. Какъ-разъ такого видали его въ былые дни товарищи наканунѣ великихъ побѣдъ ²⁾.

Между тѣмъ Коленкуръ прибылъ въ Парижъ уже по наступленіи разсвѣта. Онъ не нашелъ непріятеля въ городѣ, но судьба столицы рѣшена была уже безповоротно. Въ Парижѣ вовсе не было французскихъ войскъ, лишь на городскихъ заставахъ оставались небольшіе караулы долженствовавшіе сдать ихъ союзникамъ. Коленкуръ узналъ, что въ Парижѣ не оставалось ни одного представителя императорскаго правительства, что всѣ они бѣжали или спрятались тотчасъ-же послѣ отъѣзда короля Іосифа. Герцогъ поспѣшилъ въ городской домъ. Здѣсь ему передали, что капитуляція подписана и утверждена окончательно, что оба префекта и городская депутація отправились уже въ Бонди, главную квартиру императора Александра, что населеніе совершенно спокойно и ожидаетъ съ нетерпѣливымъ любопытствомъ вступленія союзниковъ.

¹⁾ См. Fain, Manuscript de l'annee 1814, стр. 213.

²⁾ Тьеръ, т. XVII, стр. 629.

Не теряя ни минуты времени, Коленкуръ выѣхалъ въ Бонди въ сопровожденіи трубача. Его пропустили безпрепятственно черезъ союзные форпосты. Проѣзжая черезъ биваки, герцогъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ шумной и радостной жизни, кипѣвшей въ союзномъ станѣ. На пути онъ повстрѣчалъ парижскую депутацію, возвращавшуюся изъ Бонди и обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами. Депутаты были въ восторгѣ отъ пріема оказаннаго имъ императоромъ Александромъ. Одинъ изъ нихъ передалъ Коленкуру подробности аудіенціи.

Императоръ Александръ бодрствовалъ почти всю ночь, предшествовавшую величайшему событію его жизни: торжественному вступленію въ Парижъ. Отпустивъ Орлова, государь уснулъ около двухъ часовъ, но уже въ шесть онъ былъ на ногахъ и приказалъ позвать парижскихъ депутатовъ. Аудіенція происходила въ большой залѣ Бондійскаго замка, въ присутствіи Нессельроде. Войдя въ залу, Александръ привѣтствовалъ преклонившихся предъ нимъ депутатовъ, съ свойственною ему исключительно, чарующею любезностью. На изъявленіе покорности и на просьбы пощадить Парижъ и его жителей, императоръ отвѣчалъ, приблизительно, такими словами:

„Повторяю въ вашемъ присутствіи то, что сказано было мною неоднократно уже прежде. Я веду войну не съ Франціею, а съ безумнымъ честолюбіемъ одного человѣка. Я не стремлюсь навязать Франціи новое правительство, или наложить на нее унижительныя условія мира; но я хочу освободить ее отъ деспотизма, отъ котораго страждетъ она, наравнѣ съ остальною Европою. Я гарантирую столицѣ Франціи самое снисходительное обращеніе, но ожидаю, что и населеніе Парижа будетъ вести себя миролюбиво и дружелюбно по отношенію къ своимъ гостямъ. Я согласенъ поручить охраненіе порядка въ городѣ національной гвардіи, и готовъ освободить васъ отъ военнаго поста, но вы должны доставлять войскамъ всѣ необходимыя припасы“.

Государь окончилъ свою рѣчь. Депутаты, не ожидавшіе такой любезности и столькихъ милостей, спѣшили заявить

свою глубокую признательность и свою готовность исполнить всѣ справедливыя и умѣренные требованія императора ¹⁾. Александръ, покончивъ съ общимъ приемомъ, перешелъ къ частной бесѣдѣ съ отдѣльными членами депутаціи. Для каждаго изъ нихъ онъ находилъ ласковое слово, на каждаго произвелъ онъ въ эти немногія минуты неизгладимое впечатлѣніе. Депутаты вышли отъ него растроганные, восхищенные. Въ разговорѣ съ Коленкуромъ они превозносили до небесъ великодушіе, благородство, изящество вѣнценоснаго вождя соединенной Европы.

Коленкуръ, искренно преданный Наполеону, былъ глубоко опечаленъ этими разказами. Онъ понялъ, что Александръ побѣдилъ парижанъ не только силою оружія, но и силою кроткаго, христіанскаго своего величія. Послѣдняя почва исчезала подъ ногами уполномоченнаго Наполеона. Надежды на вооруженное возстаніе парижскаго населенія, на его противодѣйствіе всякой попыткѣ свергнуть Наполеона, оказались пустою обманчивою иллюзіею.

¹⁾ Говоря о приѣмѣ депутатовъ, Тьеръ добавляетъ: „Александръ, завладѣвъ Парижемъ, былъ на верху радости. Его гордость была удовлетворена и вмѣстѣ съ тѣмъ его добрыя чувства взяли верхъ въ немъ. Его выдающееся стремленіе было желаніе нравиться, и никому не хотѣлъ онъ такъ нравиться, какъ этимъ французамъ, которыя побѣждали его столько разъ, которыхъ онъ побѣдилъ, наконецъ, также въ свою очередь и одобренія которыхъ онъ добивался съ такою страстностію. Побѣдить великодушіемъ этотъ великодушный народъ, вотъ къ чему онъ стремился болѣе всего въ эту минуту. Благородная слабость,—если только это была слабость“. Итакъ, по мнѣнію великаго либеральнаго историка, создавшаго вмѣстѣ съ другими бонапартистами и либералами тотъ чудовищный культъ Наполеона, за который такъ дорого поплатилась потомъ Франція и продолжаетъ платиться еще и по нынѣ, весь великодушный образъ дѣйствій Александра, по отношенію къ Франціи, объясняется единственно тѣмъ, что русскій государь хотѣлъ понравиться и пококетничать передъ благородною націею ограбившею всю Европу. Приписывая Александру подобныя побужденія, Тьеръ охарактеризовалъ только самого себя и національное самомиѣніе, которымъ онъ былъ преисполненъ до ослѣпленія подобно всѣхъ своимъ землякамъ. Г-нъ Тьеръ не представляетъ впрочемъ въ этомъ случаѣ исключенія; онъ занимаетъ лишь одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ безчисленныхъ французскихъ, нѣмецкихъ и даже русскихъ либеральныхъ историковъ публицистовъ, которые варьируютъ на всевозможныя лады знаменитое изреченіе Наполеона, считавшаго Александра только великимъ актеромъ и глумятся надъ великимъ историческимъ явленіемъ, понять истинное значеніе котораго они не могутъ, да и не хотятъ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ мрачными мыслями продолжалъ Коленкуръ путь свой въ Бонди черезъ оживленные биваки союзныхъ войскъ. Онъ видѣлъ стройныя колонны побѣдителей, готовыхъ занять столицу Франціи, онъ предчувствовалъ, что населеніе города встрѣтитъ ихъ съ радостными оваціями, что, по одному слову императора Александра, оно отречется отъ Наполеона, — и паденіе имперіи вдругъ показалось ему фактомъ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ. Коленкуръ напередъ былъ убѣжденъ въ безуспѣшности своей миссіи, у него явилось даже опасеніе, что императоръ Александръ не захочетъ принять его. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ ошибся.

Александръ хорошо помнилъ и высоко цѣнилъ Коленкура, еще со временъ пребыванія его въ Петербургѣ. Узнавъ о его приѣздѣ, онъ тотчасъ-же принялъ его, несмотря на то, что до начала торжественнаго вступленія въ Парижъ оставалось не болѣе часа. Государь встрѣтилъ входящаго герцога какъ стараго друга. Онъ обнялъ его и усадилъ рядомъ съ собою. Александръ началъ разговоръ, объяснивъ Коленкуру, почему онъ не могъ принять его въ Прагѣ. Переходя затѣмъ къ великимъ событіямъ дня, Александръ сказалъ:

„Я чуждъ всякаго чувства мести, я хочу только мира. Не найдя его въ Шатильонѣ, я пришелъ искать его въ Парижѣ. Я хочу мира почетнаго для Франціи, но прочнаго для Европы, а посему ни я, ни мои союзники не соглашаемся вести переговоры съ Наполеономъ. У насъ не будетъ затрудненія найти того, съ кѣмъ можно будетъ придти къ соглашенію, ибо отовсюду получаемъ мы извѣстія, что Франція тяготится Наполеономъ не менѣе остальной Европы, что она стремится лишь освободиться отъ его деспотизма. Союзники не питаютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ Франціи, они относятся къ ней съ подобающимъ уваженіемъ, они предоставятъ ей свободный выборъ своего государя и подпишутъ миръ только съ такимъ. Вступивъ въ Парижъ, союзники соберутъ совѣтъ изъ выдающихся нотаблей, выбранныхъ изъ всѣхъ партій, изъ всѣхъ оттѣнковъ общественнаго мнѣнія. Лицо, указанное наиболѣе свѣдущими пред-

ставителями націи, будетъ принято союзниками и Европа освятить его избраніе своимъ согласіемъ“.

Императоръ говорилъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ, но его слова дышали тѣмъ не менѣ непоколебимою рѣшимостью. Коленкуръ пытался возражать.

„Союзники“, замѣтилъ онъ, „выставляющіе себя представителями соціальнаго порядка и монархизма въ Европѣ, явятся поборниками революціи, низвергая съ престола государя, давно уже признаннаго всѣми дворами, бывшаго союзника нѣкоторыхъ и вятя одного изъ нихъ. Въ вопросѣ такой важности не слѣдуетъ вѣрить недовольнымъ, говорящимъ лишь подъ вліяніемъ страсти, не слѣдуетъ дозволять имъ обманывать себя на счетъ истинныхъ чувствъ Франціи. Французская нація тяготится, правда, постоянными войнами Наполеона, но она признательна ему за славу, коею покрылъ онъ ея знамена, за прочный внутренній миръ, которымъ наслаждалась она подъ его управленіемъ. Франція не согласится промѣнять его могущественную и славную державу на дряхлыхъ и забытыхъ Бурбоновъ. Наконецъ, союзники не должны пренебрегать отчаяніемъ Наполеона и его арміи; они не должны подвергать свое неожиданное торжество новымъ и страшнымъ случайностямъ, напротивъ они должны попытаться утвердить его какъ можно скорѣе справедливымъ и умѣреннымъ миромъ.“ Александръ отвѣчалъ Коленкуру въ такомъ же спокойномъ тонѣ:

„Союзники внемлютъ не голосу недовольныхъ, а лицъ спокойныхъ, чуждыхъ всякой партіи и предвзятыхъ интересовъ. Союзные государи вовсе не имѣютъ желанія испровергать троны, да и не могутъ имѣть его. Они считаются съ опасностью довести Наполеона до отчаянія, но они твердо намѣрены, зайдя разъ такъ далеко, продолжать борьбу до конца, дабы не быть вынужденными начинать ея вновь, при обстоятельствахъ, быть можетъ менѣ для нихъ благопріятныхъ. Они ожидаютъ отъ Наполеона новыхъ отчаянныхъ ударовъ, до тѣхъ поръ пока мечъ остается въ его рукахъ, но если бы ему и удалось оттѣснить ихъ отъ Парижа, то они вернутся опять, пока не завоюютъ прочнаго мира. Разсчитывать

же на прочный миръ съ человѣкомъ, опустошившимъ всю Европу отъ Кадикса до Москвы, союзные государи считаютъ невозможнымъ“.

Коленкуръ видѣлъ непреклонную рѣшимость Александра; опровергнутый во всѣхъ своихъ доводахъ, онъ прибѣгнулъ къ послѣдней, отчаянной выходкѣ.

„Если австрійскій императоръ, сказалъ онъ, „не придаетъ никакого значенія родственнымъ узамъ, если онъ завелъ такъ далеко своихъ солдатъ лишь для того, чтобы свергнуть съ престола свою дочь,—въ такомъ случаѣ нечего упрекать французскій народъ за убіеніе одной эрцгерцогини, ибо союзные государи готовятся изложить теперь другую“.

Коленкуръ былъ видимо взволнованъ, произнося эти послѣднія слова, но Александръ отвѣчалъ ему въ томъ же спокойномъ, хотя и твердомъ тонѣ.

„Императоръ Францъ долго колебался, пока принялъ свое рѣшеніе. Но послѣ того, какъ вы отвергли перемиріе въ Лузиньи, предложенное имъ съ цѣлью придти къ соглашенію, онъ въ свою очередь убѣдился, что мы не можемъ вести переговоровъ съ его зятемъ; и что достигнуть прочнаго мира мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если подпишемъ его съ кѣмънибудь другимъ, а не съ нимъ“.

Разговоръ былъ конченъ ¹⁾. Коленкуръ понялъ, что всѣ дальнѣйшія попытки склонить императора Александра на переговоры съ Наполеономъ безнадежны. Онъ стоялъ безмолвный, почти уничтоженный. Но Александръ ласково заговорилъ съ нимъ. Онъ увѣрялъ его въ своемъ неизмѣнномъ расположеніи, онъ приглашалъ его навѣстить его въ Парижъ сегодня же и обѣщалъ принять его во всякое время. „Но“, добавилъ государь, „вы должны мнѣ дать слово, что будете вести себя въ городѣ, какъ парламентаръ“.

Съ этими словами Александръ подалъ руку Коленкуру и вышелъ изъ комнаты. Минуты были сосчитаны. Часъ великаго торжества наступилъ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. Тьеръ Т. XVII. Стр. 631—634.

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Женское образованіе находится въ неразрывной связи съ такъ называемымъ „женскимъ вопросомъ“; рѣшеніе-же этого вопроса вызвало цѣлую литературу. Матеріала накопилось въ такомъ изобиліи, что совладѣть съ нимъ не легко. Образовалось два лагеря непримиримыхъ противниковъ, которые въ силу именно своей непримиримости, не столько содѣйствуютъ сколько затрудняютъ рѣшеніе самаго вопроса. Конечно, на защиту женщинъ прежде всего выступили сами-же женщины. Такъ, въ нашей русской литературѣ должны быть поставлены въ ряду первыхъ защитницъ равноправности женщинъ съ мужчинами М. К. Цебрикова („Къ вопросу о любви и ея морали“), Некрасова („Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ“, „Первые женскіе курсы въ Москвѣ“), Лихачева („Женское движеніе за послѣднія десять лѣтъ“) и др. Въ свое время „Отечественныя Записки“ въ нихъ помѣщены были вышеуказанныя статьи Лихачевой и Некрасовой), а за прекращеніемъ ихъ существованія— „Вѣстникъ Европы“ (см. напр. № 12-й за 1882 г.) охотно предоставляли свои страницы ретивымъ защитницамъ женской эманципаціи. Въ томъ-же духѣ, впрочемъ, высказывались за рѣшеніе „женскаго вопроса“ и нѣкоторые писатели—мужчины, какъ, напр., С. С. Шашковъ („Историческія судьбы женщинъ“ 1872 г. „Исторія русской женщины“

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 11.

1879 г.), Златковскій („Женское специальное образованіе въ Петербургѣ“ 1885), Абрамовъ („Женскіе врачебные курсы“ 1886), Овцынъ („Развитіе женскаго образованія“ 1887), Тарасовъ, Карновичъ и др. Пробѣлы оригинальной литературы были восполняемы переводными сочиненіями иностранныхъ ученыхъ,—Миля, Брайта, Фохта, Жанэ и т. п. ¹⁾).

Къ сожалѣнію, какъ противники, такъ и защитники женской эманципаціи смотрятъ на вопросъ съ слишкомъ односторонней точки зрѣнія. Одни стоятъ на томъ, что трудъ мужчины не доступенъ для женщины по самой природѣ ея, противорѣчитъ фізіологическимъ особенностямъ женскаго организма, противорѣчитъ естественному назначенію женщины—быть женою, матерью, продолжательницею будущаго человѣчества. Другіе, въ отвѣтъ на это возраженіе, указываютъ на деревенскую бабу, работницу въ полѣ съ серпомъ и говорятъ: „пока женщина работала въ полѣ, въ огородѣ, на фабрикѣ, мы ни за ея организмъ, ни за будущность человѣческаго рода не опасались... Но появилось нѣчто новое—нѣсколько женщинъ захотѣли быть врачами, учительницами, учеными—и мы въ ужасѣ за нарушеніе

¹⁾ Кромѣ указанныхъ въ текстѣ сочиненій мы пользовались въ настоящей разѣ еще слѣдующими: 1. *Карла Шмидта* „Исторія Педагогки“, въ 4-хъ томахъ, изд. Солдатенкова; 2. *Симонъ* „Срединное царство. Основы китайской цивилизаціи“. Спб. 1886. 3. *Кудрявцева* „Римскія женщины“. М. 1875. 4. *Забѣлина* „Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.“ М. 1869. 5. *Добрякова* „Русская женщина въ домонгольскій періодъ“. Спб. 1864. 6. *Шульгина* „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго“. К. 1850. 7. *Шашкова* „Исторія русской женщины“. Спб. 1879. 8. *Покровскаго* „Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи“ М. 1884. 9. *Неизвестныхъ авторовъ*: „Къ рѣшенію женскаго вопроса“. Спб. 1888. 10. „Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ“. Спб. 1888. 11. *О. Пиллеръ* „Итоги женскаго образованія въ Россіи и его задачи“. Спб. 1888. 12. *Абрамова* „Женскіе врачебные курсы“. Спб. 1886 г. 13. *Греаръ* „Среднее образованіе дѣвицъ во Франціи“. Спб. 1888. 14. *Бокля* „Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія“. Спб. 1864. 15. *Неизвестнаго автора* „О женщинахъ“. Спб. 1886. 16. *Лазаревича* „Дѣятельность женщинъ“. Харьковъ. 1883. 17. *Швейгеръ-Лерхенфельдъ* „Женщина у всѣхъ народовъ земнаго шара“. Спб. 1885. 18. *Неизвестнаго автора* „О женщинахъ. Мысли старья и новья“. Спб. 1886. 19. *Л. Бюхнеръ* „Призваніе женщины“. Спб. 1857. 20. *Мишле* „Женщина“. Одесса. 1863. 21. *Вамбери* „Очерки жизни и нравовъ Востока“. Спб. 1876 г.

„законовъ природы“ и проливаемъ слезы объ искаженіи женской натуры“¹⁾).

Само собою понятно, что на основаніи однихъ фізіологическихъ данныхъ не можетъ быть достигнуто рѣшеніе вопроса о женскомъ образованіи; организмы различны и среди самихъ мужчинъ; есть мужчины, которые, по своему организму, стоятъ ниже не только „деревенской бабы“, но и женщинъ высшаго слоя. Въ рѣшеніи вопроса о женскомъ образованіи должны быть приняты во вниманіе многія обстоятельства. Сами защитники женской эманципации и женскаго вмѣшательства въ трудъ мушны, почти въ каждой апологіи своей, указываютъ намъ на непонятный для нихъ фактъ,—именно,—что въ Англии иначе относятся къ вопросу о женскомъ образованіи, чѣмъ въ Швейцаріи, во Франціи не такъ смотрятъ на это дѣло, какъ въ Германіи. Ясно, что рѣшеніе вопроса зависитъ не отъ однихъ только фізіологическихъ, или психологическихъ данныхъ, но еще и отъ тѣхъ условій, среди которыхъ предпринято рѣшеніе этого вопроса. Необходимо принимать во вниманіе условія географическія, историческія, бытовыя, вліявшія на положеніе женщины среди того или другого народа, образованіе ея идеала, ея назначеніе не общечеловѣческое только, но и чисто національное, даже сословное; требованія, предъявляемыя къ женщинѣ самымъ характеромъ народной жизни и ея задачами, духомъ, направленіемъ. Въ виду этого представляется совершенно естественнымъ, когда на вопросъ о женскомъ образованіи различно отвѣчаютъ не только различные народы, но даже и сословія.

Міровая исторія представляетъ намъ лучшее доказательство того, въ какой зависимости образованіе женщины находится отъ характера, духа и направленія народной жизни; она-же безпристрастно укажетъ намъ и ту почву, на которой только и можетъ быть получено болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе вопроса о положеніи женщины и женскомъ образованіи.

¹⁾ Овцынъ, Развитие женскаго образованія. Сиб. 1887. Стр. 4.

Уже на первыхъ страницахъ Библии предъ нами раскрывается воля Божія относительно того, какое положеніе назначается женщинѣ. Богъ даетъ Адаму, въ лицѣ жены его Евы, не рабу, а помощницу *подобную* ему, — подобную въ виду одинаковаго съ нимъ естества и въ противоположность къ другимъ родамъ животныхъ. Далѣе жену Господь творитъ не изъ земли, какъ Адама, а *изъ ребра* человѣка: „а) для того, чтобы человѣкъ, сотворенный по образу Божію, былъ единственнымъ началомъ существъ своего рода, подобно какъ Богъ есть единственное начало всѣхъ родовъ существъ; б) дабы жена всегда была близка къ сердцу мужа; в) дабы она естественно расположена была къ послушанію и покорности ему, будучи его какъ-бы частію“¹⁾. Мужу съ другой стороны заповѣдуются Богомъ исключительная любовь къ женѣ, такъ что онъ даже „оставитъ отца своего и свою мать и прилѣжится къ женѣ своей; и будутъ (два) плоть одна“. Такое отношеніе между мужемъ и женою проходитъ черезъ всю исторію Ветхаго Завѣта. Сарра называетъ Авраама своимъ господиномъ; но съ своей стороны и Авраамъ изгоняетъ Агарь, имѣвшую родить ему даже сына, изъ уваженія къ Саррѣ и ея требованіямъ. Многоженство допускалось, особенно во времена патріарховъ, но не потому, что на женщину въ то время смотрѣли какъ на вещь, а вслѣдствіе неплодія законныхъ женъ и нерѣдко съ согласія послѣднихъ: „И сказала Сарра Аврааму: вотъ, Господь заключилъ чрево мое, чтобы мнѣ не раждать; войди-же къ служанкѣ моей: можетъ быть я буду имѣть дѣтей отъ нея. Авраамъ послушался словъ Сарры. И взяла Сарра служанку свою, Агарь, и дала ее Аврааму, мужу своему, въ жену“. Дочь не могла выйти замужъ безъ позволенія родителей, но и родители не выдавали въ замужество дочерей своихъ, не спросивъ напередъ у нихъ согласія: „призовемъ дѣвицу, и спросимъ, что она скажетъ. И призвали Ревекку и сказали ей: пойдешь-ли съ этимъ человекомъ? Она сказала: пойду“.

Благословеніе Божіе на размноженіе потомства Авраама

¹⁾ Записки на кн. Бытія, М. 1867, стр. 48.

въ лицѣ еврейскаго народа всегда побуждало евреевъ хранить чистоту брака. Вслѣдствіе этого семейная жизнь пользовалась великимъ уваженіемъ; а преступленіе женщины противъ супружеской вѣрности считалось однимъ изъ величайшихъ преступленій и влекло за собою тягчайшее наказаніе— „побіеніе камнями“. Распутная женщина всегда находилась во всеобщемъ презрѣніи и считалась причиною гибели для мужчины. (Срв. Притч. Солом. II, 16—19; V, 3—20; VI, 24—35; VII, 10—27; IX, 13—18).

Въ тѣсной связи съ уваженіемъ въ браку и семейной жизни находилось и положеніе еврейской женщины вообще. Добрую, высоконравственную, разумную и скромную женщину евреи цѣнили высоко; напротивъ презирали, признавали несчастіемъ для мужчины женщину глупую, задорную, сварливую, недомовитую, хотя бы, по внѣшнему виду, она была рѣдкою красавицей. „Что золотое кольцо въ носу у свиньи, то женщина красивая и—безразсудная“ (Прит. Солом. XI, 22); „Благонравная жена пріобрѣтаетъ славу, а трудолюбивыя пріобрѣтаютъ богатство“ (ст. 16). „Добродѣтельная жена—вѣнецъ для мужа своего; а позорная—какъ гниль въ костяхъ его“ (XII, 4); „Мудрая жена устроить домъ свой; а глупая разрушить его своими руками“ (XIV, 1). „Сварливая жена—сточная труба; а разумная жена—отъ Господа“ (XIX, 13—14). „Лучше жить въ углу на кровлѣ, нежели съ сварливою женою въ просторномъ домѣ“ (XXI, 9). „Лучше жить въ землѣ пустынной, нежели съ женою сварливою и сердитою“ (ст. 19). „Непрестанная капель въ дождливый день и сварливая жена—равны“ (XXVII, 15). „Земля не можетъ носить позорную женщину, когда она выходитъ замужъ“ (L, 21. 23).

Идеаль еврейской женщины ветхозавѣтнаго періода премудрый Соломонъ изображаетъ намъ въ слѣдующихъ чертахъ: „Кто найдетъ добродѣтельную жену? цѣна ея выше жемчужовъ. Увѣрено въ ней сердце мужа ея, и онъ не останется безъ прибытка. Она воздастъ ему добромъ, а не зломъ, во всѣ дни жизни своей. Добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками. Она, какъ купеческіе корабли, издалека добываетъ хлѣбъ свой. Она встаетъ еще ночью, и раз-

даетъ пищу въ домѣ своемъ и урочное служанкамъ своимъ. Задумаетъ она о полѣ, и приобрѣтаетъ его; отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ. Препоясываетъ силою чресла свои и укрѣпляетъ мышцы свои. Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и—свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью. Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ, и персты ея берутся за веретено. Длань свою она открываетъ бѣдному, и руку свою подаетъ пуждающемуся. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды. Она дѣлаетъ себѣ ковры: виссонъ и пурпуръ—одежда ея. Мужъ ея извѣстенъ у воротъ, когда сидитъ съ старѣйшинами земли. Она дѣлаетъ покрывала и продаетъ, и поясы доставляетъ купцамъ финикійскимъ. Крѣпость и красота—одежда ея, и весело смотритъ она на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростію, и кроткое наставленіе на языкѣ ея. Она наблюдаетъ за хозяйствомъ въ домѣ своемъ, и не ѣстъ хлѣба праздности. Встаютъ дѣти,—и ублажаютъ ее,—мужъ хвалитъ ее: „Много было женъ добродѣтельныхъ; но ты превзошла всѣхъ ихъ“. Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы“. (Прит. LI, 10—31).

Сообразно этому идеалу евреи и старались воспитывать своихъ дочерей; они не мечтали видѣть ихъ на поприщѣ общественной дѣятельности, хотя нѣкоторыя изъ еврейскихъ женщинъ, достигнувъ всеобщаго уваженія за свою близость къ высокому идеалу, начертанному Божественнымъ Откровеніемъ, и приобрѣтали иногда громадное вліяніе на общественную жизнь (Девора, Есѣирь). Евреи готовили своихъ дочерей исключительно лишь для неутомимой дѣятельности во благо семьи, въ благочестіи и страхѣ Божіемъ; ибо только такая жена и мать могла воспитывать дѣтей, могущихъ сохранять обѣтованіе Іеговы. Желая имѣть женъ, боящихся Господа, евреи обращали особенное вниманіе на религіозное воспитаніе дочерей своихъ: они обучали ихъ Закону Божію съ такою-же ревностію, какъ и сыновей. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ предпоследней главы книги пророка Даніила (изъ такъ называемой исторіи Сусаны), гдѣ между прочимъ мы читаемъ: „родители ея (Сусаны) были

праведные и научили дочь свою закону Моусееву“ (XIII, 3). Изъ Евангелія отъ Іоанна мы видимъ, что ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа даже самаряне обращали серьезное вниманіе на религіозное воспитаніе своихъ дочерей,—и самарянки интересовались высшими „богословскими“ вопросами того времени, какъ, напр., вопросомъ о томъ, гдѣ слѣдуетъ поклоняться истинному Богу—въ Іерусалимѣ или на горѣ при Сихемѣ, или вопросомъ о пришествіи Мессіи.

Въ цѣляхъ-же религіознаго воспитанія іудеи требовали, чтобы дочери ихъ, помимо знанія закона Моусеева и великихъ дѣлъ, совершенныхъ Іеговою среди избраннаго народа, принимали участіе во всѣхъ религіозныхъ торжествахъ, церемоніяхъ, жертвоприношеніяхъ, обрядахъ и молитвословіяхъ. Нерѣдко благочестивые родители „посвящали Богу“ дочерей своихъ, отдавали ихъ съ ранняго дѣтства на воспитаніе во храмъ, гдѣ онѣ помѣщались въ такъ называемомъ „дворѣ жень“ и воспитывались подъ руководствомъ благочестивыхъ старицъ, каковою была, напр., Анна пророчица, подражая ихъ благочестивымъ примѣрамъ и слушая ихъ увѣщанія къ неизмѣнной преданности единому Богу. Кромѣ обученія чтенію и письму, евреи обучали также дочерей своихъ пѣнію гимновъ и псалмовъ, игрѣ на гусляхъ, псалтирѣ, бубнахъ и тимпанѣ. Если принять во вниманіе, что еврейскія дѣвицы даже послѣ плѣна вавилонскаго могли читать пророческія книги на древне-еврейскомъ языкѣ, тогда какъ весь народъ говорилъ уже по-арамейски и почти не понималъ языка своихъ священныхъ книгъ, ставшаго достояніемъ школы и ученыхъ, то необходимо придти къ заключенію, что евреи вообще обращали весьма серьезное вниманіе на обученіе своихъ дочерей, хотя обученіе это и преслѣдовало только одну цѣль религіозную. Главная забота и главный надзоръ за воспитаніемъ дочерей лежали, конечно, на матеряхъ, которыя, впрочемъ, по преимуществу занимались съ ними сельскимъ хозяйствомъ и приучали ихъ къ домовитости: учили ихъ варить и печь, готовить одежду, дѣлать ковры и опоясанія, ухаживать за виноградниками и даже присматривать

за скотомъ. И нужно отдать справедливость древне-еврейскимъ женщинамъ,—при серьезномъ умственномъ развитіи и при богатомъ запасѣ познаній,—въ чемъ онѣ иногда нисколько не уступали мужчинамъ, онѣ вовсе не высказывали претензій на общественную дѣятельность, а смотрѣли только на семью, какъ на самую естественную сферу для приложенія ихъ труда и познаній, и никогда не пренебрегали трудомъ физическимъ, если только онѣ могъ служить на пользу мужа и во благо семьи; отъ чтенія книгъ Св. Писанія онѣ переходили къ домашнимъ занятіямъ: обшивали дѣтей, вмѣстѣ съ служанками жали на поляхъ хлѣбъ, собирали виноградъ, поили у колодца свой скотъ, сами *непрерывно* кормили грудью своихъ дѣтей (и большею частію въ теченіи трехъ лѣтъ), приготовляли пищу для семьи. Не удивительно послѣ этого, если къ своей матери и женѣ еврей, какъ мы видѣли изъ словъ премудраго Соломона, относился съ великимъ уваженіемъ и любовію, видя въ нихъ свою славу, свою гордость „у воротъ города между старѣйшинами“.

Къ сожалѣнію, еврейская женщина не всегда пользовалась одинаковымъ положеніемъ, и не всегда обращали одинаковое вниманіе на ея воспитаніе и сбученіе. Когда для еврея Талмудъ замѣнилъ собою Божественное Откровеніе, измѣнилось и положеніе еврейской женщины. Талмудъ унижилъ положеніе женщины до такой степени, до какой оно не доходило ни у одного изъ языческихъ народовъ. Женщина явилась самымъ презрѣннымъ существомъ на землѣ, вслѣдствіе чего каждый мужчина—еврей ежедневно даже и теперь возноситъ молитву: „Благословенъ ты, превѣчный Боже нашъ, царь вселенной, что не сотворилъ меня женщиной!“¹⁾ Благочестивому еврею Талмудъ запрещаетъ даже публично говорить съ женщиною, брать отъ нея деньги, смотрѣть на ея ладонь, ступать по ея слѣдамъ. Женщина потеряла всякое значеніе и уваженіе даже въ своей собственной семьѣ. Она—раба своего мужа въ полномъ смыслѣ этого слова. Отъ воли мужа безусловно зависитъ ея положеніе и даже отно-

¹⁾ Молитвы евреевъ, Г.Г. Лифшица, Варшава, 1877, стр. 23.

шеніе къ ней ея собственныя дѣтей. Самаго незначительнаго повода достаточно еврею для того, чтобы онъ могъ выгнать изъ семьи мать, развестись съ женою. Такъ напр., вполне законными причинами для расторженія брака Талмудъ признаетъ дурной запахъ изо-рта жены, невкусно состряпанное ею блюдо, неисполненіе перваго приказанія мужа, ношеніе фонтанели на рукѣ и т. п. ¹⁾ Въ глазахъ еврея, послушнаго Талмуду, женщина можетъ имѣть нѣкоторое значеніе развѣ только потому, что безъ нея нельзя выполнять заповѣди о размноженіи еврейскаго народа. Такъ какъ женщина неспособна къ обрѣзанію, то ни она не имѣетъ никакого отношенія къ закону, ни законъ—къ ней. Отсюда понятно, какъ должны смотрѣть талмудисты-евреи и на обученіе своихъ дочерей. Учить дочь свою закону,—говоритъ Талмудъ,—значитъ учить ее искусству обманывать; поэтому все образованіе женщины не должно идти далѣе умѣнья варить, мыть бѣлье, шить, прясть и вязать чулки.

Конечно, намъ могутъ сказать: „какимъ-же образомъ набиты еврейками наши теперешнія гимназій и разнаго рода „курсы?“ Но не нужно забывать, что среди евреевъ нашего времени замѣчается уже два теченія: есть евреи—послушныя чада Талмуда, и есть евреи новаго раціоналистическаго или реформаторскаго направленія, которое мало имѣетъ общаго не только съ ветхозавѣтнымъ, но даже и съ талмудическимъ іудействомъ. Это—космополиты и атеисты, которыхъ теорія—матеріализмъ, а практика—гешефтмахерство. Дочери этихъ-то вырожденъ іудейства, безъ религіи, безъ отечества, безъ твердыхъ нравственныхъ началъ и идеальныхъ стремленій, на гибель нашихъ дѣтей, и наполняютъ собою наши учеб-

¹⁾ Въ частности, по Талмуду, разводъ происходилъ въ слѣдующихъ случаяхъ: когда жена безъ вѣдома мужа подавала ему пищу, не оплаченную десятиной; когда она въ какомъ нибудь сердечномъ порывѣ произносила объѣтъ и не исполнила его; когда мужъ слышалъ ея гнѣвный голосъ внѣ ея дома, когда она, встревоженная своими дѣтьми, бранила ихъ въ его присутствіи; когда она съ веретенкомъ въ рукахъ работала за дверями дома, на улицѣ; когда она выходила на улицу, не подобравши или не подиртавши своихъ волосъ подъ сѣтку или подъ чалму. Кустодіевъ, Исторія библ. женщины. Спб. 1870 стр. 271.

ныя заведенія, внося въ нихъ духъ нравственнаго разложенія и порчи.

Итакъ изъ сказаннаго вытекаетъ, что образованіе еврейской женщины всегда находилось въ тѣснѣйшей зависимости отъ ея положенія, а это послѣднее вполнѣ обуславливалось духомъ и характеромъ, направленіемъ и всѣмъ строемъ народной жизни. Тоже самое подтвердитъ намъ и исторія всѣхъ другихъ народовъ ¹⁾.

Сосѣдніе народы,—и прежде всего *финикіяне*,—не имѣя возможности усвоить себѣ богооткровеннаго взгляда на женщину и ея положеніе, въ этомъ отношеніи стояли гораздо ниже евреевъ ветхозавѣтнаго періода. Нравственные и духовные интересы мало занимали практическихъ и предприимчивыхъ коммерсантовъ. До образованія женщины финикіянамъ вовсе не было дѣла. Женщина имъ нужна была лишь какъ работница и оберегательница домашняго имущества во время ихъ отсутствія изъ дому по торговымъ занятіямъ. Они берегли женщину какъ вещь нужную, безъ которой нельзя было никакъ обойтись въ хозяйствѣ; вотъ почему дѣвицамъ до 25-лѣтняго возраста не дозволялось даже вступать въ бракъ. Какъ извѣстно, во время своихъ морскихъ разбоевъ и хищническихъ набѣговъ, финикіяне любили увозить красивыхъ дѣвочекъ; но они смотрѣли на нихъ какъ на продуктъ выгодной торговли, и оставляли у себя лишь за отсутствіемъ хорошаго сбыта. Это обстоятельство, какъ и культъ женскаго божества Астарты или Аперы, доходившій до сладострастія и неудержимаго разгула, ясно свидѣтельствуютъ, на какой низкой степени развитія находилась женщина у финикіянь даже и въ нравственномъ отношеніи. Объ обученіи дѣвиць финикійскихъ какимъ нибудь научнымъ предметамъ, даже чтенію и письму, до насъ не дошло никакихъ извѣстій. Да въ виду сказаннаго выше едва-ли оно и

¹⁾ Въ изложеніи характера воспитанія у древнихъ дохристіанскихъ народовъ мы руководствовались 1. сочиненіемъ К. Шмьдта „Исторія Педагогика“ т. I. 2. Сочиненіемъ Dr. Heegaard's Ueber Erziehung. Eine Darstellung der Pädagogik und ihrer Geschichte. 1884. Стр. 3—23.

было въ дѣйствительности у этого меркантильнаго и суетливаго народа. Гдѣ дѣло идетъ только о торговлѣ и мореходствѣ и гдѣ находится въ пренебреженіи домашняя и семейная жизнь, равно какъ и нравственность, тамъ, конечно, не до обученія и воспитанія женщины, не до школы съ ея религіозными, нравственными и умственно-просвѣтительными цѣлями. Правда, въ Финикіи существовало даже особое учное сословіе, были политехническія училища съ обученіемъ правамъ и языкамъ тѣхъ народовъ, съ которыми финикіяне находились въ торговыхъ сношеніяхъ, съ обученіемъ торговлѣ и мореплаванію,—однимъ словомъ школы, вызванныя стремленіемъ къ матеріальной пользѣ и наживѣ посредствомъ торговыхъ спекуляцій; но эти школы имѣли значеніе только для однихъ мальчиковъ, дѣвочекъ въ нихъ не допускали.

Ассиріяне и *вавилоняне* относились къ своимъ дочерямъ не лучше финикіянъ. Тамъ женщина находилась еще въ большемъ униженіи, чѣмъ у послѣднихъ. Извѣстно, что вавилоняне нисколько не дорожили своими дочерьми: они не только выставляли ихъ на общественныхъ рынкахъ и продавали тому, кто соглашался заплатить дороже другихъ, но и приносили въ жертву богамъ. Объ униженномъ положеніи женщины какъ у ассиріянъ, такъ и у вавилонянъ ясно свидѣтельствуетъ и существовавшій у нихъ обычай многоженства: каждый могъ имѣть столько женъ, сколько онъ могъ купить и содержать. Понятно, что объ умственномъ или нравственномъ образованіи женщины здѣсь не могло быть и рѣчи.

Не завидно было положеніе женщины и у древнихъ *персовъ*. Ей предоставлялось право быть выше домашнихъ животныхъ, какъ получеловѣку, но несравненно ниже мужчины. И здѣсь женщина была только вещью необходимою и полезною для перса въ виду достиженія имъ главной цѣли его существованія—увеличенія и усиленія государства въ формѣ безусловнаго деспотизма и безотчетнаго повиновенія повелителю. Многоженство, этотъ самый существенный признакъ обезличенія женщины, у персовъ было не только обычаемъ дозволеннымъ, но и узаконеннымъ. По словамъ

Геродота, отъ каждаго перса требовалось закономъ—и притомъ исключительно въ видахъ государственной пользы,—чтобы онъ имѣлъ нѣсколько законныхъ женъ и сверхъ того еще болѣе наложницъ, такъ какъ, по понятіямъ персовъ, говоритъ Геродотъ, послѣ боевой храбрости высшая доблесть состоитъ въ томъ, чтобы нажить по возможности болѣе дѣтей, и того, у кого родится ихъ болѣе всѣхъ, царь ежегодно награждаетъ подаркомъ“¹⁾. Въ виду этого всѣмъ дѣвицамъ, достигнувшимъ узаконеннаго совершеннолѣтія (13-ти лѣтъ отъ роду), вѣнялось въ непремѣнную обязанность вступать въ бракъ. Бракъ особенно поощрялся между близкими родственниками: дозволялось вступать въ бракъ даже съ матерями и родными сестрами²⁾. Вообще однако нужно сказать, что среди персовъ бракъ и вѣрность супружескимъ обѣтамъ признавались одною изъ высшихъ добродѣтелей, сожитіе внѣ брака было строго запрещено и преслѣдуемо; но это уваженіе къ браку и презрѣніе къ распутству были обусловлены, къ сожалѣнію, не нравственными, а чисто политическими мотивами. Жена была настоящею рабою своего мужа. Каждое утро девять разъ она должна спрашивать своего мужа: „Что прикажешь мнѣ дѣлать?“ Такимъ-же образомъ и дочери должны относиться къ отцу, старшему брату или другому лицу, подъ покровительствомъ котораго онѣ находятся. Въ виду такого униженнаго положенія персидской женщины было совершенно въ порядкѣ вещей, если на ея умственное развитіе персы не обращали да и теперь не обращаютъ совершенно никакого вниманія³⁾.

¹⁾ Карль Шмидтъ, Ист. Педаг. 1877. Т. I, стр. 118.

²⁾ Швейгеръ-Дерхенфельдъ. „Женщина“. Стр. 92—93.

³⁾ Вотъ что говоритъ, напр., Вамбери о теперешнихъ женщинахъ Востока и въ особенности персіянкахъ. „Отъ западныхъ сестеръ онѣ отличаются главнымъ образомъ полнымъ невѣжествомъ и необразованностію сердца и ума. Въ этомъ отношеніи онѣ остаются даже далеко позади того, чѣмъ были западныя женщины въ средніе вѣка. Многія изъ нихъ не имѣютъ даже понятія о существованіи женскаго образованія, не только о необходимости его. Значительное большинство женщинъ не умѣютъ читать и писать, и почти всѣ по образованію стоятъ ниже мужчины, окончившаго курсъ въ первоначальной школѣ“. Очерки жизни и нравовъ Востока. Спб. 1877. Стр. 26.

Персидскія женщины обыкновенно не пользовались общественнымъ образованіемъ. Все воспитаніе персидскихъ дѣвицъ состояло лишь въ томъ, что мать научала ихъ шитью, вязанью шалей и ковровъ, кухонной стряпнѣ, веденію домашняго хозяйства, пляскѣ, рѣдко музыкѣ, и женскимъ притираньямъ.

Болѣе почетное положеніе женщина занимаетъ у *индусовъ* ¹⁾. Правда, и здѣсь она всецѣло подчинена мужу, какъ главѣ семейства,—она уподобляется пашнѣ, а мужъ—сѣмени,—но у индусовъ требуется уже и со стороны мужа надлежащее уваженіе къ женѣ. По ученію индійскихъ священныхъ книгъ, „гдѣ чтятся жены, тамъ благоволеніе боговъ; гдѣ-же презираютъ ихъ, тамъ тщетны всѣ религіозные подвиги“ ²⁾. Подобно всѣмъ другимъ восточнымъ народамъ, многоженство признается дозволеннымъ и для индусовъ; но здѣсь мы видимъ уже значительное ограниченіе этого обычая; многоженство среди индусовъ является уже въ нѣкоторомъ родѣ только какъ привиллегія; именно—браману, какъ самому почетному лицу, дозволялось, при его желаніи, имѣть четыре жены, воину—три, земледѣльцу—двѣ, а судрѣ—лишь одну на всю жизнь ³⁾. Бракъ былъ въ большомъ уваженіи и каждый индусъ имѣлъ полное право высказать порицаніе тому отцу, который медлилъ выдачею въ замужество своей дочери ⁴⁾. И отецъ, выдавая въ замужество свою дочь, никогда не считалъ нужнымъ спрашивать на это ея согласія. Да оно и понятно: индусы выдавали въ замужество своихъ дочерей, когда послѣднія едва достигали 7—8-лѣтняго возраста; что-же и спрашивать ихъ о согласіи на вступленіе въ бракъ?..

¹⁾ Срав. Швейгеръ-Лерхенфельдъ „Женщина. Ея жизнь, нравы и общественное положеніе у всѣхъ народовъ земнаго шара“. Спб. 1885. Стр. 164—166.

²⁾ К. Шмидтъ, Ист. Педаг. Т. I. Стр. 101.

³⁾ Въ позднѣйшее время обычай этотъ, впрочемъ, измѣнился къ худшему. Теперь браманская полигамія хуже мусульманской. Теперь индусъ беретъ женъ, сколько угодно, и нерѣдко ведетъ ими даже торговлю... Нѣкоторые изъ брамановъ теперь имѣютъ иногда до 120 женъ. Срав. Швейгеръ-Лерхенфельда, „Женщина у всѣхъ народовъ земнаго шара“. Спб. 1885. Стр. 146.

⁴⁾ Швейгеръ-Лерхенфельдъ, „Женщина у всѣхъ народовъ земнаго шара“. Спб. 1885. Стр. 147.

Этотъ-же ранній возрастъ для вступленія въ бракъ былъ причиною и того, что дочери индусовъ-браманъ были лишены всякаго образованія: ихъ было некогда учить чему-либо. Впрочемъ, индусы были противъ образованія женщинъ, такъ сказать, и по принципу. По ихъ убѣжденію, школьное или книжное образованіе можетъ только принести вредъ чистотѣ женскихъ нравовъ; умственное образованіе и ученныя занятія, говорятъ индусы ¹⁾, отвлекаютъ хозяекъ отъ домашнихъ занятій и внушаютъ имъ отвращеніе къ ихъ прямымъ обязанностямъ ²⁾. Впрочемъ, такъ какъ индусы вообще всегда питали уваженіе къ знанію и наукѣ, то они считали нужнымъ давать научное образованіе и женщинамъ, но только такимъ, которыя были свободны отъ семейныхъ обязанностей матери и жены, и даже обрекали себя на безбрачіе во всю жизнь. Такими женщинами у индусовъ были публичныя танцовщицы и храмовыя прислужницы или *бядерки*. Это были дѣти крайне бѣдныхъ родителей, верѣдко запроданныя на служеніе храму съ первыхъ дней рожденія. Танцовщицы изучали свое искусство какъ ремесло, упражняясь сверхъ того еще въ музыкѣ и пѣніи; а бядерки, подъ руководствомъ жрецовъ, обучались чтенію и перепискѣ священныхъ книгъ вмѣстѣ съ различнаго рода религіозными упражненіями. Впрочемъ, и бядерки были обучаемы музыкѣ, пѣнію и пляскѣ, но не ради чувственнаго удовольствія, а лишь въ видахъ предстоявшаго имъ храмоваго служенія.

Съ реформой браманства, произведенной Буддою, измѣнилось и положеніе индійской женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ возрѣвія индусовъ на женское образованіе. Если индійцы-браманы, при всемъ своемъ уваженіи къ женщинѣ, считали излишнимъ ея образованіе лишь въ силу однихъ своихъ практическихъ соображеній, даже, можно

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Иед. т. I, стр. 104.

²⁾ По свидѣтельству знатоковъ индійской жизни, и теперь книжное ученіе не считается приличнымъ женщинѣ, — и теперь индійская женщина боится навлечь на себя жесточайшія укоризны, если-бы узнала посторонніе, что она умѣетъ читать и писать.

сказать, во имя того-же самаго уваженія къ женщинѣ и браку, то индійцы-буддисты отказали женщинѣ въ образованіи уже по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ и въ силу созданнаго ими униженнаго положенія даже женщины—матери. „Жена, дочь и мать,—говоритъ Будда,—суть не что иное какъ блудница“. Женщина есть виновница всего зла въ мірѣ, виновница всѣхъ скорбей и страданій, ибо она виновница бытія, жизни; поэтому она есть самое презрѣнное существо во всемъ мірѣ. Истинный послѣдователь Будды долженъ бѣжать отъ нея и презирать ее; бракъ для него запрещенъ безусловно. „Душа человѣка, преданнаго чувственнымъ похотямъ,—учатъ буддисты,—неизбѣжно перейдетъ въ тѣло женщины“. Здѣсь указано на женщину, очевидно, только потому, что хуже женщины буддисты ничего не могутъ себѣ представить. Дочереубійство считается у буддійскихъ индузовъ еще и нынѣ высокою добродѣтелью и выполненіемъ божественной заповѣди. Отцы нерѣдко убиваютъ своихъ дочерей тотчасъ послѣ ихъ рожденія. Насколько этотъ обычай считается у индузовъ священнымъ, можно судить по слѣдующему факту, отмѣченному Швейгеръ-Лерхенфельдомъ (стр. 148). „Когда въ 1836 году индо-британское правительство произвело первое изслѣдованіе по этому поводу, то оказалось, напримѣръ, что въ западной Радшпутанѣ, при населеніи въ 10,000 человѣкъ, не было ни одной дѣвочки!.. Въ Маникпурѣ дворянство радшпутовъ признавалось, что уже болѣе ста лѣтъ въ ихъ области ни одна новорожденная не переживала году! Понятно, въ какомъ смыслѣ на этой почвѣ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о женскомъ образованіи“¹⁾.

Китайцы—жители Срединной имперіи—на все любятъ смотрѣть сквозь призму золотой середины. По ихъ ученію, самъ человѣкъ занимаетъ середину между небомъ и землею, какъ

¹⁾ Въ новѣйшее время, съ ослабленіемъ буддизма и дочереубійства, начали появляться школы для дѣвочекъ и у индузовъ. Ихъ заводятъ по преимуществу англичане. Но индійскія женщины не питаютъ къ этимъ шеоламъ особенныхъ симпатій. Срав. Швейгеръ-Лерхенфельда „Женщина. Ея жизнь, нравы и общественное положеніе у всѣхъ народовъ земнаго шара“. Спб. 1885. Стр. 143.

носитель нравственнаго міропорядка, и сохранять во всемъ середину, равновѣсіе, есть его прямое назначеніе. Соблюдать середину между людьми есть обязанность и великаго сына небесъ китайскаго государя; въ серединѣ-же состоитъ и истинная добродѣтель. Такой-же взглядъ золотой середины китаецъ имѣлъ и на женщину. Въ Китаѣ женщина никогда не была въ такомъ униженномъ положеніи, какъ у буддистовъ, но и не пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ у ветхозавѣтныхъ евреевъ. Она стояла ниже мужчины, но имѣла и свои собственныя права и преимущества. Она была подчинена мужу, но мужъ не могъ выгнать ее изъ семьи по своему произволу. Рядомъ съ законною женою китаецу дозволено имѣть и наложницъ, но предъ закономъ онѣ стоятъ гораздо ниже ея и не пользуются правами наслѣдства. Правда, что для родителей было пріятнѣе появленіе на свѣтъ сына, нежели дочери ¹⁾; новорожденнаго мальчика закутывали въ лучшія пеленки, новорожденную дѣвочку—въ тряпки; о рожденіи сына возвѣщали вывѣшиваніемъ на дверяхъ лука и стрѣлъ, о рожденіи дочери—вывѣшиваніемъ веретена и пряжи ²⁾; правда и то, что на вопросъ о числѣ дѣтей, китаецъ отвѣчалъ лишь перечисленіемъ сыновей своихъ. Но нельзя сказать, чтобы китаецъ не обращалъ уже совершенно никакого вниманія и на своихъ дочерей. Нерѣдко китайскія женщины оказываются хотя плохо, но умѣющими читать и писать; ясно, что изрѣдка и китайская женщина посѣщаетъ школу. Впрочемъ, слѣдуетъ вообще замѣтить, что китаецъ болѣе обращаетъ вниманія на физическое воспитаніе своихъ дочерей, чѣмъ на умственное. Такъ, въ аристократическихъ кружкахъ китайскую дѣвочку начинаютъ изувѣчивать уже съ ранняго дѣтства, загибаютъ большіе пальцы ея ногъ, чтобы сдѣлать ихъ короче въ слѣдахъ, и она долго бываетъ не

¹⁾ Швейгеръ-Лерхенфельдъ—„Женщина“. Стр. 231.

²⁾ Дочерей—уродовъ китаецъ, впрочемъ умерщвляли (топили въ водѣ) тотчасъ послѣ рожденія. Этотъ гнусный обычай, къ сожалѣнію, существуетъ отчасти еще и въ настоящее время. Сравни. Швейгеръ-Лерхенфельдъ „Женщина“. Стр. 231—233.

въ состояніи ни ходить, ни стоять ¹⁾), даютъ любимую форму ея стану и т. д. Но, какъ и всѣ другіе восточные народы, въ отношеніи къ женщинѣ китайцы ставятъ вообще свою цѣлю—обученіе домашнему хозяйству; начиная съ десятилѣтняго возраста, она уже почти не выходитъ изъ дому: она должна быть первою помощницею матери въ ея домашнихъ занятіяхъ. „Что хорошаго можетъ сдѣлать женщина вообще?“—спрашиваетъ уважаемый наставникъ китайцевъ.— „Пусть она заботится о томъ, какъ-бы приготовить и сохранить вино, сварить пиццу; а дѣвица прежде всего должна позаботиться о томъ, чтобы не быть въ тягость своимъ родителямъ“. Такимъ образомъ хотя женщина и составляетъ, по возрѣнію китайцевъ, звено въ мирной и блаженной гармоніи вселенной, но сферою ея дѣятельности и труда была только семья, за предѣлами которой она не имѣла никакого смысла и значенія. „Домъ—тюрьма женщины“,—провозгласилъ уважаемый китайцами Ши-Кинь. „Можно слушать свою жену, говоритъ китайская пословица, но нельзя ей вѣрить“. „Умъ женщины подобенъ ртути, а сердце—воску“. „У самой робкой дѣвушки достаточно мужества для злыхъ толковъ“. „Наука мужчинъ—упражненіе въ добродѣтели, а уклоненіе отъ этой науки—добродѣтель женщинъ“. Вотъ какъ смотрятъ китайцы на своихъ женъ!

Египетъ—страна сфинксовъ и пирамидъ, волховъ и жрецовъ,—мало сдѣлалъ для рѣшенія вопроса о женскомъ образованіи. Не движеніе, а напротивъ неподвижность, сухая мумія, продленіе и сохраненіе лишь существующаго—вотъ

¹⁾ „Мода эта, которую совершенно ложно считали слѣдствіемъ ревности, по словамъ Швейгеръ-Лерхенфельда (стр. 235—236), очень древняго происхожденія. Сами китайцы, относятъ ее къ одному происшествію, случившемуся еще въ первобытныя времена. У одной принцессы, рассказываютъ они, были такія маленькія и красивыя ножки, что всѣ ей завидовали. Другія красавицы хотѣли также достигъ этого тѣлеснаго преимущества и начали время отъ времени бинтовать ноги все крѣпче и крѣпче. Успѣхъ, хотя и незначительный, побудилъ впоследствии матерей испробовать процедуру уменьшенія ногъ въ нѣжномъ возрастѣ, и отсюда возникла отвратительная систематически практикующаяся манія изувѣчиванія“.

основная задача египетской культуры. Правда, въ Египтѣ женщина пользовалась почетомъ; но рядомъ съ этимъ существовало и многоженство, унижающее вообще положеніе женщины; только жрецу не дозволялось имѣть болѣе одной жены; кругъ дѣятельности для женщинъ здѣсь былъ шире, чѣмъ у китайцевъ; кромѣ завѣдыванія домашнимъ хозяйствомъ и внутреннею жизнью семьи, женщина въ Египтѣ должна была еще заниматься рыночными и торговыми дѣлами; но на умственное развитіе ея египтяне обращали слишкомъ немного вниманія. Наблюденіе за разлитіями Нила, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло благосостояніе населенія, повело египтянъ къ астрономіи и астрологіи, составленію календаря, межеванію, гидравлическимъ работамъ, зодчеству. Но эти науки не признавались доступными даже и для всѣхъ мужчинъ; ими занимались преимущественно лишь жрецы. Въ общественныя учебныя заведенія были допускаемы, правда, и дѣвочки до 8 лѣтняго возраста; но тѣмъ не менѣе воспитаніе и обученіе египетской женщины находилось на низкой ступени: оно ограничивалось только первоначальнымъ обученіемъ чтенію и письму.

Иныя воззрѣнія на женщину, ея положеніе и ея образованіе принесла съ собою *греко-римская культура*. На ней-то мы и остановимъ теперь свое вниманіе.

Исторія *Греціи* есть единственная въ своемъ родѣ и исключительная. Она представляетъ нѣсколько періодовъ своего развитія, весьма характеристическими признаками отдѣляющихся другъ отъ друга, такъ что грекъ гомерической эпохи уже мало похожъ даже на грека стоической, или скептической эпохи (вѣкъ разложенія греческой культуры). Далѣе, замѣчаются характеристическія различія въ жизни и направленіи, равно какъ и въ воззрѣніяхъ на жизнь разныхъ племенъ греческихъ — дорійцевъ, іонійцевъ, эолійцевъ и спартанцевъ. Наконецъ, у грековъ, какъ ни у одного изъ народовъ, было много посетителей народныхъ идеаловъ и руководящихъ воззрѣній, осмыслявшихъ или дававшихъ совершенно новое направленіе народной жизни, въ лицѣ философовъ и поэтовъ, равно какъ и государственныхъ законодателей.

Все это мы должны имѣть въ виду при сужденіи о положеніи женщины и ея образованіи въ древней Греціи.

Въ *Гомерическую* эпоху какъ многія другія явленія греческой жизни, такъ въ частности и положеніе женщины изображаются довольно симпатичными красками. Семейная жизнь представляется со многими свѣтлыми сторонами, исполненною благородной гуманности и проявленія идиллической простоты. Отношенія между мужемъ, женою и дѣтьми отличались нѣжностью и искренностію. Жена не раба мужа, а его подруга жизни; все существо ея дышало глубокою задушевностію, горячею любовію къ мужу и дѣтямъ, разумною женственностію въ словахъ и дѣйствіяхъ. Со стороны мужа замѣчается черта нѣжнаго обхожденія съ женою и полное отсутствіе жестокой грубости. Нарушеніе супружеской вѣрности—преступленіе почти неизвѣстное женщинамъ—гречанкамъ гомерическаго періода, находившимся въ бракѣ. Любимымъ занятіемъ женщины этой эпохи было тканье; имъ не пренебрегали не только прекрасная Елена и Пенелопа, но даже и нимфы—Калипсо и Киркэ. Затѣмъ къ непосредственнымъ обязанностямъ гомерическихъ женщинъ принадлежало—прясть и вышивать, руководить работами невольницъ и надсматривать за ними, стирать и чистить одежду, ухаживать за новорожденными младенцами. Этими обязанностями обуславливалось и все воспитаніе гомерическихъ дѣвицъ. Ихъ обучали главнымъ образомъ домашнему хозяйству, имѣя въ виду, какъ высшую цѣль воспитанія, еще развитіе благопристойности, скромности, благоразумія, красоты и подготовленности къ жизни у домашняго очага. Дѣвушка всецѣло принадлежала семьѣ и дому, внѣ дома она могла являться не иначе, какъ въ сопровожденіи служанки. Свое удовольствіе она находила лишь въ пѣніи у ткацкаго станка, игрѣ въ мячъ и катаньи на колесницѣ. Танцамъ и пѣнію ее обучали лишь настолько, насколько то требовалось общественными и религіозными играми. „Такимъ образомъ, согласно съ Гомеровымъ эпосомъ, уже въ богатырскую эпоху эллинской дѣвственницъ указавъ былъ кругъ ея домашнихъ занятій, ея позднѣйшаго удѣла и значенія, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и отвѣчающаго всему этому образованія. Отношеніе образованія и домашнихъ занятій, въ какомъ служанка стоитъ къ дочери господина, пока еще во многомъ отличается отъ того же отношенія въ историческую эпоху. И та и другая вмѣстѣ занимаются и пряжею и тканьемъ. Дочери помогали даже стирать въ домѣ. Въ то же время онѣ надзирали за прислугою и раздавали ей работу. Молоть зерно, печь и все, что состоитъ въ связи съ этимъ, поручалось однѣмъ лишь служанкамъ. Точно также и обмывать прибывшихъ гостей и чужестранцевъ, а равно прислуживать имъ, хотя въ особенныхъ случаяхъ тоже исполнялось и самою дочерью домохозяина“ ¹⁾. Не надо, конечно, забывать, что такое представленіе о греческой женщинѣ мы можемъ составить себѣ только по поэмамъ Гомера, въ которыхъ, какъ произведеніяхъ поэтическихъ, черты дѣйствительности легко могутъ быть перемѣшаны съ чертами идеальными. Но достойно удивленія даже и то, если греки до исторической эпохи имѣли такой прекрасный идеалъ женщины—трудолюбивой домохозяйки и любящей супруги. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что къ типу греческой женщины гомерическаго періода весьма близко стояла женщина у *грековъ—дорійцевъ* несомнѣнно исторической эпохи. Какъ извѣстно, характеристическою чертою дорійскаго племени было безусловное подчиненіе каждой отдѣльной личности государственному цѣлому. Отсюда-то у дорійцевъ и глубокое уваженіе къ семьѣ, какъ прототипу и основному источнику жизни государственной, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и уваженіе къ женщинѣ, въ особенности—матери и женщинѣ замужней. Дорійская женщина пользовалась дѣйствительно такимъ высокимъ почетомъ, какого мы не встрѣчаемъ среди другихъ греческихъ народностей. Дорійцы болѣе другихъ грековъ обращали вниманіе и на воспитаніе женщины, желая видѣть въ ней въ будущемъ заботливую мать и вѣрную, любящую, ободряющую супругу. Скромность, цѣломудріе, домовитость, безграничную преданность и полную покорность мужу они

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Педаг. т. I. стр. 174.

признавали наилучшимъ украшеніемъ женщины. Мы не знаемъ, чтобы дорійцы обучали своихъ дочерей чтенію и письму, но средствами ихъ воспитанія, кромѣ пріученія къ веденію хозяйственныхъ занятій, несомнѣнно были музыка, орхестика и гимнастика. Самая пляска у дорійскихъ женщинъ имѣла какой-то особенный, серьезный, важный, однимъ лишь дорійцамъ свойственный характеръ.

Ничего такого не встрѣчаемъ мы у *іонійцевъ*. Мало того, іонійцы, можно сказать, представляли собою въ данномъ случаѣ даже совершенную противоположность дорійцамъ. Они жили на островахъ и по малоазіатскому побережью. Вслѣдствіе этого они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народами Востока—съ персами, индійцами и т. п. У нихъ-то они позаимствовали и много дурного въ нравственно-бытовомъ отношеніи. Подъ вліяніемъ возрѣвнѣй вышеуказанныхъ народовъ Востока, между прочимъ, іонійцы усвоили себѣ крайне легкое отношеніе къ своимъ брачнымъ и семейнымъ обязанностямъ; а здѣсь-то именно и слѣдуетъ искать причину того быстраго разложенія семейной жизни, которое мы встрѣчаемъ у іонійцевъ. Этому-же упадку нравственныхъ началъ много содѣйствовала и побѣда надъ карійцами, съ женами которыхъ іонійцы насильственно вступали въ непозволительную связь. Но гдѣ жизнь семейная разбита, тамъ женщина уже не можетъ занимать приличествующаго ей положенія. Это именно случилось и съ іонійцами. Іоніецъ во всѣ эпохи своей исторіи представлялъ собою самый характеристическій типъ „развратнаго и сластолюбиваго грека“. Мѣсто скромной и домовитой жены у него заняли развратныя *гетеры* и азіатскія артистки. Не строгость и чистота дорійской семьи, а гаремная жизнь персовъ овладѣла его симпатіями. Отсюда понятное униженіе іонійской женщины и полное отсутствіе заботъ о ея воспитаніи и образованіи. Іонійцамъ нужны были гетеры, а не жены,—гаремныя затворницы, а не хозяйки въ домѣ. Стремясь лишь къ роскоши и нѣгѣ, руководствуясь въ своей жизни лишь порывами сладострастія и разгула, іоніецъ не имѣлъ даже свободнаго времени, чтобы посвятить его на

воспитаніе дѣтей. Раньше другихъ грековъ онъ осмѣялъ свою религію, раньше другихъ онъ бросилъ серьезныя занятія философіею, раньше другихъ онъ бросилъ гимнастику, какъ лучшее средство физическаго воспитанія, раньше другихъ онъ измѣнилъ серьезный характеръ своей музыки въ вакхическій, раньше другихъ, наконецъ, онъ передалъ въ руки рабовъ и воспитаніе своихъ дѣтей.

Средину между дорійцами и іонійцами занимало третье греческое племя — *эолийское* (лесбійцы, эолийцы, беотійцы и эссалийцы). Подобно іонійцамъ, эолийцы также любили предаваться разгулу и удалству; любимыми удовольствіями этого племени были: гимнастическія игры, верховая ѣзда, фехтованье, затѣмъ — кутежи и попойки съ присутствіемъ женщинъ самаго легкаго поведенія. Только у беотійцевъ женщина пользовалась еще довольно почетнымъ положеніемъ; но и беотійцы были далеки отъ того, чтобы оставить за собою важное историческое значеніе въ дѣлѣ умственнаго образованія и воспитанія женщины. Беотійскія женщины съ раннихъ лѣтъ обыкновенно обучались только пѣнію, да игрѣ на лирѣ и флейтѣ.

Совершенно оригинальный и единственный во всей міровой исторіи взглядъ на женщину, ея общественное значеніе и ея воспитаніе выработали *спартанцы*. Стремленіе дорійцевъ къ стройному, цѣльному, могущественному государственному цѣлому наилучшее осуществленіе нашло для себя у спартанцевъ. У историковъ мы встрѣчаемъ совершенно вѣрное замѣчаніе, что спартанцы принесли въ жертву своему государственному идеалу все — семью, родъ и индивидуальность. Но этого замѣчанія нельзя однако-же понимать такимъ образомъ, что у спартанцевъ не имѣли важнаго значенія эти главные факторы общественной жизни. Совершенно напротивъ. Спартанецъ болѣе всѣхъ другихъ грековъ признавалъ важное значеніе какъ за семьей, такъ и за отдѣльными лицами, но только цѣнилъ это значеніе не иначе какъ съ точки зрѣнія пользы, приносимой государству. По убѣжденію спартанцевъ, государство только тогда можетъ быть могущественнымъ и сильнымъ, когда еди-

ничныя лица, его составляющія, будутъ отличатся здоровьемъ, физическою силою и совершенною преданностію общему дѣлу, безусловнымъ подчиненіемъ индивидуальной воли волѣ государства, волѣ всего общества,—безъ чего не мыслима храбрость и самопожертвованіе. Въ непосредственной связи съ этимъ взглядомъ находилось какъ положеніе спартанской женщины, такъ и дѣло воспитанія вообще. Послѣднее было всецѣло принято государствомъ подъ свою опеку. Государству нужны были крѣпкіе и здоровые подданные. Это заставляло спартацевъ обращать вниманіе на физическое воспитаніе юношества. Но физическое здоровье находится въ тѣсной связи съ строгою нравственностію, простою жизни и воздерженіемъ; отсюда—забота спартацевъ и о нравственномъ воспитаніи. Бракъ спартацы уважали какъ ни одно изъ греческихъ племенъ, но смотрѣли на него исключительно какъ на средство для увеличенія числа гражданъ. Въ виду этого законъ не допускалъ многоженства и подвергалъ тяжелому наказанію за нарушеніе святости брака. Впрочемъ на этотъ предметъ спартацы имѣли слишкомъ оригинальный взглядъ. Такъ напр., у нихъ не только не считалось прелюбодѣяніемъ, а даже было узаконено обычаемъ, чтобы человѣкъ, чувствовавшій себя неспособнымъ къ брачной жизни, уступалъ свои супружескія права болѣе способному. Такъ какъ сущность брака, по возрѣнію спартацевъ, состояла въ рожденіи дѣтей, то безплодіе считалось вполне достаточною причиною для расторженія брака. Вотъ почему и спартанецъ, съ презрѣніемъ отвошившійся къ бездѣтной и незамужней женщинѣ, благоговѣлъ предъ женщиною—матерью. Замужнія женщины въ Спартѣ пользовались даже бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ мужчины,—и именно потому, что онѣ,—какъ сказала одной иностранкѣ жена Леонида, Горгона,—были способны рожать мужей. Впрочемъ, такимъ уваженіемъ пользовались только женщины взрослыя, атлетическаго сложенія и крѣпкія физическимъ здоровьемъ. Идеаль спартавской женщины весьма вѣрно очерченъ у Аристофана словами афинянки, обращенными къ спартанкѣ: „какъ ты прекрасна, какъ хо-

рошъ цвѣтъ твоей кожи, какъ роскошно твое тѣло, какъ развиты у тебя грудные мускулы; по-истинѣ ты могла-бы убить быка!“ Совершенно иначе смотрѣли спартанцы на женщинъ малорослыхъ, тщедушныхъ и болѣзненныхъ. Царь Архидамъ женился на слишкомъ малорослой женщинѣ,—и на него была наложена за это денежная пеня.

Сообразно съ такими требованіями, предъявленными къ женщинѣ, было поставлено у спартанцевъ и женское воспитаніе. На обученіе чтенію и письму они не обращали никакого вниманія. Но за то весьма много заботились о физическомъ развитіи и объ усвоеніи твердыхъ нравственныхъ правилъ. Заботы эти начинались еще даже раньше рожденія дитяти—воздержаніемъ, цѣломудріемъ и постояннымъ созерцаніемъ женщинами, надѣявшимися подарить отечеству сына или дочь, изящныхъ картинъ, помѣщавшихся въ ихъ спальняхъ, а также статуй боговъ и героевъ, въ особенности Аполлона, Гіадипта, Нарцисса, Кастора, Поллукса и др., ибо спартанцы были увѣрены, что такое созерцаніе должно способствовать болѣе прекрасному развитію зародыша во чревѣ матери. Съ семилѣтняго возраста дѣвочка оставляла свою мать и переходила подъ опеку общественнаго воспитанія, которое состояло главнымъ образомъ въ прохожденіи гимнастическаго курса особаго рода. „Распредѣленные по возрастамъ на разные классы, спартанскія дѣвушки въ нарочно для того отведенныхъ мѣстахъ учились привскакивать и ударять вверхъ пятками, бѣгать, бороться, прыгать, метать дискомъ и копьемъ. Онѣ такъ-же, какъ и мальчики, носили шерстяныя рубахи, только немного подлиннѣе; однако при упражненіяхъ рубахи были все-таки съ разрѣзами на одномъ бедрѣ, почему поэтъ Ивикъ и называетъ ихъ „бедроказками“. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвицы упражнялись въ разныхъ музыкальныхъ напѣвахъ. Въ особые праздники, напр. въ честь Діаны, юноши и дѣвицы плясали вмѣстѣ въ хороводахъ (каріатійскій танецъ) и пѣли свои хоралы. Съ открытымъ лицомъ и почти нагія, дѣвицы являлись не только на гимнастическихъ аренахъ и въ торжественныхъ шествіяхъ, но также на рынкѣ, и нерѣдко

даже въ сопровожденіи юношей; такимъ образомъ, совершая сильныя мускульныя упражненія на солнцѣ и чистомъ воздухѣ, онѣ росли крѣпкія и здоровыя“ ¹⁾).

Немаловажное воспитательное значеніе имѣла и та близость отношеній между юношами и дѣвицами, которую мы встрѣчаемъ только у спартанцевъ. Юноши и дѣвицы, можно сказать, росли и воспитывались на глазахъ другъ у друга. Вмѣстѣ участвовали они въ общественныхъ гимнастическихъ играхъ, воинскихъ упражненіяхъ, бѣгахъ, танцахъ, пѣніи, обѣдахъ. Это вселяло въ юношей духъ мужества и соревнованія. По крайней мѣрѣ, они боялись насмѣшекъ со стороны дѣвиць, а похвалу ихъ считали лучшею для себя наградою за свою храбрость и ловкость въ воинскихъ упражненіяхъ. Горе было тому спартанскому юношѣ, который въ своихъ гимнастическихъ движеніяхъ уступалъ преимущество какой-либо дѣвиць. На него сыпалась масса насмѣшекъ и укоровъ какъ со стороны товарищей, такъ и со стороны юныхъ спартанокъ. Какое значеніе приписывали этому свободному обращенію между юношами и дѣвицами сами спартанцы, объ этомъ можно судить по слѣдующему замѣчанію, сдѣланному Плутархомъ. „То, что мальчики такъ-же, какъ и дѣвочки, появлялись нагими и въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ плясали и пѣли передъ взорами собравшихся юношей,—говоритъ Плутархъ ²⁾),—нисколько не казалось непристойнымъ, потому что при этомъ соблюдалось цѣломудріе и изгонялось всякое распутство. Это послужило къ тому, что дѣвушки становились сдержаннѣе въ своемъ обращеніи, приучались къ пристойнымъ приемамъ и осваивались съ благородными помыслами, потому что и онѣ также имѣли долю участія въ отличіяхъ и въ ихъ оцѣнкѣ. Впрочемъ, сказанныя торжественныя шествія дѣвушекъ, ихъ одѣянія и воинскія упражненія въ присутствіи мужской молодежи много способствовали поощренію юношей къ женитьбѣ и къ тому, что въ этомъ случаѣ они руководились не геометрическими

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Педаг. т. I. стр. 197.

²⁾ Ibid. стр. 186.

доказательствами, какъ выражается Платонъ, но доводами, внушаемыми любовію“.

Отъ гимнастическихъ игръ спартанская женщина перенесла свое вліяніе на жизнь не только семейную, но и общественную. По свидѣтельству Плутарха, спартачки были прекрасными матерями и женами. До персидскихъ войнъ онѣ обыкновенно сами кормили грудью своихъ дѣтей; кормилицы и няньки, равно какъ и наемная женская прислуга изъ сословія періековъ, начали появляться въ знатныхъ домахъ только послѣ персидскихъ войнъ. Правда, нужно сказать, что спартачки никогда не были хорошими домохозяйками и руководѣльницами: они не умѣли ни прѣсть, ни ткать порядочно. Но спартачки и не ставили имъ этого въ вину. Имъ нужна была не домохозяйка и руководѣльница (въ большинствѣ случаевъ они ходили полунагіе); имъ нужна была совѣтница и помощница въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ; а такую дѣйствительно и была спартанская женщина. Она смѣло и прямодушно разсуждала съ мужчинами о дѣлахъ общественныхъ и оказывала большое, въ большинствѣ случаевъ благодѣтельное вліяніе какъ на сына, такъ и на мужа. Мнѣніе женщинъ было всегда выслушиваемо со вниманіемъ, порицанія ихъ всѣ боялись, похвалою гордились. Мать гордилась доблестными подвигами своего сына, воодушевляла его къ патріотическому самопожертвованію, а когда онъ падалъ въ бою съ врагами отечества, она не только геройски переносила скорбь, но и спѣшила возблагодарить боговъ за то, что они послали ея сыну такую славную смерть. Послѣ этого можно себѣ представить какое тяжелое чувство должна была испытывать спартанская женщина, когда ея сынъ или мужъ оказывался измѣнникомъ, или трусомъ. Говорятъ, что одна изъ такихъ матерей собственноручно убила своего сына за то, что онъ по трусости убѣжалъ съ поля сраженія, а другая, Горгона, жена Леонида, передала своему сыну щитъ со словами: „или съ нимъ, или на немъ!“

Итакъ, мы видимъ, что положеніе женщины-спартачки было весьма почетное, но обусловливалось исключительно интересами государственными и отъ нихъ зависѣло; образо-

ванія школьнаго въ смыслѣ обученія чтенію, письму и даже рукодѣлю почти не существовало; воспитаніе имѣло общественный характеръ и было ведено въ томъ именно направленіи, какое нужно было государству, желавшему имѣть здоровыхъ и храбрыхъ воиновъ-гражданъ.

Иной взглядъ на женщину, ея положеніе и ея воспитаніе мы встрѣчаемъ у *аѳинянокъ*, населявшихъ среднюю часть Греціи или Аттику. Правда, подобно спартянкамъ, и аѳиняне относились къ браку съ уваженіемъ; но аѳинянка даже и въ своей собственной семьѣ не пользовалась тѣмъ почетнымъ положеніемъ, какое занимала спартянка. О вліяніи на общественную жизнь нечего, конечно, и говорить. Аѳинянкѣ даже запрещено было вмѣшиваться въ общественныя дѣла и говорить о нихъ съ мужчинами. Аѳинская женщина не имѣла никакой самостоятельности, находилась въ полнѣйшей зависимости отъ мужчины (отца, старшаго брата и мужа) и обречена была на самую замкнутую и уединенную жизнь. Если мужъ устраивалъ въ домѣ какое-либо пиршество, то жена, мать и дочь не могли принимать въ немъ никакого участія, не могли даже выйти къ гостямъ. Спальня и дѣвичья заключали въ себѣ весь міръ для аѳинянки, ея собесѣдницами были только ея служанки, вмѣстѣ съ которыми она и проводила свое время, занимаясь тканьемъ, вязаньемъ, шитьемъ платья мужу и дѣтямъ, да домашнимъ хозяйствомъ. Изъ дому аѳинянка лишь выходила въ очень рѣдкихъ случаяхъ—и то не иначе, какъ въ сопровожденіи раба. „Женщины, которыя по свойству ихъ натуры живутъ въ цѣломудріи и такъ, что ни одинъ мужчина не вѣдаетъ про нихъ ни похвалы, ни порицанія,—говоритъ Перикль ¹⁾,—пользуются наибольшою славою“. Вообще-же высокою репутаціею въ Аѳинахъ пользовалась только та женщина, которая почти безвыходно сидѣла дома, не искала развлеченій, рѣдко появлялась въ обществѣ и у окна собственной комнаты избѣгала взоровъ чужихъ мужчинъ. Впослѣдствіи, въ эпоху полного упадка нравовъ, съ появленіемъ гетеръ и развитіемъ „страсти къ отрокамъ“,—

¹⁾ У К. Шмидта, Ист. Педаг. Т. I. Стр. 226.

положеніе аѳинянки стало еще болѣе тяжелымъ и униженнымъ.

Такому положенію аѳинской женщины вполне соответствовало и ея воспитаніе. Воспитаніе это,—говоря вообще,—было крайне ограниченнымъ и одностороннимъ. Аѳиняне мало заботились объ умственномъ образованіи и научныхъ познаніяхъ своихъ дочерей, а потому у нихъ не было ни школъ, ни другихъ какихъ-либо учебныхъ заведеній для женщинъ, хотя и процвѣтали школы философскія и хотя аѳиняне, сами по себѣ, были вообще любознательны и небезразлично относились къ процвѣтанію наукъ и искусствъ. У аѳинянокъ главною, если не исключительною воспитательницею дочерей была мать. Она обучала ихъ немного чтенію и письму, пѣнію и игрѣ на лирѣ. Впрочемъ, есть нѣкоторыя основанія предполагать, что у аѳинянокъ бывали и спеціальныя учительницы, къ которымъ дѣвицы для обученія ходили на домъ въ сопровожденіи раба. Но это нужно сказать лишь о тѣхъ семействахъ, въ которыхъ мать или не хотѣла, или не умѣла сама обучать своихъ дочерей. Въ эпоху гегемоніи и процвѣтанія Аѳинъ высшими женскими добродѣтелями признаваемы были благопристойность, нравственная чистота и цѣломудріе. Эти же добродѣтели преслѣдовало тогда и воспитаніе. Наконецъ, мать старалась приучать своихъ дочерей къ бережливости, аккуратности и разумному управленію домашнимъ хозяйствомъ. Нельзя не сожалѣть, что древніе аѳиняне придавали особенное значеніе физической красотѣ, какъ и вообще внѣшнему виду своихъ женъ и дочерей, и при этомъ выработали себѣ самый извращенный идеалъ этой красоты, противоположный идеалу спартацевъ. Имъ правилась не здоровая и крѣпкая, а, напротивъ, болѣзненно-нѣжная и физически-искаженная женская фигура; они не любили у дѣвиць ни высокихъ плечъ, ни развитаго стана. Вслѣдствіе этого уже съ ранняго возраста мать, заботясь о стройномъ ростѣ своихъ дочерей, затыгивала ихъ въ разнаго рода шнуровку, по приносимому ею вреду, для физическаго здоровья ничуть не уступавшую нашимъ корсетамъ. И аѳинскія дѣвушки всегда отличались хилостью и болѣзненностію. Какъ на мрачную сторону аѳин-

скаго воспитанія женщинъ, нельзя не указать еще на то, что мать уже съ ранняго возраста, заботясь о физической красотѣ своихъ дочерей, вмѣняла себѣ въ обязанность приучать ихъ къ кокетству, красила ихъ волосы, подчеркивала ихъ брови, румянила ихъ щеки, искажала лицо бѣлилами и т. п.; кормила ихъ въ проголодь, не допускала къ тяжелому физическому труду и мучила приученіемъ къ мелочному этикету: соленья брать однимъ пальцемъ, хлѣбъ, мясо и рыбу—двумя и т. д.

Сравнивая вообще спартанское воспитаніе женщинъ съ аѳинскимъ, мы должны сказать, что въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) между аѳинянами и спартацами взгляды были различны—почти до полной противоположности. И если спартанское воспитаніе женщинъ было дѣломъ общественнымъ или даже государственнымъ, то у аѳинянъ—лишь частнымъ и домашнимъ: родители воспитывали и учили своихъ дѣтей, какъ хотѣли и чему хотѣли, руководствуясь лишь одними существовавшими обычаями и предшествовавшими примѣрами. Аѳинская женщина только въ качествѣ *гетеры* (и это уже въ позднѣйшее время) стала высказывать претензіи на общественную дѣятельность и общественное вліяніе. Обладая въ большинствѣ случаевъ красивую наружностію, она въ обществѣ мужчинъ (и только однихъ мужчинъ) одушевляла бесѣду своимъ остроуміемъ, кокетничала своею развязностію, щеголяла своими познаніями и своимъ знакомствомъ съ философіею и литературою, посѣщала школы знатнѣйшихъ философовъ и нерѣдко сама хотѣла являться въ качествѣ проповѣдницы тѣхъ или другихъ философскихъ началъ, или по крайней мѣрѣ—въ качествѣ писательницы. Въ этомъ случаѣ на аѳинскую гетеру можно смотрѣть какъ на прототипъ эманципированной дѣвушки нашего времени—студентокъ, курсистокъ и т. п. Впрочемъ, какъ у насъ эманципированныя дѣвушки-курсистки извѣстнаго рода, такъ и у аѳинянъ гетеры были лишь исключеніемъ. Сами греки смотрѣли на нихъ какъ на ненормальное явленіе общественной жизни, какъ на результатъ потрясенія семейныхъ началъ.

Итакъ, Греція, завоевавшая себѣ почетное мѣсто въ исторіи міровой культуры, не дала намъ удовлетворительнаго

рѣшенія такъ называемаго „женскаго вопроса“. Жены грековъ въ послѣднее время находились въ крайне униженномъ положеніи по винѣ мужей, перенесшихъ свои естественныя чувства къ женщинѣ на отроковъ и гетеръ, а такъ какъ дѣвушки, мало занимаясь хозяйствомъ и домашнею жизнію, со всею тщательностію изошрялись только въ кокетствѣ и искусствѣ—нравиться и увлекать мужчинъ своею физическою красотою и этому занятію посвящали все свое время, то и естественно, что не откуда было взятъ женщина, которая была-бы способна вообще правильно поставить дѣло воспитанія. Неудивительно поэтому, если въ древней Греціи мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ существованія женскихъ школъ и на образованіе женщины почти не обращалось никакого вниманія. Выше другихъ въ этомъ отношеніи стояли философы; но, къ сожалѣнію, они не въ силахъ были сдѣлать многого для женщины древней Греціи, хотя они и заботились о той или другой постановкѣ женскаго воспитанія.

Въ лучшихъ сравнительно условіяхъ находилась женщина и ея воспитаніе, какъ мы видѣли, у дорійцевъ. Несомнѣнно, этому обстоятельству много содѣйствовалъ дорійскій философъ—*Пивалоръ*. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно, какое сильное вліяніе на правильную постановку семейной жизни онъ имѣлъ у кротонцевъ. Между прочимъ въ Кротонѣ онъ держалъ двѣ замѣчательныя рѣчи: одну—къ мужьямъ, другую—къ женамъ. Въ первой онъ „увѣщавалъ мужей, по поводу обращенія ихъ съ женами, подругами ихъ жизни, помнитъ, что всякіе иные договоры скрѣпляются письменными грамотами и скрижалями, а договоръ съ супругой—дѣтьми. Мужья должны снискивать себѣ любовь жены и дѣтей, не въ силу одного только естественнаго чувства, чего не могутъ они вмѣнить себѣ въ заслугу, но въ силу ихъ личной—отцовской—привязанности, ибо только въ такомъ случаѣ это будетъ добрымъ дѣломъ по свободному влеченію. Наконецъ, онъ уговорилъ ихъ на твердую рѣшимость—поддерживать брачныя сношенія съ однѣми только законными женами, дабы и онѣ также вслѣдствіе небреженія и несоблюденія долга со стороны мужей не имѣли у себя повода исказять

потомство незаконнорожденными дѣтьми“. И историкъ свидѣтельствуесть, что послѣ этого кротонцы дѣйствительно отказались отъ своей прежней распутной жизни и покинули своихъ любовницъ. Затѣмъ въ храмѣ Геры Пиеагоръ держалъ рѣчь къ кротонскимъ женамъ. Онъ началъ ее прославленіемъ женской красоты, а потомъ перешелъ къ увѣщаніямъ—читать и любить мужей, причемъ убѣждалъ любить ихъ даже болѣе, чѣмъ своихъ родителей, не огорчать ихъ противорѣчіемъ, а напротивъ искать своей славы въ разумной уступчивости, и стараться усвоить себѣ прекраснѣйшую жемчужину въ вѣнцѣ женскихъ добродѣтелей—кротость и нѣжность, ибо въ нихъ заключается вся сила женщины. Жена, говорилъ онъ, да будетъ жрицей домашняго очага и да поддержитъ и разовьетъ въ немъ божественное начало своимъ кроткимъ нравомъ и вѣрнымъ исполненіемъ обязанностей въ качествѣ супруги, матери и хозяйки. Изъ объятій мужа жена можетъ приступить къ алтарю чистою и угодною богамъ; изъ объятій-же посторонняго лица—никогда. Потому да обрѣтутъ онѣ въ отношеніи къ мужьямъ своимъ славу той-же добродѣтели, какую снискалъ себѣ Одиссей, отказавшись принять безсмертіе изъ рукъ Калипсо, лишь бы остаться вѣрнымъ Пенелопѣ. По свидѣтельству историка, послѣ этой рѣчи ни одна изъ женъ не посмѣла носить своихъ драгоценныхъ платьевъ; въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ они были подарены въ храмъ Геры. Съ тѣхъ поръ кротонскіе мужья всегда гордились вѣрностью и домовитостію своихъ женъ ¹⁾.

Сократъ, высоко ставившій знамя философіи и вмѣнявшій въ нравственную обязанность каждому мужчинѣ занятіе науками, какъ лучшее средство къ развитію самосознанія,—не признавалъ возможнымъ предъявлять такихъ требованій къ женщинамъ, „потому что у женщинъ, при всемъ ихъ сходствѣ съ мужчинами, не достаетъ ни соображенія, ни силы, тогда какъ для успѣшнаго занятія философіею прежде всего необходимы именно трезвое мышленіе и устойчивая рефлексія, такъ что эта область болѣе всего чужда женщинамъ“.

¹⁾ Срав. К. Шмидта *Ист. Педаг.* т. I, Стр. 202.

Не наука и философія, а семья, воспитаніе и уходъ за дѣтьми, домашнее хозяйство, вотъ гдѣ, по Сократу, область женскаго труда и дѣятельности.

Иной взглядъ на положеніе женщины и ея воспитаніе высказалъ аѳинскій философъ *Платонъ*, не мало содѣйствовавшій упиженію женщины именно вслѣдствіе своего желанія поднять ее и поставить на одномъ уровнѣ съ мужчиною. „Отроколюбіе“ или „мужелюбіе“, убившее уваженіе къ женщинѣ, было признано Платономъ какъ самое существенное средство государственнаго воспитанія; появленіе въ греческомъ мірѣ гетеръ также находило для себя оправданіе въ философскихъ воззрѣніяхъ Платона. Само собою понятно, что взглядъ Платона на женщину не можетъ не понравиться и нашимъ просвѣтителемъ женскаго пола. Если судить по сочиненію Платона „Республика“, Платонъ смотрѣлъ на женщину, ея положеніе и воспитаніе такимъ образомъ. Брака не должно существовать совсѣмъ: и жены, и дѣти должны быть общими для всѣхъ грековъ. Общность женъ и дѣтей, равно какъ и общность всякаго имущества есть лучшая охрана государственнаго могущества. Что касается воспитанія, то съ третьяго и до шестого года мальчикамъ и дѣвочкамъ слѣдуетъ разрѣшать совмѣстныя игры, приличныя этому возрасту и изобрѣтаемыя обыкновенно самими дѣтьми, когда они сходятся вмѣстѣ. Съ шестилѣтняго возраста дѣвочекъ уже слѣдуетъ отдѣлить отъ мальчиковъ. Но воспитаніе и обученіе дѣвочекъ ничѣмъ не должно отличаться отъ воспитанія и обученія мальчиковъ, потому что душевныя способности какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ имѣютъ одну и ту же природу и различаются между собою не по существу, а лишь по степени. Правда мужескій полъ превосходитъ женскій силою своихъ способностей, а потому онъ по преимуществу предназначенъ управлять государствомъ, тогда какъ женщина должна по преимуществу завѣдывать домашнимъ хозяйствомъ, какъ существо болѣе слабое. Тѣмъ не менѣе пѣтъ достаточного основанія—устранять женщину отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Женщины также должны заботиться о защитѣ и охранѣ города, какъ и мужчины, а потому опѣ

и должны быть образованы наравнѣ съ мужчинами какъ въ музыкальномъ и гимнастическомъ отношеніи, такъ и въ воинскихъ упражненіяхъ: подобно мальчикамъ, и дѣвочки уже съ шестилѣтняго возраста должны обучаться труднымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, воинской пляскѣ, фехтованію, бѣгу и проч. При этомъ Платонъ совѣтуетъ еще, чтобы жены стражниковъ государственныхъ упражнялись совершенно нагими вмѣстѣ съ мужчинами, такъ какъ, сбросивъ съ себя всякое одѣяніе, онѣ облекутся будто-бы въ добродѣтель. Предметами умственнаго образованія Платонъ признаетъ музыку, математику и астрономію. Но для женщины болѣе приличною является въ особенности музыка. Въ противоположность воззрѣніямъ своего учителя Сократа, Платонъ находитъ необходимымъ, чтобы греческія аристократки получали еще особое философское образованіе, потому что онѣ должны быть самыми близкими помощницами мужей какъ въ дѣлѣ преподаванія и воспитанія дѣтей, такъ и въ дѣлѣ управленія государствомъ. Взглядъ Платона на женское образованіе естественно вытекалъ изъ общихъ социалистическихъ началъ его философіи, по которой въ государствѣ нѣтъ такого занятія, которое принадлежало бы исключительно женщинѣ, какъ женщинѣ, или мужчинѣ, какъ мужчинѣ; напротивъ, такъ какъ, по ученію Платона, природныя способности у мужчинъ и женщинъ одинаковы, то и женщина наравнѣ съ мужчиною должна принимать непосредственное участіе во всѣхъ дѣлахъ какъ общественной, такъ и государственной жизни. Само собою понятно, что при этихъ воззрѣніяхъ Платонъ не могъ достигнуть такихъ успѣховъ въ Аѣинахъ, какіе были достигнуты Пифагоромъ въ Кротонѣ.

По своимъ воззрѣніямъ на женщину, ея положеніе и воспитаніе *Аристотель* стоялъ ближе къ Сократу и Пифагору, чѣмъ къ Платону. Надо замѣтить, что этотъ древній философъ является самымъ не симпатичнымъ въ глазахъ современныхъ намъ женскихъ эманципаторовъ. У женщины онъ признаетъ еще не твердую или не доразвившуюся природу ¹⁾;

¹⁾ По классическому изреченію *Аристотеля*, „женщина есть ошибка природы“.

а потому онъ отказываетъ ей какъ въ образованіи, такъ и въ общественной дѣятельности, одинаковыхъ съ образованіемъ и дѣятельностію мужчинъ. Тѣмъ не менѣе это не помѣшало ему съ полнымъ благоразуміемъ указать своимъ современникамъ на то, какое положеніе должна занимать женщина и какое ей прилично образованіе. Какъ личность свободная, женщина въ отношеніи къ мужу должна пользоваться, по Аристотелю, извѣстными правами, огражденными государственнымъ закономъ, но мужъ долженъ все-таки руководить ею, какъ старшій въ семьѣ; впрочемъ, въ существенныхъ правахъ они должны быть равны между собою: имущество и дѣти у нихъ должны быть общія, со стороны дѣтей они должны пользоваться одинаковымъ уваженіемъ и т. д. Сферу дѣятельности женщинъ Аристотель ограничиваетъ семьей, воспитаніемъ дѣтей и хозяйственными занятіями; но онъ отказываетъ имъ во всякомъ участіи въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ. Обученіе женщины должно состоять главнымъ образомъ въ пріученіи къ домашнему хозяйству; что же касается научныхъ занятій, то для женщины будетъ совершенно достаточно, если она научится читать и писать на родномъ языкѣ. Многоученная женщина скорѣе принесла бы отечеству вредъ, чѣмъ пользу, такъ какъ она оставила бы кругъ обязанностей женскихъ и не въ состояніи была бы съ точностію выполнять то, что требуется отъ мужчинъ.

Возвръніями Аристотеля мы заканчиваемъ свое сужденіе о положеніи и воспитаніи греческой женщины. Теперь намъ слѣдуетъ взглянуть, каково было положеніе и воспитаніе женщины въ древнемъ Римѣ. Но чтобы составить себѣ болѣе точное и отчетливое представленіе о римской женщинѣ, мы не должны опускать изъ виду того обстоятельства, что исторія сохранила намъ два типа римской женщины: женщина древняго Рима и женщина эпохи императоровъ. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ типовъ.

Свящ. М. Бункевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

451. И вотъ свирѣпѣйшіе войны съ обѣихъ сторонъ начинаютъ острымъ желѣзомъ терзать повѣшеннаго мужа, проводятъ широкія раны на членахъ, пересѣкаютъ косвенныя язвы прямыми, прямыя косвенными: обнажены уже кости, виднѣется сердце.

456. Отъ усилія едва переводятъ духъ (войны), а сей герой ⁸⁷⁾, на котораго устремлена ихъ свирѣпость, остается спокойнымъ и обращается (къ префекту съ слѣдующими словами): „хочешь ли „узнать истину, префектъ?... все это терзаніе не причиняетъ „мнѣ боли.

461. „Причиняетъ мнѣ боль то, что въ твоёмъ сердцѣ обитаетъ заблужденіе, равно то, что ты и этихъ (вокругъ стоящихъ) „людей увлекаешь въ гибели; со всѣхъ сторонъ стекается посмотрѣть (на муки мои) языческой народъ,—о, какъ онъ достоинъ „сожалѣнія!—и трепещетъ жестокаго жребія, меня постигнаго.

466. „Слушайте всѣ, я громко говорю и съ этого возвышенія, „мѣста моихъ мукъ, провозглашаю: Христось, Сіяніе Славы Отчей ⁸⁸⁾, Богъ—Творецъ міра и, вмѣстѣ, Причастникъ нашего „естества, обѣщаетъ вѣрующимъ (въ Него) вѣчное спасеніе,—

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 18.

⁸⁷⁾ Т. е. мученикъ Романъ.

⁸⁸⁾ Евр. 1, 1—13,

471. „Спасеніе души, которая одна не погибаетъ, но, живя вѣчно, подвергается различной участи: или сіяетъ въ свѣтѣ или погружается во тьмѣ; послѣдовавшая за Христомъ (душа) вступаетъ въ славу Отца (Небеснаго), удалившаяся отъ Христа обѣмлется тартаромъ.

476. „Должно заботиться о будущемъ воздаяніи вѣчно-продолжающейся сущности; а то, какимъ образомъ погибнуть члены (тѣлесные), которые, по закону своей природы, должны погибнуть, я не считаю важнымъ; наступаетъ разрушеніе, (тогда) пусть разрушается то, что должно погибнуть.

481. „И нѣтъ разницы: свирѣпствуетъ ли огонь и когти ⁸⁹⁾ или удручается тѣло жестокимъ расслабленіемъ; пбо болѣзни (тѣлесныя) причиняютъ часто большія страданія; не съ такою силою терзаютъ бока когти ⁹⁰⁾, съ какою поражаетъ какъ бы ножомъ невыносимый плѣвритъ.

486. „И не такъ горитъ кожа отъ желѣзныхъ листовъ ⁹¹⁾, какъ распалаетъ внутренности (своимъ) ядомъ горячка; жжетъ ли поверхность тѣла, производя нарывы, скрытый огонь лютаго воспаленія: ты могъ бы подумать, что жженіе производится раскаленнымъ желѣзомъ ⁹²⁾.

491. „Вы считаете меня несчастнымъ потому, что я повѣшенъ съ скрюченными руками, потому, что вытягиваются (мои) ноги, трещатъ жилы, хрустятъ суставы ⁹³⁾; но тѣ, которыхъ крЮчить

⁸⁹⁾ Въ подлинникѣ: *ignis et fideiculae* *aeuiant*. Словомъ *fideicula* обозначалась веревка, которою осужденные были растягиваемы такъ, что суставы выходили изъ своихъ мѣстъ (подобной мукѣ подвергнуть былъ мученикъ Романъ, см. стих. 108—110; 491 и слѣд.). Но нѣкоторые толкователи Пруденція полагаютъ, что здѣсь *fideiculae* значитъ то же, что *ungulae* и эта мысль оправдывается стих. 550 и слѣд. Ср. замѣчаніе Дресселя *adh*: „не сомнѣваюсь, что слову *fideicula* древніе въ разные времена придавали разные значенія“.

⁹⁰⁾ Въ подлинникѣ: *ungulae*. Объ этомъ орудіи казни см. 14 примѣчаніе къ 1 мученическому гимну.

⁹¹⁾ Разумѣются желѣзные листы (*laminiae*), какъ орудіе мукъ. Ср. *Per. V, 62*.

⁹²⁾ Въ подлинникѣ: *credas cremari stridulis cauteribus*.

⁹³⁾ Очевидно, что мученикъ Романъ былъ мучимъ на *esculeus* (Аревалъ).

„узловатая ⁹⁴⁾ подагра или ревматизмъ, кричатъ, что у нихъ
„выходятъ (изъ своихъ суставовъ) кости.

496. „Вы ужасаетесь рукъ этихъ палачей; но болѣе ли кротки
„руки врачей, когда совершается сѣченіе Гиппократата ⁹⁵⁾, когда
„вынимается гнилость, разсѣкается живое тѣло и свѣжею кровью
„обгаряются ножи.

501. „Думайте, что—это врачи, ради моего здоровья, прикла-
„дываютъ къ моимъ ребрамъ ужасное желѣзо. Не тягостно то,
„чѣмъ восстанавливается здоровье; какъ будто отрываются только
„гнилые члены, но на самомъ дѣлѣ подается врачеваніе тому,
„что живетъ внутри.

506. „Кто не знаетъ, какъ велико поврежденіе оскверненной и
„разрушимой плоти? ⁹⁶⁾. Она покрывается нечистотами, пухнетъ
„гноится, смердитъ, испытываетъ боль, наполняется гнѣвомъ,
„обуевается страстію: она, болѣею частію, бывъ пропитана
„ядомъ, увлекаетъ ко злу.

511. „Не для плоти ли добывается вырываемое (изъ земли) же-
„лѣзо? Расшитыя одежды, драгоценныя камни, шелковыя ткани,
„пурпуръ тысячью обмановъ добываются для того, чтобы ими
„пользовалась плоть; излишество въ снѣдахъ ублажаетъ ожирѣв-
„шую плоть; плотское удовольствіе стремится чрезъ все запре-
„щенное.

516. „Врачуй меня отъ такого зла, прошу тебя, палачъ! сѣки,
„терзай (онѣй) очагъ грѣха ⁹⁷⁾, дабы, по изувѣченіи слабой пло-
„ти, духъ сталъ свободенъ отъ всякой скорби и болѣе не но-
„силъ уже того, что отсѣчетъ тираннъ.

521. „Не бойтесь, окружающіе (меня); я теряю лишь то, что
„потеряютъ всѣ: царь и кліентъ, богатый и бѣдный, одинаково

⁹⁴⁾ Т. е. производящая узлы въ сочлененіяхъ. Въ подобномъ смыслѣ Гораций (Erist. I, 1, 31) хирагру называетъ узловатою (*podosa cheagra*).

⁹⁵⁾ Въ подлинникѣ: *laniena Hippocratica*. Разумѣется, можно думать, одна изъ хирургическихъ операцій, изобрѣтенная Гиппократомъ или названная по его имени.

⁹⁶⁾ Галат. V, 17 и слѣд.

⁹⁷⁾ Т. е. плоть.

„подвергается гніенію плоть раба и плоть сенатора, когда за-
„ключена въ гробѣ.

526. „Когда мы боимся потерять то, чего должно лишиться,
„то намъ причиняетъ боль ничего не значущая рана и пустой
„вредъ. Почему добровольно не взять того, что должно быть взя-
„то? Почему природѣ не обратиться въ славный подвигъ? Отда-
„димъ (лучше) за награду то, чего должны мы лишиться по за-
„кону природы?

531. „Но посмотримъ: какія награды предстоятъ доблестнымъ?
„Такія, истинныя, которыя никогда не прекращаются. Духъ снова
„возлетитъ на небо и въ царственномъ чертогѣ Царя Христа
„будетъ наслаждаться свѣтомъ Бога Отца.

536. „И когда небо согнетъ, какъ книга ⁹⁸⁾, когда падетъ на
„землю шаръ солнца, разрушится шаръ, опредѣляющій мѣсяцы,
„тогда пребудетъ одинъ Богъ и праведные вмѣстѣ съ вѣчно су-
„щими ангелами.

541. „Презри же, благоразумный чедовѣкъ, настоящее полез-
„ное ⁹⁹⁾, которое должно имѣть конецъ и должно быть оставле-
„но тобою; отвергни тѣло, подлежащее могилѣ и тлѣнію, направь-
„ся къ вѣчной славѣ, устремись къ Богу, познай, кто ты, побѣ-
„ди міръ и временность“.

546. Едва окончилъ рѣчь свою мученикъ, какъ Асклепиадъ, въ
ярости, произноситъ: „пусть палачъ обратитъ удары на уста го-
„ворящаго и перенесетъ на (его) челюсти (разящую) руку и на-
„носимые когтями острые рубцы.

551. „Пусть будетъ истерзанъ самый органъ многословія; (пусть)
„такимъ образомъ болтливость погубитъ рѣчь, текущую, какъ по-
„токъ, и не знающую мѣры; я хочу, дабы вырваны были самыя
„слова говорящаго“.

556. Нечестивый ликторъ исполняетъ повелѣніе, царапаетъ
скребущими когтями обѣ ланиты (мученика) и разсѣкаетъ кро-

⁹⁸⁾ Образъ заимствованъ изъ Исаи XXXIV, 4 и Апок. VI, 12—14.

⁹⁹⁾ Т. е. полезное для настоящей жизни.

вавыми знаками лице; истерзанная кожа ключьями спускается съ бороды; раны покрываютъ все лице до самого подбородка.

561. Обливаясь кровію, мученикъ говоритъ: „Великою благодарностию ты обязалъ меня, префектъ! теперь я уже многими устами исповѣдую Христа; одинъ путь былъ тѣсенъ для исповѣданія великаго Имени ¹⁰⁰⁾ и недостаточенъ для прославленія Бога“.

566. Слова, сказанныя (мученикомъ), обрѣтаютъ отверстія (отъ ногтей); тамъ и сямъ изъ многихъ какъ бы пастей слышатся звуки и повсюду возвѣщается вѣчная слава Христа и Отца (Его): вотъ, прославляютъ столько устъ, сколько было нанесено ранъ.

571. Пораженный такою твердостью, судія повелѣваетъ прекратить мученіе; затѣмъ говоритъ: „клянусь огнемъ солнца, которое опредѣляетъ повторяющимися круговыми (своими) движеніями наши дни, отъ возвращенія котораго зависятъ свѣтъ (дневной) и наступленіе (новаго) года,

576. „Клянусь), что тебѣ будетъ приготовленъ печальный костеръ, дабы пожрать и нанести достойный конецъ (этому) тѣлу, которое, при упорномъ твоёмъ противленіи древнимъ святынямъ, не утомляется, бывъ побѣждено острою болью, но отъ мукъ становится лишь крѣпче.

581. „Что это за безуміе вселило въ сердце (твое) столь великое упорство? Упоренъ умъ, огрубѣло все тѣло. О, какъ велико неистовство (этого) новаго ученія! Этотъ вашъ Христосъ былъ недавно,—это вѣрно и ты самъ сознаешься, что Онъ былъ пригвожденъ къ кресту“.

586. „Сей крестъ“—говоритъ (на это) Романъ—„есть спасеніе всѣхъ насъ; онъ есть искупленіе человѣка. Я знаю, что ты, нечестивецъ, неспособенъ подчиниться евангелію ¹⁰¹⁾, не можешь (своими) слѣнными чувствами пріять наше таинство ¹⁰²⁾: ночь не пріемлетъ дневнаго свѣта ¹⁰³⁾).

¹⁰⁰⁾ Филипп. II, 9: *тѣмже и Богъ его превознесе и дарова ему имя, еже на че всякаго имени.*

¹⁰¹⁾ Въ подлинникѣ: *scio incarascem te sacramenti.*

¹⁰²⁾ Ср. I Кор. II, 14.

¹⁰³⁾ Ср. II Кор. VI, 14—15.

591. „Но я во тьмѣ подниму яркій свѣточь: здравый (глаза-
„ми) увидитъ, не здравый закроетъ глаза. Удалите свѣтъ—гово-
„рять (сей) неисцѣлѣно больной ¹⁰⁴),—яркій свѣтъ невыносимъ
„для ничего не видящаго. Нечестивецъ! узнай, что ты ненави-
„дишь.

596. „Царь Вѣчный проявилъ Царя Вѣчнаго, въ Немъ пребы-
„вающаго ¹⁰⁵) и не Меньшаго (чѣмъ Онъ) временемъ; время не
„ограничиваетъ Его; наоборотъ, Онъ есть Источникъ и Начало
„дней и временъ; Сей, отъ Отца (проявленный) Сынъ, есть тоже,
„что (есть) Отецъ ¹⁰⁶).

601. „Сей (Сынъ) сталъ (потомъ) видимымъ для смертныхъ;
„Безсмертный принялъ смертное тѣло, дабы чрезъ то, что понесъ
„тлѣнное, не преставъ быть Вѣчнымъ Богомъ, наше вознести на
„небо; былъ умерщвленъ человекъ, а воскресъ Богъ.

606. „Смерть сразилась съ Богомъ, носящимъ (смертные) чле-
„ны; покушаясь на наше, она уступила тому, что безсмертно.
„Вы, софисты (сего) временнаго міра ¹⁰⁷), считаете это безумнымъ,
„но безумное міра избралъ Вѣчный Богъ, такъ что безумный для
„міра есть мудрый для Бога ¹⁰⁸).

611. „Отвергая новизны, ты рассказываешь о древнемъ Ромулѣ
„и о Марсовой волчицѣ ¹⁰⁹), и о первомъ предзнаменованіи, дан-
„номъ коршунами ¹¹⁰); но нѣтъ ничего болѣе новаго, (чѣмъ все
„это): отъ основателя Рима, гадавшаго по птицамъ, едва про-
„текла тысяча лѣтъ.

¹⁰⁴) Мученикъ разумѣетъ префекта Асклепиада.

¹⁰⁵) Иоан. I, 18: *единородный Сынъ, Сый въ лоно Отчи*; ср. X, 38.

¹⁰⁶) Иоан. X, 30: *Азъ и Отецъ едино есма*.

¹⁰⁷) Мученикъ относитъ къ мучителямъ сдѣланный ему (стих. 404) упрекъ въ софистикѣ.

¹⁰⁸) I Кор. 1, 27: *буиъ міра избра Богъ, да премудрая посрамитъ*; ср. стих. 20—21.

¹⁰⁹) Разумѣется волчица, вскормившая, по римскимъ преданіямъ, братьевъ Ромула и Рема.

¹¹⁰) Имѣются въ виду гаданія братьевъ Ромула и Рема предъ основаніемъ Рима для того, чтобы рѣшить, кто изъ нихъ долженъ основать Римъ, при чемъ рѣшающимъ предзнаменованіемъ было появленіе коршуновъ (Liv. I, 7). Ср. стих. 615, гдѣ Ромулъ названъ гадателемъ (augur).

616. „Я могъ бы, если бы у меня былъ досугъ, указать во всемъ „мирѣ шестьсотъ царствъ, прежде (чѣмъ Римъ) основанныхъ и „славныхъ задолго ранѣе, чѣмъ вскормленъ былъ козю, какъ „разсказываютъ, въ Критѣ Юпитеръ, отецъ Марса. Но нѣтъ уже „тѣхъ царствъ; не будетъ нѣкогда и въ настоящее время суще- „ствующихъ.

621. „Оный же крестъ Христовъ, который вы называете новиз- „ною, уже при началѣ міра, тотчасъ же по созданіи человѣка „былъ явленъ въ знаменіяхъ, изображенъ въ писаніяхъ; прибли- „женіе его, сопряженное многими чудесами, предвозвѣщено „было согласными устами пророковъ.

626. „Цари, пророки, суди, старѣйшины доблестію, войнами, „богослуженіемъ, священнодѣйствіями, писаніями непрестанно „изображали крестъ. Крестъ уже прежде былъ предъказанъ и „представленъ какъ бы въ тѣни; древнія времена уже были на- „дены крестомъ.

631. „Наконецъ пророческія изреченія разъяснились и оправ- „данная (такимъ образомъ) древность въ наши дни просіяла ясно „предъ нами, дабы истина не была колеблема сомнѣніемъ, (что „могло бы быть), если бы она не открывалась во-очию.

636. „Отсюда мы вѣруемъ, что не погибаетъ и самое тѣло, „предаваемое на снѣденіе гробу; ибо Христосъ тѣло, умершее въ „Немѣ у креста, (но) съ Нимъ воскресшее, вознесъ къ престолу „Отца и всѣмъ указалъ путь къ воскресенію ¹¹¹).

641. „Оный крестъ есть нашъ (крестъ); мы были вознесены на „позорное древо ¹¹²); ради насъ умеръ Христосъ, и ради насъ „возвратился Христосъ, (возвратился), какъ Богъ, Тотъ Самый, „Который умеръ человѣкомъ; ибо въ Христѣ двѣ природы: Онъ „умираетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поражаетъ смерть и возвра- „щается въ то, что не преходитъ.

¹¹¹) 1 Кор. XV, 12—19; ср. 20: *нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ: начатокъ умершимъ бысть.* Слнч. Prudentii; Apoth. 1062 и слѣд.

¹¹²) Въ подлинникѣ: *nos patibulum adscendimus.* Ср. Гал. II, 19: *Христоси сораспяся.*

646. „Да будетъ довольно того немногаго, что я сказалъ о тапц-
„ствахъ нашей вѣры и о происхожденіи (нашей) надежды; я те-
„перь буду молчать: Христосъ воспрещаетъ намъ разсыпать би-
„серъ предъ нечистыми свиньями, дабы грязныя животныя не
„попрали святыню ¹¹³⁾).

651. „Поелику нельзя (миѣ) сражаться съ тобой, приводя глу-
„бокія основанія, то обратимся къ тому, что подъ руками: пусть
„спрошено будетъ миѣніе простаго безъискусственнаго ума; сдѣ-
„лай, дабы предсталъ посредникъ, невѣдущій прикрасъ.

656. „Приведи мальчика лѣтъ семи или менѣе, который былъ
„бы свободенъ отъ благожелательства и ненависти къ кому либо
„и не страдалъ какимъ либо порокомъ ума. Испытаемъ, чему, по
„сужденію сего младенца, должно слѣдовать; (испытаемъ), что
„мыслить юность“.

661. Тому понравились слова мученика; и вотъ онъ повелѣлъ,
дабы изъ толпы маленькихъ мальчиковъ былъ взятъ и представ-
ленъ къ нему одинъ, совсѣмъ еще юный, недавно переставшій
еще питаться молокомъ матернимъ. „Спрашивай, что угодно“ —
„говорить (префектъ мученику) — „мы послѣдуемъ тому, что назо-
„ветъ истиннымъ мальчикъ“.

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

¹¹³⁾ Матѣ. VII, 6.

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная Преосвященнымъ Амвросіемъ Архіепископомъ Харьковскимъ, 2-го октября въ Харьковской Благовѣщенской церкви предъ закладкою новаго храма того же имени.

Храмъ для православнаго христіанина — великое утѣшеніе; а построеніе новаго храма — великая радость. Въ теченіи девятисотлѣтней исторіи православія въ нашемъ отечествѣ мы видимъ, что по мѣрѣ заселенія нашихъ обширныхъ степей и лѣсовъ, какъ только собиралось гдѣ нибудь значительное количество жителей, первою заботою ихъ было — построеніе храма. Какъ скоро городъ становился многочисленнѣе, — умножались храмы; а если онъ благоустроился и богатѣлъ, то старинные тѣсные храмы замѣнялись новыми, болѣе просторными и благолѣпными. Такъ умножились у насъ храмы, и вотъ они сіяютъ нынѣ, какъ звѣзды на небѣ, на необъятномъ пространствѣ нашего отечества.

Нашъ городъ, по милости Божіей, растетъ и расширяется, и мы радуемся, видя, что и наши сограждане, вѣрные духу православія и преданіямъ предковъ, съ умноженіемъ населенія умножаютъ храмы, стремясь ихъ обширностію удовлетворить духовнымъ потребностямъ жителей, а великолѣпіемъ выразить свою благодарность благодарному намъ Богу.

Но построение храма есть служение Богу, следовательно, дѣло святое, требующее съ нашей стороны особаго вниманія и соотвѣтствующихъ его важности душевныхъ расположеній. Только при условіи чистоты нашихъ намѣреній и чувствованій дѣло наше можетъ быть благоугодно Богу, и только при охраненіи себя отъ всякихъ помысловъ, намѣреній и дѣйствій, вредящихъ христіанскому настроенію духа, мы можемъ надѣяться на благословеніе Божіе и Божію помощь въ начинаемомъ святомъ дѣлѣ.

Дѣло великое предприняли вы, братіе; храмъ вами задуманный будетъ весьма обширный и многоцѣнный. Соберитесь же,—не говорю со средствами, въ нихъ, по милости Божіей, у васъ не будетъ недостатка,—но главнымъ образомъ съ добрыми душевными расположеніями, чтобы дѣло ваше не только шло успѣшно, но было и Господу благоугодно и для васъ спасительно.

Прежде всего проникнитесь *благоговѣніемъ* къ Богу и смиреніемъ предъ Его величествомъ. Не допускайте въ себѣ горделиваго самоуслажденія тѣмъ, что вы приносите на храмъ большія пожертвованія, а молитесь, чтобы Господь милостиво принялъ ваши приношенія; не ищите славы передъ людьми тѣмъ, что вы созидаете великолѣпный храмъ, а просите Бога, чтобы Онъ удостоилъ совершить, освятить его въ жилище Себѣ и въ мѣсто обитанія благодати Своей. Ни великая жертва, ни обширный храмъ не могутъ быть угодны Богу безъ благоговѣнія и любви къ Нему. Онъ Самъ внушаетъ намъ это черезъ пророка: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ. Кій домъ созиждете Ми, или кѣмъ мѣсто покоища Моего? Вся бо сія сотвори рука Моя.* (Ис. 66, 1—2). И такъ, при мысли о безконечномъ величіи Божіемъ нашъ удѣлъ—сознаніе нашего ничтожества и глубочайшее смиреніе. Да будетъ первымъ и основнымъ

движеніемъ вашего духа чувство, съ которымъ царь Давидъ задумалъ построеніе перваго храма Богу истинному. Овладевъ бывшею во власти язычниковъ горою Сіономъ, и устроившись по-царски въ Іерусалимѣ, онъ смущался и скорбѣлъ, видя Кивотъ Завѣта, мѣсто присутствія Бога Израилева, въ бѣдной скиніи: „вотъ, говоритъ онъ пророку Наану, я живу въ домѣ кедровомъ, а Кивотъ Божій находится подъ шатромъ“ (2 Цар. 7. 2). Ваше богатство, ваши удобства жизни, ваши красивые дома и нарядныя одежды должны побуждать и поощрять васъ къ благоустроенію и украшенію храмовъ; думайте какъ царь Давидъ: „домъ у меня обширный и великолѣпный, а церковь, куда я прихожу предстать предъ Лице Божіе, и мала и убога; я ѣмъ и пью изъ дорогихъ сосудовъ, а Чаша жизни, къ которой я приступаю, и всѣ сосуды въ храмѣ, — бѣдны и не благолѣпны; я одѣваюсь самъ и одѣваю семейство мое въ роскошныя одежды, а ризы священно-служителей, приносящихъ за меня Богу искупительную жертву, и ветхи и не благовидны“. При такомъ расположеніи духа вамъ совѣстно будетъ вашей роскоши, и вы поймете почему благочестивые предки наши въ такомъ обиліи жертвовали въ храмы и золото и серебро и драгоценныя камни; по духу смиренія они почитали все это излишнимъ для себя, и только въ храмѣ находили достойное мѣсто для всѣхъ драгоценностей.

Изъ этого чувства благоговѣнія къ Богу и къ Его святому храму происходитъ и то *усердіе* къ сооруженію храмовъ, которымъ искони отличаются, еще неиспорченные духомъ времени, наши православные христіане. Усердіе питаемое вѣрою есть чувство обильное благими плодами. Оно охраняетъ богатаго отъ того сухаго и тупаго расположенія сердца, при которомъ онъ жертвуетъ только въ слѣдъ за другими, отъ стыда

передъ людьми; охраняетъ и отъ той опасливости, съ которою онъ иногда и при добромъ движеніи оглядывается назадъ съ боязнію, какъ бы не дать лишняго, не обездолить себя и свое семейство. Не бойся, брате, Богъ въ долгу у тебя не останется. Всё, что у тебя есть, Онъ далъ, и всё, что ты дашь во славу Его святаго имени, Онъ возвратитъ тебѣ сторицею своимъ всемогущимъ благословеніемъ на дѣла твои. Правда, и въ дѣлахъ благотворенія христіанское благоразуміе требуетъ осмотрительности, но не надобно простирать ее до забвенія той истины, что Богъ заботится о нашемъ благѣ больше, чѣмъ мы сами, и что служеніе Ему есть надежнѣйшее средство къ упроченію нашего благосостоянія. Усердіе спасаетъ и не богатыхъ людей отъ того равнодушія къ сооруженію храмовъ, при которомъ многіе изъ нихъ совершенно устраняются отъ этого святаго дѣла, оставляя его однимъ богатымъ. И ты, не богатый, приходскій храмъ считаешь своимъ, и онъ признаетъ тебя ему принадлежащимъ: въ немъ ты возрожденъ и усыновленъ Богу, въ немъ получилъ благословеніе на семейную жизнь, въ немъ принимаешь участіе въ святыхъ праздникахъ, на приносимыя въ немъ Церковію молитвы ты возлагаешь надежды и по кончинѣ своей; люби его и съ любовію заботься объ его украшеніи. Принеси на сооруженіе храма свое *немногое*, но съ усердіемъ, вспоминая двѣ лепты евангельской вдовицы, которую Самъ Господь указалъ не только для вразумленія богатыхъ, но и въ примѣръ бѣднымъ, чтобы и они не лишали себя участія въ служеніи славы Божіей и въ заслугѣ отсюда происходящей. Какихъ людей больше въ мірѣ, — богатыхъ, или не богатыхъ? Конечно послѣднихъ; но въ ихъ именно рукахъ во множествѣ малыхъ состояній и приношеній заключается и сила государства и обезпеченіе церковныхъ нуждъ. Изъ

множества малыхъ монетъ составляютъ великія суммы. И такъ, несите въ храмъ съ усердіемъ малое, чтобы собралось въ немъ великое. Усердіе изобрѣтательно. Оно недостающія денежныя средства замѣняетъ личнымъ трудомъ какъ мужскимъ, такъ и женскимъ. Прекрасную картину въ нравственномъ отношеніи представляютъ намъ наши крестьяне, когда при построеніи своего сельскаго храма они, — и старый, и малый, несутъ и везутъ, и лѣсъ, и песокъ, и кирпичи и все, что нужно, и что могутъ, къ мѣсту церковнаго зданія. Какъ пчелы малыми каплями сносятъ въ улей и скопляють въ немъ, въ большомъ количествѣ душистый медъ, такъ и они своими убогими, но многочисленными приношеніями созидаютъ и украшаютъ свой храмъ, радуясь на него, какъ на свое сокровище. Мы видѣли опыты усердія и иного рода: богатые мужчины и женщины, желая личнымъ трудомъ хотя мало послужить сооруженію храма, приходили въ сумерки къ новостроющемуся зданію, носили на плечахъ своихъ кирпичи на подмости, и перекрестясь уходили домой съ теплымъ чувствомъ сердца, дышащаго любовію къ Богу.

Особенное вниманіе прихожане, созидающіе храмъ, должны обращать на сохраненіе дружелюбія, согласія и мира между собою. Богъ нашъ есть Богъ любви и мира. Господь Іисусъ Христосъ въ послѣдней бесѣдѣ Своей предъ крестною смертію сказалъ ученикамъ Своимъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. 14. 27). Этотъ миръ преподаетъ *всѣмъ* устами священнослужителя св. Церковь при каждомъ богослуженіи, давая намъ понять, что только въ мирѣ и тишинѣ духовной, освобождающей насъ отъ волненій и страстей, зрѣетъ всякій плодъ духовный. Въ распоряженіи мудраго храмоздателя царя Соломона мы видимъ указаніе на то, въ какой благоговѣйной тишинѣ должно происхо-

дить сооруженіе храма. Всѣ работы, соединенныя съ шумомъ и стукомъ, онъ повелѣлъ производить вдали отъ строящагося зданія, а въ стѣны храма класть уже обтесанные камни; „ни молота, говоритъ бытописатель, ни тесла, ни всякаго другаго желѣзнаго орудія не было слышно въ храмѣ при построеніи его“ (Цар. 5, 7). Такъ да будутъ удалены отъ васъ, братіе, всякое превозношеніе, всякое соперничество, всѣ разногласія и споры. Мы видали своими глазами, какъ подобныя нестроенія задерживали святое дѣло храмозданія, какъ начатые храмы подолгу стояли неоконченными отъ разномыслія прихожанъ, своимъ печальнымъ видомъ, какъ живымъ упрекомъ, давая всѣмъ знать о внутреннемъ разстройствѣ приходскаго общества. Если Господь называетъ блаженными всѣхъ миротворцевъ, — и тѣхъ, которые прекращаютъ вражду вредящую благосостоянію людей, — то тѣмъ болѣе блаженны устраняющіе и прекращающіе всякія не мирныя движенія сердець въ дѣлѣ Божіемъ.

Запаситесь, братіе, этими святыми чувствованіями, какъ духовнымъ, но болѣе вещественнаго драгоценнымъ капиталомъ, для благоуспѣшнаго созиданія вашего храма. Призываю на васъ Божіе благословеніе. Да пріиметь Господь милостиво вашъ трудъ и ваши жертвы, да воздастъ вамъ по молитвѣ Церкви *вмѣсто временныхъ вѣчная, вмѣсто земныхъ небесная* и да удостоитъ всѣхъ васъ видѣть окончаніе начинаемаго храма и возрадоваться радостію о Господѣ при его освященіи.

ОНТОЛОГІЯ

или

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О БЫТИИ ВООБЩЕ.

(По В. Вовне'у).

— — —
(Продолженіе *).

IV.

О ДѢЙСТВІИ ВООБЩЕ.

1. Можно-ли согласить индивидуальность и общность бытія и, если можно, то какимъ образомъ?—2. Различіе между имманентнымъ и трансцендентнымъ дѣйствіемъ. Понятіе о причинности—2. Различіе между динамическимъ отношеніемъ причины и дѣйствія и логическимъ отношеніемъ основанія и слѣдствія.—4. Популярное различеніе между причиною и условіями дѣйствія. Его несостоятельность.—5. Непостижимость имманентнаго дѣйствія.—6. Сознаніе каждымъ изъ насъ своей собственной дѣятельности составляетъ нашъ единственный опытъ дѣйствія.

1. Обычная теорія системы вещей состоитъ въ томъ, что существуетъ множество независимыхъ вещей, и что каждая изъ нихъ имѣетъ свое собственное и постоянное тожество и индивидуальность. Заключенія предшествующаго изслѣдованія оставляютъ эти элементы нетронутыми. Хотя каждое суще-

*) См. ж. „Вѣра в Разумъ“ 1888 г. № 17.

ство есть процессъ, но этотъ процессъ индивидуаленъ и можетъ быть независимымъ. Каждая вещь, будучи отдѣльной и независимой, должна быть безразлична по всему остальному. Въ результатѣ была-бы сумма, а не система, агрегатъ, а не цѣлое; и даже эти черты имѣли-бы своимъ источникомъ наблюдающій умъ. Но обычному мышленію, особенно въ его научной формѣ, равно свойственно убѣжденіе, что вещи образуютъ истинную систему, и что мѣсто и функціи индивидуальнаго опредѣлены его отношеніемъ къ цѣлому. Чтобы выйти изъ взаимнаго безразличія, предполагаемаго абсолютною независимостію и индивидуальностію вещей, вещи снабжаются различными силами, благодаря которымъ онѣ взаимно дѣйствуютъ, обуславливаютъ одна другую и такимъ образомъ составляютъ систему. Это понятіе о независимыхъ вещахъ, находящихся во взаимодействіи, есть уловка, посредствомъ которой некритическая мысль старается примирить противоположности индивидуальности и общности; оно представляетъ отвѣтъ здраваго смысла на одинъ изъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ. Абсолютная индивидуальность ставитъ каждую вещь отдѣльно въ самодовлѣемости бытія, между тѣмъ какъ существованіе въ системѣ предполагаетъ нѣкоторую общность бытія. Теперь мы должны заняться вопросомъ, могутъ-ли быть примирены индивидуальность и общность бытія и, если могутъ, то какъ? Но для этого мы должны изслѣдовать наши понятія дѣйствія и взаимодействія.

2. Дѣйствіе можетъ быть или имманентнымъ, или трансцендентнымъ. Въ первомъ случаѣ дѣятель дѣйствуетъ на самого себя, въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣйствуетъ на что-нибудь другое. Этому трансцендентному дѣйствію мы даемъ названіе взаимодействія. Въ имманентномъ дѣйствіи дѣятель опредѣляетъ свое собственное состояніе; во взаимодействіи одна вещь опредѣляется другою. Идея дѣйствія или причинности вообще болѣе обширна, чѣмъ идея взаимодействія, такъ что послѣднее есть только частный случай перваго. Причинность означаетъ всякое дѣйствіе, творческое-ли, имманентное или трансцендентное; между тѣмъ какъ подъ взаимодействіемъ мы разумѣемъ только опредѣленіе одной вещи другою. Этимъ по-

нятіемъ о взаимномъ опредѣленіи ¹⁾ вещей исчерпывается идея причинности, въ томъ смыслѣ, въ какомъ она употребляется въ наукѣ. Ученый не занимается вопросомъ о твореніи. Онъ разсматриваетъ природу, какъ данную, и старается найти порядокъ ея измѣненій и взаимодѣйствіе ея частей. Но это взаимодѣйствіе не создаетъ никакой субстанціи, а производитъ лишь новыя состоянія. Физики любятъ говорить, что неразрушимость матеріи составляетъ краеугольный камень ихъ вѣры. Существованіе элементовъ въ состояніи, которое мы называемъ разгоряченнымъ, обуславливаетъ собою отталкиваніе между частицами воды или пороха. Присутствіе магнита при надлежащихъ условіяхъ заставитъ кусокъ желѣза принять магнетическое состояніе. Въ такихъ случаяхъ мы говоримъ объ опредѣляющемъ тѣлѣ, какъ объ агентѣ или причинѣ дѣйствія, и это опредѣленіе составляетъ все, что можетъ означать причинность въ научномъ ея смыслѣ. Въ предстоящемъ изслѣдованіи мы намѣрены главнымъ образомъ обратить вниманіе на проблему взаимодѣйствія. Вопросъ состоитъ въ томъ, какъ возможно взаимодѣйствіе или трансцендентное дѣйствіе? Конечно мы не надѣемся объяснить этотъ процессъ, а только найти его необходимыя предположенія. Можетъ быть, мы найдемъ, что всякое, повидимому, трансцендентное дѣйствіе есть только частый случай имманентнаго дѣйствія. Изслѣдованіе этого вопроса дастъ намъ возможность разрѣшить другую проблему--касательно примиренія индивидуальности и общности.

3. Но прежде чѣмъ приступить къ самой проблемѣ, мы должны сдѣлать наши термины болѣе точными. Понятіе объ опредѣленіи имѣетъ двоякое значеніе: причинное (динамическое) и логическое (идеальное), которыя должны быть различаемы. Причинность предполагаетъ опредѣленіе, но не наоборотъ. Такъ, посылки опредѣляютъ собою заключеніе; стороны и углы геометрической фигуры опредѣляются взаимно. Далѣе мы можемъ сказать, что основныя уравненія динамики опре-

¹⁾ Здѣсь и далѣе мы употребляемъ терминъ: *опредѣленіе* не въ логическомъ его значеніи (*definitio*), а въ метафизическомъ (*determinatio*).

дѣляютъ собою всѣ возможности физической силы и движенія; или что аксіомы и воззрѣнія пространственныя и числовыя опредѣляютъ собою всю науку математики. Но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нѣтъ никакого дѣйствія. Это опредѣленіе есть чисто-логическое опредѣленіе идей; а ихъ отношенія такъ же опредѣленны, какъ и самая истина. Отсюда философы различаютъ между причиной и дѣйствіемъ, съ одной стороны, и основаніемъ и слѣдствіемъ—съ другой. Первое отношеніе означаетъ динамическую послѣдовательность; послѣднее означаетъ логическую послѣдовательность. Это однако жѣ не значитъ, что динамическая послѣдовательность не логична или ирраціональна. Напротивъ, мы должны держаться того взгляда, что если бы природа взаимодействующихъ причинъ могла быть вполне постигнута въ мысли, мы могли-бы логически вывести изъ нихъ необходимые ихъ результаты. Мы имѣемъ такой случай въ механикѣ солнечной системы. Здѣсь мы знаемъ съ достаточною точностію природу дѣйствующихъ силъ; и потому можемъ показать, какъ онѣ будутъ дѣйствовать. Этого допущенія требуетъ тотъ принципъ, что только опредѣленное можетъ производить опредѣленное, или что одинаковыя предъидущія должны имѣть одинаковыя послѣдующія. По этому принципу, данныя причины приводятъ къ даннымъ слѣдствіямъ; и отсюда полное знаніе причинъ дѣлаетъ насъ способными дѣлать заключенія о дѣйствіяхъ. Но этотъ принципъ отнюдь не приводитъ насъ къ знанію того, какъ взаимодействие возможно. Онъ только показываетъ намъ, какой долженъ быть результатъ, если члены взаимно дѣйствуютъ. Такъ, механика солнечной системы не показываетъ намъ, какъ планеты могутъ притягивать одна другую, но что должно случиться, если онѣ взаимно притягиваются. Возможность притяженія разумѣется сама собою и остается совершенно необъяснимой. Динамическая послѣдовательность, такимъ образомъ, логична; но она вмѣстѣ съ тѣмъ есть нѣчто большее. Она есть движеніе въ реальности, а не только въ мысли. Логическая послѣдовательность, напротивъ, есть только мыслимая, идеальная послѣдовательность. Она есть только движеніе въ мысли размышляющаго субъекта, и какъ такая, совершенно зависитъ отъ мыслящаго

ума. Если смотрѣть на настоящій порядокъ вещей просто, какъ на систему мысли, то мы могли-бы вывести всѣ его логическія послѣдствія, насколько мы захотѣли-бы прослѣдить ихъ. Умъ, который вполнѣ постигалъ-бы реальность въ мысли, былъ-бы способенъ вывести всѣ ея предположенія. Такой умъ былъ-бы независимъ отъ наблюденія и нуждался-бы только въ логикѣ. Но успѣхъ въ такомъ случаѣ совершенно зависѣлъ-бы отъ природы и единства мыслящаго субъекта, который, благодаря своему единству, можетъ сопоставлять многіе члены вмѣстѣ, а благодаря своей рациональной природѣ способенъ развивать ихъ логическія слѣдствія. Но если внѣшній міръ реаленъ и теченіе природы есть фактъ, то это движеніе мысли должно быть перенесено въ реальность, такъ чтобы мысль была замѣнена вещію и логическая связь динамическою. Такимъ образомъ, *первое различіе между причиною и основаніемъ есть различіе между вещію и мыслию; и основное различіе между дѣйствиемъ и слѣдствіемъ есть различіе между динамическимъ результатомъ и логическимъ заключеніемъ.* Вещь способна существовать и поддерживать свои отношенія къ другимъ вещамъ независимо отъ нашего мышленія; мысль существуетъ только, насколько она есть мысль. Динамическій процессъ происходитъ безъ насъ; логическое заключеніе существуетъ только тогда, когда оно выведено. Логика управляетъ въ обоихъ царствахъ съ абсолютнымъ верховенствомъ; но въ одномъ случаѣ это—логика, заключающаяся въ реальности, въ другомъ—логика, контролирующая движеніе нашей мысли.

Кромѣ этого первичнаго значенія, основаніе и слѣдствіе имѣютъ вторичное. *Подъ причиною мы всегда разумѣемъ дѣятеля какого-нибудь рода; но должно быть какое-нибудь основаніе, почему дѣятель дѣйствуетъ такъ, какъ онъ дѣйствуетъ.* Логика не довольствуется постиженіемъ дѣятеля, но спрашиваетъ объ основаніи своеобразной формы его дѣятельности. Она анализируетъ дѣятеля и находитъ основаніе его своеобразной дѣятельности въ его природѣ и отношеніяхъ. Но эта природа, будучи опредѣляющею, никогда не бываетъ причиною. Природа ума не заставляетъ его дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, но умъ опредѣляется въ самомъ себѣ къ свойственнымъ

ему обваруженіямъ. Этимъ взглядомъ пользуется наиболѣе утонченная форма нравственнаго детерминизма. Душа считается не принужденной къ тому или другому, но существенно опредѣленною къ тому, такъ что и безъ принужденія все-таки имѣетъ мѣсто безусловная необходимость. Спиноза довелъ этотъ взглядъ до отождествленія свободы и необходимости. Каждое существо свободно, когда оно не принуждается къ чему-нибудь внѣшнимъ образомъ; но гдѣ нѣтъ никакого принужденія, тамъ все-таки можетъ быть совершенное опредѣленіе. Какъ умъ роковымъ образомъ ведетъ къ извѣстному заключенію, когда ясно поняты данныя послышки, такъ и воля въ одно и то же время и предопредѣлена, и свободна. Такимъ образомъ, логика проникаетъ за предѣлы причины и требуетъ также и основанія.

Мы можемъ сказать, слѣдовательно, что причина дѣйствія есть дѣятель, который производитъ его. Основаніе-же есть тотъ факторъ въ причинѣ и ея отношеніяхъ, вслѣдствіе котораго она способна быть причиной этого особеннаго дѣйствія. Такъ, кислородъ и водородъ суть дѣятели, которые производятъ воду; но если мы спросимъ объ основаніи этого произведенія, мы не найдемъ его ни въ томъ, ни въ другомъ, а только въ обоихъ ихъ—въ своеобразной природѣ ихъ и въ своеобразныхъ отношеніяхъ ихъ между собою. Эта мысль была такъ далеко проведена Лейбницемъ, что, по его взгляду, полное основаніе какого-нибудь событія можетъ быть найдено только въ цѣлой системѣ вещей; потому что въ системѣ взаимно дѣйствующихъ вещей, гдѣ каждая вещь опредѣляетъ собою каждую другую вещь и опредѣляется каждою другою вещію, каждая вещь есть то, что она есть, и дѣлаетъ то, что она дѣлаетъ, только какъ членъ системы. Она имѣетъ свои свойства не сама по себѣ, но какъ часть цѣлаго. Отсюда, хотя дѣятель во всякомъ случаѣ есть нѣкоторая частная вещь, основаніе его дѣятельности, или тотъ факторъ, который дѣлаетъ возможною частную форму дѣятельности, можетъ быть найденъ только въ системѣ, какъ цѣломъ. Одна изъ формъ пантеистической философіи стремится уничтожить это различіе между причиною и основаніемъ или, лучше сказать, свести причину на осно-

ваніе, такъ что вселенная не рассматривается, какъ планъ и актъ Божій, но какъ логическое слѣдствіе міровой субстанціи. И такъ какъ логическое слѣдствіе сосуществуетъ съ посылками, то вѣчная міровая субстанція *implicite* содержитъ свои логическія слѣдствія въ вѣчномъ сосуществованіи. Эта тенденція нашла свое классическое выраженіе въ системѣ Спинозы.

4. Такое отношеніе между причиною и основаніемъ объясняетъ различеніе, дѣлаемое популярною мыслию между причиною и условіями дѣйствія. Мы видѣли, что въ системѣ вещей полное основаніе какого-нибудь факта заключается не въ одной какой-нибудь вещи, но только въ соединеніи вещей. Если бы одна вещь была достаточнымъ основаніемъ дѣйствія, то дѣйствіе сосуществовало-бы съ вещію, и всѣ дѣйствія были-бы даны въ одно мгновеніе. Отсюда всѣ дѣйствія въ системѣ должны быть рассматриваемы, какъ результатъ взаимодействія двухъ или болѣе вещей. Это ученіе, впервые ясно сформулированное въ Германіи Гербартомъ, а въ Англіи Миллемъ, можетъ считаться общепринятымъ въ наукѣ. Но популярная мысль предпочитаетъ объяснять дѣло другимъ путемъ. Предполагается, что причина дѣйствія одна, но что она обусловлена въ своемъ дѣйствованіи. Есть, такимъ образомъ, причины и условія дѣйствій. Наиболѣе выдающійся факторъ обыкновенно выдѣляется, какъ причина, а другіе низводятся на степень условій. На практикѣ это различеніе не лишено смысла; но въ теоріи оно не состоятельно. Всѣ условія суть содѣйствующія причины, и ничто не должно быть считаемо причиной, если оно не можетъ производить своего дѣйствія. Подъ вліяніемъ закона тождества, мы неточно называемъ то, что можетъ причинять дѣйствіе при извѣстныхъ условіяхъ, причиною во всякое время; и потомъ мы относимъ препятствіе для дѣйствія на счетъ условій. Но легко понять внутреннее противорѣчіе такого взгляда. Совершенно нелѣпо называть причиною дѣйствія то, что, будучи предоставлено само себѣ, неспособно производить его. Конечно, вещь всегда должна быть такой, что, когда выполнены всѣ условія, послѣдуетъ дѣйствіе, но отсюда не слѣдуетъ, что вещь есть достаточная причина дѣйствія во всякое время. Чтобы сдѣлаться такою, она нуждается

въ содѣйствіи другихъ дѣятелей. Безполезно называть эти другія вещи условіями; потому что если онѣ могутъ что-нибудь прибавить къ результату, то онѣ сами должны быть причинами. Онѣ должны быть способны опредѣлять взаимно дѣйствующія вещи къ произведенію результата, котораго онѣ иначе не имѣли-бы; а это именно есть то, что разумѣется подъ причинностію.

5. Теперь мы должны разсмотрѣть, что разумѣется подъ дѣйствіемъ. Оставаясь все еще въ области взаимодѣйствія, мы видѣли, что дѣйствіе въ этой области не есть твореніе, но нѣкоторая форма измѣненія. Вещи не создаются и не уничтожаются въ своихъ взаимодѣйствіяхъ, но переходятъ въ новыя состоянія. Измѣненіе есть дѣйствіе. Это измѣненіе можетъ быть и феноменальнымъ, и ноуменальнымъ, т. е. измѣненіемъ въ видимости и измѣненіемъ въ бытіи. Измѣненіе въ бытіи есть первичное дѣйствіе; феноменальное-же измѣненіе есть только переводъ этого первичнаго дѣйствія въ формы чувства. Всѣ измѣненія, которыя кажутся существующими между вещами, суть результаты измѣненій въ вещахъ. Относительно самого бытія разумъ никогда не спрашиваетъ о причинѣ, если только бытіе не обнаруживаетъ признаковъ зависимости. Только измѣненіе вызываетъ вопросъ о причинѣ. Если-же такъ, то несостоятельность Гамильтонова взгляда на причинность становится ясною. По его мнѣнію, законъ причинности зависитъ отъ нашей неспособности понять твореніе и означаетъ вѣчное саморавенство бытія. Такое понятіе о причинности въ крайнемъ случаѣ приложимо только къ творенію, а не къ взаимодѣйствію. И если дѣйствіе есть измѣненіе, то мы не получаемъ никакого новаго знанія, открывая, что въ немъ не можетъ быть ни потери, ни приобрѣтенія бытія; потому что вопросъ состоитъ въ томъ, почему бытіе должно принимать новыя формы. Что одно и то же существо принимаетъ новыя формы, это нисколько не объясняетъ измѣненія; притомъ-же самое это обстоятельство требуетъ объясненія.

Но до сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ употребленіемъ и значеніемъ словъ; сущность и возможность того, что ими обозначается, остаются такъ же темными, какъ и прежде. Мы

переходимъ теперь къ самой проблемѣ, ставя два вопроса: 1) какъ возможно имманентное дѣйствіе? и 2) какъ возможно взаимодействіе? Первый вопросъ не допускаетъ никакого отвѣта. *Дѣйствіе, въ какой бы то ни было формѣ, составляетъ столь же великую тайну, какъ и самое бытіе, и не допускаетъ никакого объясненія или уразумѣнія.* Подобно бытію и быванію, оно не можетъ быть составлено изъ простыхъ идей, или какимъ-нибудь образомъ построено. Эмпирики старались раздѣляться съ этимъ понятіемъ, но для этого они пользовались самымъ этимъ понятіемъ. Ихъ схема состоитъ всецѣло только въ указаніи того, какъ убѣжденія могутъ быть причинены, или произведены, или опредѣлены опытомъ. Если бы не было причинности, то ихъ аргументъ лишенъ былъ бы всякаго значенія. Дѣйствіе должно быть признано, но не можетъ быть понято. Какъ вещь можетъ дѣйствовать, какъ мы сами можемъ дѣйствовать, какъ данное состояніе какой-нибудь вещи можетъ быть основаніемъ измѣненія въ другихъ вещахъ или даже въ ней самой,—все это неразрѣшимые вопросы. Какъ возможно то, что когда выполнены извѣстныя условія, соединеніе кислорода и водорода образуетъ воду? На это нѣтъ отвѣта. Мнимымъ отвѣтомъ было бы то, что они всегда стремятся къ соединенію, но встрѣчаютъ препятствія въ обстоятельствахъ. Когда препятствія устранимы, они сливаются въ жидкость. Но это—фиктивный отвѣтъ. Какъ мы знаемъ, что они имѣютъ какое-нибудь стремленіе, если не изъ того, что оно осуществлено? Какъ мы знаемъ, что стремленіе и дѣйствіе не являются вмѣстѣ? И предполагая, что они имѣютъ стремленіе, какъ оно переходитъ изъ потенціальности въ дѣйствіе? Вопросъ остается тѣмъ же самымъ; этотъ отвѣтъ—не отвѣтъ. Мы должны довольствоваться тѣмъ фактомъ, что дѣйствіе возможно, не зная какъ. Въ тоже самое время его возможность не болѣе таинственна, чѣмъ его невозможность. Какъ можетъ вещь дѣйствовать? Какъ можетъ вещь быть? Оба эти вопроса одинаково неразрѣшимы; и оба факта—фактъ дѣйствія и фактъ бытія—должны быть допущены, какъ послѣдніе, основные факты, рационально понятъ которые мы никогда не можемъ надѣяться.

6. Здѣсь опять опытъ разрѣшаетъ для насъ проблему, которой не можетъ овладѣть мышленіе. Каждый сознаетъ себя дѣятельнымъ. Мы контролируемъ и управляемъ своими душевными состояніями, въ извѣстной степени, по крайней мѣрѣ, и дѣлая это, мы сознаемъ себя контролирующими. Это составляетъ нашъ единственный опытъ дѣйствія. Во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ послѣдовательность въ феноменахъ или взаимное измѣненіе, но не дѣятельность. Что *есть* дѣятель, производящій эти измѣненія, это не фактъ опыта, по необходимое предположеніе ума. Даже въ отношеніи нашихъ ближнихъ мы видимъ только послѣдовательность измѣненій. Что существуетъ контролирующее я, это не воспріятіе, а выводъ. Только въ отношеніи нашего собственнаго психическаго дѣйствія можемъ мы достигать до источника дѣйствія, стоящаго за предѣлами видимости; а какъ мы сами можемъ дѣйствовать, этого мы не знаемъ. Но всякое внѣшнее дѣйствіе должно быть уподобляемо нашему собственному дѣйствію или, въ противномъ случаѣ, должно оставаться совершенно таинственнымъ. Представленіе, хотѣніе и чувство усилія обусловливаютъ единственное дѣйствіе, о которомъ мы имѣемъ какое-нибудь знаніе; но не очевидно, чтобы мы имѣли право смотрѣть на нихъ, какъ на условія всякаго дѣйствія. вмѣстѣ съ тѣмъ не очевидно, чтобы мы имѣли право устранять ихъ изъ всякаго дѣйствія. Нѣкоторые философы настаивали на томъ, что не можетъ быть никакого дѣйствія безъ сознательнаго хотѣнія. Беркли утверждалъ этотъ взглядъ, какъ основаніе для отрицанія дѣятельности матеріи. И нужно согласиться, что когда мы пытаемся понять безличную дѣятельность, она разрѣшается въ послѣдовательность феноменовъ, и понятіе дѣйствія устраняется. Кантъ сдѣлалъ предшествованіе и слѣдованіе схемой причины и дѣйствія, какъ единственную форму, подъ которой причинность можетъ представляться уму, и эмпирики объявляютъ, что причинность не означаетъ ничего болѣе. Сознательное дѣйствіе есть единственное дѣйствіе, о которомъ мы можемъ образовать какое-нибудь представленіе. Если А должно дѣйствовать или реагировать на В, при извѣстныхъ условіяхъ, оно должно какимъ-нибудь образомъ узнать объ этихъ условіяхъ, и если не

сознательно, то какъ? Все темно въ этомъ направленіи. Дѣйствіе есть фактъ, и потому оно возможно. Мы не знаемъ ничего болѣе. Мы можемъ прибавить, однако же, что хотя мы утверждаемъ, что всякая дѣятельность лична, мы не довольствуемся выводеніемъ такого заключенія изъ простаго факта, что мы не можемъ представить себѣ безличной дѣятельности. Аргументъ отъ невообразимости не уполномочиваетъ насъ ни на какое положительное заключеніе.

Архимандритъ Борисъ.

(Продолженіе будетъ).

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

въ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

XIV.

„Идеальное построеніе“ силы.

83. Типы различнаго представленія о силѣ.—84. Движеніе не есть сила.—85. Построеніе силы въ видѣ движенія.—86. Символическое и методологическое значеніе этого построенія.—87. Идеальность движенія.—88. Субъективность силы.—89. Приложеніе къ дѣятельности мозга.—90. Выводъ: субъективная природа объективнаго метода.

83. Дѣятельность мозга, говорятъ, подлежитъ закону сохраненія и единства силы. Но что такое сила? „Сила есть причина явленія или какой-нибудь перемѣны“, обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Но это не отвѣтъ, потому что пужно знать, въ чемъ именно состоитъ эта причина. Определеніе силы есть именно определеніе природы той причины, которая производитъ эти явленія. Какая-же природа силы? На этотъ вопросъ едва-ли можно найти ясный и единогласный отвѣтъ. „Если разсматривать не эффектъ, а природу силы“, говоритъ Бони, „сейчасъ-же возникаетъ разногласіе: сколько различныхъ системъ, столько-же и различныхъ, даже

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 18.

прямо противоположныхъ понятій подводится подъ этотъ банальный ярлыкъ: сила“¹⁾. Такъ какъ физическія силы обнаруживаются именно въ явленіяхъ матеріальныхъ, то въ опредѣленіе силы всегда входитъ опредѣленіе отношенія ея къ матеріи, каковымъ собственно и замѣняютъ дѣйствительное опредѣленіе. Такъ какъ здѣсь возможно представить три отношенія, то и существуетъ три типа опредѣленій силы. Можно: или силу подчинять веществу, или вещество силѣ, или ставить ихъ независимо другъ отъ друга. Къ первому типу относятся опредѣленія, въ которыхъ сила считается однимъ изъ *свойствъ* вещества. Такъ, Молешоттъ даетъ такое опредѣленіе силы: „то свойство вещества, которое дѣлаетъ возможнымъ его движеніе“, говоритъ онъ, „мы называемъ силой“²⁾. Повидимому такого-же мнѣнія фізіологъ Ландуа, когда говоритъ: „явленія суть доступныя нашему воспріятію выраженія присущихъ матеріи силъ. Сами силы недоступны для нашего воспріятія, они суть причины явленій“³⁾. Очевидно силы, какъ недоступныя воспріятію причины явленій, „присущи“ матеріи, какъ свойства ея. Молешоттъ тоже полагаетъ, что сила „незамѣтна нашимъ чувствамъ, если нѣтъ случая къ движенію“⁴⁾. „Здѣсь мы находимъ Молешотта по уши въ схоластикѣ“, замѣчаетъ совершенно справедливо Ланге. Такая незримая сила „есть превосходнѣйшая *qualitas occulta*, какой только можно требовать“⁵⁾. Въ сущности сила здѣсь остается неизвѣстною. Другое воззрѣніе матерію считаетъ *феноменомъ* или свойствомъ или выраженіемъ силы. Это достигается разрѣшеніемъ всѣхъ свойствъ матеріи, въ томъ числѣ и протяженія, въ силы. Въ этомъ именно состоитъ взглядъ Босковича, къ которому склонялись Амперъ, Коши, Сеганъ, Муаньо, Фарэдэй и другіе. По этому взгляду всегда всѣ матеріальныя явленія производятся непротяженными центрами силъ. По этому взгляду протяженность ве-

1) Новыя основ. фізіолог. чел. I, 5.

2) Ланге, Истор. матер. II, 184.

3) Ландуа, Учебн. фізіологія, 4.

4) Ланге, II, 184.

5) Ibid. II, 184.

щества, очевидно, есть лишь одно изъ свойствъ дѣятельности взаимно отталкивающихся силъ. Но что такое эти силы, опять остается неизвѣстнымъ. „Если разсматривать тѣло со стороны его наиболѣе характеристическихъ свойствъ“, говоритъ Сески, „то оно представляется намъ, такъ сказать, совокупностію силъ. Главная и самая основная изъ нихъ есть, безъ сомнѣнія, сила сопротивленія или непроницаемости. Эта-то сила, вызываемая къ дѣйствию всякій разъ, какъ тѣло мѣняетъ свое состояніе или изъ движенія переходитъ въ покой, и составляетъ его инерцію. Когда она дѣйствуетъ въ очерченномъ пространствѣ, то образуетъ то, что собственно называется тѣломъ“¹⁾. Но такое пониманіе силы въ отношеніи къ матеріи еще нисколько не проясняетъ намъ, что такое сила по своей природѣ, такъ что ее можно представлять себѣ или въ видѣ особаго агента, или, какъ это дѣлаетъ самъ Сески, въ видѣ движенія матеріи, т. е. движенія того самаго, что должно само быть лишь феноменомъ движенія. Третій взглядъ силу и матерію ставитъ рядомъ. Но при этомъ онъ разумѣетъ подъ матеріею и силою или отвлеченныя понятія, или-же просто совокупность двухъ различныхъ родовъ явленій, обозначаемыхъ двумя словами: вещество и сила. Въ первомъ смыслѣ Гельмгольцъ считаетъ какъ вещество, такъ и силу абстрактными понятіями, противоположаемыми одно другому только въ мышленіи. „Понятія о матеріи и силѣ въ примѣненіи въ природѣ никогда не могутъ быть раздѣляемы“, говоритъ онъ. „Чистая матерія (безъ силы) была-бы безразлична для всей остальной природы, потому что никогда не могла-бы обусловить какую-нибудь перемѣну въ ней или въ нашихъ органахъ чувствъ; чистая сила (безъ матеріи) была-бы нѣчто, что должно-бы было существовать и вмѣстѣ не существовать, такъ какъ существующее мы называемъ матеріей. Такъ-же ошибочно признавать матерію за нѣчто *дѣйствительное*, а силу за простое понятіе, которому не соотвѣтствуетъ ничто дѣйствительное: и то, и другое, напротивъ, суть *отвлеченія* отъ дѣйствительности, составленныя совершенно

¹⁾ Сески, Единство физическихъ силъ, перев. Павленкова, Вятка, 1873, стр. 393.

одинаковымъ образомъ; вѣдь матерію мы можемъ воспринимать только посредствомъ ея силъ, а не непосредственно“¹⁾. „Если мы спросимъ“, говоритъ Дю-Буа-Реймонъ, „что-же остается, если ни сила, ни матерія *не имѣютъ дѣйствительности*, то тѣ, которые становятся со мной на эту точку зрѣнія, отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: Человѣческому уму не дано въ этихъ вещахъ выдти изъ послѣдняго противорѣчія. Поэтому вмѣсто того, чтобы вертѣться въ кругу безплодныхъ умозрѣній, или мечемъ самообольщенія разрубать узелъ, мы предпочитаемъ держаться *воззрѣнія* вещей какъ онѣ *суть*, и довольствоваться, говоря съ поэтомъ, „чудесами того, что существуетъ“²⁾. Становясь на эту точку зрѣнія, Клеркъ Максвелль говоритъ: „все, что мы знаемъ о матеріи, сводится на рядъ явленій, въ которыхъ энергія переносится отъ одной части матеріи къ другой, пока въ какой-нибудь части этого ряда не подѣйствуетъ на наше тѣло, и тогда мы сознаемъ въ себѣ ощущеніе. Посредствомъ умственного процесса, основаннаго на такихъ ощущеніяхъ, мы приходимъ къ познанію условій этихъ ощущеній и можемъ прослѣдить ихъ до предметовъ, которые не составляютъ части насъ самихъ; но въ каждомъ случаѣ *фактъ*, который мы узнаемъ, есть *взаимное дѣйствіе* между *тѣлами*. Смотри по различнымъ точкамъ зрѣнія, оно называется силою, дѣйствіемъ, противодѣйствіемъ, динамическимъ дѣйствіемъ, и очевиднымъ *выраженіемъ* его (взаимодѣйствія) служитъ измѣненіе движенія тѣлъ, между которыми оно дѣйствуетъ“³⁾. „Мы знаемъ матерію только какъ нѣчто такое, чему можетъ быть сообщена энергія отъ другой матеріи, и что въ свою очередь можетъ сообщить энергію другой матеріи. Энергію съ другой стороны мы знаемъ только какъ нѣчто такое, что во всѣхъ явленіяхъ природы переходитъ отъ одной части матеріи къ другой“⁴⁾. „Сдѣлки въ матеріальной вселенной совершаются, такъ сказать, по системѣ

1) О сохраненіи силы, ссылка у Ламе, *ibid.* II, 197.

2) Изъ рѣчи: „О предѣлахъ естествознанія“.

3) Матерія и движеніе, перев. Антоновича. С.-П.-В. 1885, стр. 113.

4) *Ibid.* стр. 114.

кредита. Каждая сдѣлка состоитъ въ переводѣ такого-то кредита или энергіи съ одного тѣла на другое. Этотъ актъ перевода или платежъ называется работой. Переведенная такимъ образомъ энергія не сохраняетъ никакого признака, по которому мы могли-бы отличить или узнать ее, когда она переходитъ изъ одной формы въ другую“ ¹⁾. Очевидно, Максвелль исходитъ изъ фактовъ и сумму тѣлъ называетъ матеріей, а сумму ихъ взаимодействій, доступныхъ наблюденію, энергіей. Однако и онъ чувствуетъ, что этимъ ни мало не проясняется вопросъ о природѣ энергіи, которой онъ въ другомъ мѣстѣ даетъ такое опредѣленіе: „энергія есть способность производить работу“, работа-же есть „измѣненіе въ конфигураціи системы (т. е. во взаимномъ положеніи тѣлъ или ихъ частей) съ противодействіемъ силъ, которая сопротивляется этому измѣненію“ ²⁾. Не помогаетъ дѣлу и различеніе кинетической энергіи, происходящей отъ движенія, отъ потенціальной, происходящей отъ конфигураціи ³⁾. „Потенціальная энергія есть способность производить работу не въ силу движенія непосредственно, а въ силу того, что движеніе переходитъ въ положеніе, въ конфигурацію движимыхъ частей, напримѣръ, при навиваніи пружины, и которое при развиваніи пружины опять обращается въ движеніе. Напряженіе неподвижной пружины, связанное съ положеніемъ ея частей, и есть потенціальная энергія. Но и послѣ всего этого“, говоритъ Максвелль, „сущность связи между конфигураціей и силой остается столь же таинственной, какъ и прежде“ ⁴⁾. Мы можемъ не болѣе, какъ только констатировать фактъ. Подобнаго же взгляда въ сущности держится Тэтъ. „Энергія“, говоритъ онъ „нигдѣ не встрѣчается иначе, какъ въ сочетаніи съ матеріей. Поэтому матерію можно опредѣлить, какъ носителя или пріемника энергіи. Кромѣ того болѣе чѣмъ вѣроятно, что

¹⁾ Ibid. стр. 115.

²⁾ Ibid. стр. 68.

³⁾ Ibid. стр. 98. Иначе, „энергія положенія“. Хвольсонъ, Популярныя лекціи объ основныхъ гипотезахъ физики, стр. 58.

⁴⁾ Ibid. стр. 84.

въ концѣ концовъ найдутъ энергію, во всѣхъ ея разнообразныхъ формахъ, зависящей отъ движенія матеріи“. ¹⁾ Очевидно, здѣсь матерія опредѣляется черезъ энергію, какъ пріемникъ ея, а энергія черезъ матерію, какъ движеніе ея. Это самое современное ученіе. Очевидно также, что оно не опредѣляетъ причинъ движенія. Такимъ образомъ, вмѣсто абстрактныхъ матеріи и силы, мы имѣемъ здѣсь доступныя воспріятію движущіяся тѣла и движенія тѣлъ, тѣла и движенія. Сила есть движеніе—вотъ современное опредѣленіе силы. Очевидно это опредѣленіе въ сущности есть замѣна силы ея эффектомъ, т. е. ея дѣйствіемъ. Мотивы къ этому таковы. „Называя силу движеніемъ“, говоритъ Секки, „мы нисколько не рискуемъ быть обвиненными въ злоупотребленія словами или смѣшеніи причины съ дѣйствіемъ, такъ какъ понятія о силѣ и движеніи различаются между собою не столько по своему существу, сколько по особенностямъ отношеній“. „По нашему мнѣнію искать источника движенія въ чемъ нибудь другомъ, кромѣ того же движенія, есть прямой и положительный абсурдъ. Мы рѣшительно отказываемся отъ метафизическихъ началъ, называемыхъ силами, которыя занимаютъ какую-то непонятную середину между духомъ и матеріей и существованіе которыхъ никогда не было доказано. Принимая ихъ, какъ чистыя отвлеченія, мы будемъ стараться свести всѣ явленія къ простому обмѣну или сообщеніямъ движенія и смотрѣть на этотъ обмѣнъ, какъ на первичный фактъ, находящій свою причину въ самой природѣ матеріи“ ²⁾.

84. Однако такое отождествленіе силы съ движеніемъ въ сущности вовсе нельзя понимать буквально. Фактъ перехода отъ движенія къ покою и отъ покоя къ движенію не допускаетъ такого отождествленія. Мы здѣсь приведемъ слова Спенсера. „Мы опять стоимъ“, говоритъ онъ, „передъ старой загадкой о движеніи. Мы каждый день наблюдаемъ, что предметы, брошенные рукою, или другимъ какимъ нибудь образомъ, посте-

¹⁾ Тамъ, свойства матеріи, стр. 4—5.

²⁾ Секки, Единство физическихъ силъ, перев. Павленкова, Вятка, 1873, стр. 9—10.

ленно замедляютъ свое движеніе и наконецъ совершенно прекращаютъ его. Мы также часто наблюдаемъ переходъ отъ покоя къ движенію, вслѣдствіе приложенія какой-нибудь силы. Но мы находимъ, что не возможно мысленно представить себѣ эти переходы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, повидимому, необходимо происходитъ нарушеніе закона непрерывности, и мы не можемъ постичь нарушенія этого закона. Тѣло, движущееся съ опредѣленною скоростію, не можетъ ни возвратиться къ состоянію покоя, ни измѣнить своей скорости, не проходя всѣхъ промежуточныхъ скоростей. На первое время нѣтъ ничего легче, какъ вообразить себѣ переходъ отъ одного къ другому изъ этихъ послѣдовательныхъ состояній. Можно думать, что это движеніе незамѣтно уменьшается до бесконечно малой величины, и многіе думаютъ, что возможно мысленно перейти отъ движенія бесконечно малаго къ движенію, равному нулю. Но это ошибка. Слѣдуйте, сколько хотите, вашею мыслию за уменьшающеюся скоростью, всегда останется нѣкоторая доля скорости. Возьмите половину, затѣмъ опять половину суммы движенія и такъ до бесконечности, движеніе все еще существуетъ и самое маленькое движеніе отдѣляется отъ нулеваго движенія непроходимую пропастью. Какъ самая маленькая вещь *бесконечно* велика въ сравненіи съ нулемъ, точно также еле воспринимаемое движеніе бесконечно велико въ сравненіи съ покоемъ“ ¹⁾. Очевидно эти слова Спенсера выражаютъ древнюю мысль Зенона Элейскаго, что быстроногій Ахиллесъ никогда не догонитъ черепахи, т. е. что разъ начавшееся движеніе никогда не можетъ окончиться. Бони думаетъ устранить эту невозможность тѣмъ предположеніемъ, что „переходъ движенія въ покой есть только переходъ движенія массы въ движеніе молекуль“, что слѣдовательно движеніе не прекращается на самомъ дѣлѣ, ибо все есть движеніе ²⁾. Но пусть, какъ думалъ Гераклитъ, все есть движеніе; во всякомъ случаѣ движеніе молекуль измѣняется въ скорости и направленіи отъ ихъ взаимныхъ столкновеній и, въ моментъ столкновенія этихъ молекуль,

¹⁾ Основная начала, см. у Бони, Новыя основы физиологій челоуѣка, I стр. 14.

²⁾ Ibid I, стр. 14.

оно должно переходить непременно въ покой. Если вмѣстѣ съ Секки допустить, что частицы кромѣ поступательнаго имѣютъ и вращательное движеніе, при чемъ въ моментъ удара одно увеличивается на счетъ другаго или преобразуется въ другое, то и здѣсь, по словамъ самого Секки, движеніе уничтожается въ случаѣ встрѣчи частицъ по направленію оси вращенія, и притомъ всегда, если ось вращенія устойчива, и иногда, если она неустойчива и мгновенна ¹⁾. Но уничтоженное движеніе есть покой. Это уничтоженіе движенія мы должны допустить въ сущности во всякомъ столкновеніи, даже при преобразованіи или при передачѣ движенія отъ одной частицы другой. Всякое прикосновеніе, въ моментъ этого прикосновенія, мы должны рассматривать какъ сліяніе двухъ частицъ въ одной общей точкѣ соприкосновенія, или въ одной общей поверхности соприкосновенія ²⁾. Мы должны допустить, что въ этотъ моментъ у той и другой частицы является по крайней мѣрѣ одна точка общая, принадлежащая какъ той такъ и другой частицѣ. Если этого сліянія или отождествленія мы не признаемъ, то мы должны будемъ, при передачѣ движенія отъ одной частицы другой, приписать передающей частицѣ произведеніе движенія въ такой точкѣ, въ которой ея нѣтъ, въ которой она двигаться не можетъ, ибо эта точка занята въ это время другою частицей или атомомъ. Но если мы допустимъ сліяніе двухъ частицъ въ одной точкѣ въ моментъ соприкосновенія, то, очевидно, въ этой точкѣ движеніе является уничтоженнымъ, ибо въ этой точкѣ не происходитъ измѣненія относительно положенія двухъ столкнувшихся атомовъ или частицъ. А такъ какъ прекратившееся движеніе или перемѣщеніе есть именно покой, то мы должны признать, что превращеніе движенія въ покой несомнѣнно существуетъ, хотя бы только въ моментъ удара. Но этотъ покой не можетъ быть произведенъ самимъ движеніемъ частицы, или противодвиженіемъ другой частицы, ибо и относительно другой нужно сказать тоже самое, на что указываетъ Спенсеръ, т. е. что и ея движеніе не можетъ пе-

¹⁾ Секки, Единство физич. силъ, стр. 32.

²⁾ Ibid. стр. 407.

рейти въ покой само собою или окончиться, такъ что при этомъ возрѣніи всегда должно между частицами, движущимися на встрѣчу одна другой, оставаться безконечно малое движеніе другъ къ другу, которое не можетъ кончиться въ безконечное время, вслѣдствіе чего не можетъ осуществиться и самый ударъ. И такъ покой и ударъ не могутъ быть произведены движеніемъ, хотя покой и несомнѣнно существуетъ. Для этого нужно что-то другое, чего мы въ частицахъ найти не можемъ и что мы называемъ силой. Съ другой стороны, разъ движеніе окончилось, именно въ моментъ удара, то оно уже не можетъ сообщиться отъ одного тѣла другому черезъ этотъ ударъ, потому что въ моментъ удара движенія нѣтъ, потому что тогда пришлось бы допустить, что покой превращается въ движеніе самъ собою. Но если нельзя объяснить изъ самаго же движенія, какъ покой превращается въ движеніе, т. е. какъ движеніе возникаетъ изъ ничего, и какъ движеніе превращается въ покой, т. е. какъ оно обращается въ ничто, въ свое отрицаніе, то ясно, что возникновеніе и уничтоженіе движенія производится не имъ самимъ, а чѣмъ то отъ него отличнымъ. Вотъ почему въ новѣйшее время Гирнъ высказалъ гипотезу, что сила существуетъ независимо отъ вѣсомой матеріи, что такая сила есть вѣроятно электричество и что электричество не есть молекулярное движеніе, а особое тонкое вещество проникающее самую вѣсомую матерію. Вотъ почему знаменитый Клаузіусъ ¹⁾, въ своей Бонпской рѣчи 1885 года, основываясь на опытахъ Вильгельма Вебера и Кольрауша, сближающихъ теплоту съ электричествомъ, и на соображеніяхъ Клерка Максвелля, сближающихъ съ электричествомъ свѣтъ, высказываетъ мысль, что весь міръ наполненъ электричествомъ и что электричество есть то, что мы называемъ эфиромъ ²⁾. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ настоящее время есть ученые перваго ранга, представляющіе силу от-

¹⁾ Главнѣйшій представитель кинетической теоріи газовъ.

²⁾ *Клаузіусъ*, Соотношеніе между великими агентами природы. Русское Богословство, 1886, № 4, стр. 1—17. Понятіе о силѣ въ современной наукѣ. По Клаузіусу и Гирну. Тамъ-же, 1885, № 8, стр. 125, № 9, стр. 85.

дѣльно отъ матеріи и отождествляющіе ее съ электричествомъ и эфиромъ. Въ сущности конечно вѣрнѣе было-бы сказать, что сила есть просто неизвѣстная намъ причина, производящая и прекращающая движеніе при извѣстныхъ условіяхъ. Очевидно, представленіе силы посредствомъ движенія или работы, производимой движеніемъ, есть лишь символическое ея обозначеніе посредствомъ доступнаго намъ нагляднаго представленія. Это есть какъ бы проектированіе силы въ пространствѣ или субъективный, воображаемый „образъ“ силы, а не сама сила.

85. „Каждая сила“, говоритъ Бюхнеръ, „можетъ быть выведена или *идеально построена* только изъ ея проявленій ¹⁾. Это построеніе силы въ терминахъ движенія производится посредствомъ мысленнаго уменьшенія движенія и перенесенія его вмѣсто массъ на мельчайшія частички, молекулы, атомы вѣсомой и не вѣсомой матеріи. Силы суть молекулярныя движенія, подобно тому какъ атомы суть недѣлимые частицы тѣла. Какъ атомъ строится при помощи уменьшенія объема тѣла или дѣленія, такъ и молекулярное движеніе строится при помощи уменьшенія объема движенія до незамѣтности для ощущенія. На допущеніи этихъ молекулярныхъ движеній въ настоящее время построены три важнѣйшія теоріи, исчерпывающія все основаніе современнаго механическаго міровоззрѣнія: механическая теорія теплоты, кинетическая теорія газовъ и теорія единства физическихъ силъ или превращенія энергіи. Началось съ предположенія, высказаннаго еще Бэкономъ, что теплота есть не теплородъ, а движеніе. Когда Джауль вычислилъ механическій эквивалентъ теплоты, тогда оказалось, что опредѣленное количество движенія всегда производитъ опредѣленное количество теплоты, и наоборотъ, такъ что изъ теплоты можно получить движеніе и изъ движенія теплоту. Теплота стала рассматриваться какъ превращенное движеніе. Такъ какъ при теплотѣ тѣла расширяются и такъ какъ увеличеніе объема можно представить въ видѣ раздвиженія между собою частицъ тѣла, то стали полагать, что движеніе, превращаясь въ теплоту, превращается въ молекулярное движеніе.

¹⁾ Ламе, Истор. матер. II, стр. 101—102.

Въ признаніи теплоты за такое молекулярное движеніе и состоитъ механическая теорія теплоты. По этой теоріи возвышеніе температуры состоитъ въ усиленіи колебательнаго движенія частицъ тѣла, вслѣдствіе чего увеличивается разстояніе между ними, а пониженіе сопровождается явленіями обратными. Такъ какъ расширение тѣлъ отъ теплоты возможно только до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми твердыя тѣла начинаютъ превращаться или въ жидкія, или прямо въ газообразныя, а жидкія начинаютъ превращаться въ пары или въ газы, то скоро и состоянія тѣлъ были объяснены состояніемъ агрегаціи движущихся отъ теплоты частичекъ, а это прямо привело къ кинетической теоріи газовъ. По этой теоріи въ равныхъ объемахъ различныхъ газовъ, взятыхъ при одинаковой температурѣ и давленіи, частицъ газа содержится одинаковое количество и всѣ онѣ находятся въ постоянномъ движеніи, подобно пылинкамъ въ солнечномъ лучѣ или весьма мелкимъ шарикамъ, встряхнутымъ въ громадномъ ящикѣ. Отсюда выводятъ всѣ свойства газовъ. Подъ вліяніемъ давленія и охлажденія всѣ эти газы могутъ быть сжижены и обращены въ твердый видъ ¹⁾, такъ что если-бы температура могла понизиться до 273 или 274 градусовъ по Цельсію (до абсолютнаго 0), то всѣ частицы тѣлъ сблизилась-бы между собою совершенно и тѣла потеряли-бы упругость. Такимъ образомъ кинетическая теорія газовъ превращается въ механическое объясненіе состояній тѣлъ: твердаго, жидкаго и газообразнаго. Но такъ какъ дѣятельность всѣхъ физическихъ силъ, химическаго сродства, свѣта, электричества, органическихъ силъ, непременно связана съ движеніемъ, то механическую теорію скоро простерли на всѣ силы и стали разсматривать ихъ какъ превращеніе движенія. Въ этомъ состоитъ механическая теорія единства физическихъ силъ. Теорія единства физическихъ силъ была формулирована первоначально Юліемъ Робертомъ Мейеромъ ²⁾. „Тяготѣніе,

¹⁾ Въ твердомъ видѣ водородъ и кислородъ были получены Пикте 22 декабря 1877 года.

²⁾ Мысль объ этомъ можно находить уже у Декарта, а изъ древнихъ у Платона въ Тимей.

движеніе, теплота, магнетизмъ, электричество, химическое сродство“, говоритъ онъ,—„все это различныя формы одной и той-же силы, господствующей во вселенной, потому что каждая изъ этихъ формъ при соответственныхъ условіяхъ можетъ перейти въ другую форму силы“¹⁾. Предполагаютъ, что всѣ эти силы суть преобразованное тяготѣніе или притяженіе, которое обнаруживается какъ въ тяготѣніи громаднхъ небесныхъ тѣлъ другъ къ другу, такъ и во взаимномъ притяженіи двухъ малѣйшихъ атомовъ²⁾. Всѣ силы строятся, слѣдовательно, изъ молекулярныхъ движеній, ибо и движенія массъ зависятъ отъ нихъ-же, именно отъ движеній атомовъ ээира. Но въ чемъ состоятъ эти движенія, каковы они, какой формы, въ каждомъ данномъ случаѣ, этого конечно никто никогда не наблюдалъ. Относительно этого дѣлаются только предположенія, т. е. къ явленіямъ подыскиваются извѣстныя движенія и строятся воображеніемъ. „Что касается до самой формы частичнаго движенія тѣлъ“, говоритъ Севки, „то вслѣдствіе невидимости атомовъ, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть опредѣлена путемъ прямого наблюденія, но совокупность всѣхъ извѣстныхъ намъ явленій заставляеть *полагать*, что это движеніе совершается то по соменутымъ кривымъ, то по неопредѣленнымъ криволинейнымъ или прямолинейнымъ направленіямъ, такъ что, вообще говоря, всѣ частицы тѣлъ обладаютъ двоякимъ движеніемъ—вращательнымъ и поступательнымъ“³⁾.

86. Однако во всѣхъ этихъ движеніяхъ нужно отличать предполагаемое отъ дѣйствительнаго, воображаемое отъ воспринимаемаго, чтобы не впасть опять въ олицетворенія, въ мифологію. Въ сущности всѣ эти гипотезы не говорятъ того, что частички матеріи движутся въ дѣйствительности именно такимъ образомъ. Онѣ могутъ двигаться такимъ и другимъ образомъ, и если придумывается и выбирается нами тотъ, а не другой способъ движенія ихъ, то только въ виду удобства представленія и примѣнимости къ фактамъ. Въ этихъ гипоте-

¹⁾ Ландау, Учебн. физіол. стр. 11.

²⁾ Гельмгольцъ, Законъ сохраненія силы, перев. Рындовскаго, Харьковъ, 1865 стр. 26 и слѣд. Влеркъ Максвелль, Матерія и движеніе, стр. 141—142 и 152—154.

³⁾ Единство физич. силъ, стр. 105.

захъ дѣйствительно только то, что опредѣлено опытомъ, числомъ, мѣрою и вѣсомъ, т. е. только эквиваленты силъ, эквиваленты превращающагося движенія. Но эквиваленты силъ суть лишь такія или иныя опредѣленныя *количества дѣйствія*, подлежащаго наблюденію и измѣряемаго извѣстнымъ опредѣленнымъ способомъ. Если-бы мы употребили другой способъ въ примѣненіи къ иному дѣйствию той-же силы, то измѣнился-бы и эквивалентъ. Такъ что о самомъ дѣйствующемъ агентѣ черезъ опредѣленіе эквивалентовъ мы въ сущности ничего не узнаемъ. „О самомъ агентѣ мы ничего не знаемъ“, говоритъ извѣстный пражскій физикъ Махъ. „Мы измѣряемъ какое-либо дѣйствіе, а какое изъ нихъ мы выбираемъ, оказываетъ вліяніе на наши представленія объ этомъ агентѣ“. Напримѣръ, мы полагаемъ, что количество воды электричества при работѣ остается постояннымъ, между тѣмъ какъ количество теплоты измѣняется или расходуется. „Почему? Потому что мы измѣряемъ количество воды подобно электричеству посредствомъ вѣсовъ. Но представимъ себѣ, что количествомъ воды будетъ называться ея способность къ работѣ, такъ что надо будетъ измѣрять его не вѣсами, а напримѣръ—мельницей; тогда это количество будетъ исчезать (какъ теплота) по мѣрѣ того, какъ производится работа. Но представимъ себѣ, что нѣкоторую матерію не столь удобно схватить какъ воду. Мы тогда не могли-бы ее измѣрять посредствомъ вѣсовъ, между тѣмъ какъ передъ нами остались-бы другіе способы измѣренія“. „Для теплоты случайно исторически установилась мѣрой количества теплоты ея *способность къ работѣ*. Поэтому количество теплоты уменьшается, если производится работа. Но что теплота не есть матерія, отсюда слѣдуетъ столь-же мало, какъ и обратное положеніе. Если мы поэтому удивляемся открытію, что теплота есть движеніе, то мы удивляемся чему то такому, что *никогда не было открыто* ¹⁾. Рѣшительно все равно и не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія, мыслимъ-ли мы теплоту какъ матерію или нѣтъ“. Такимъ

¹⁾ Ибо эквивалентъ теплоты не есть еще теплота или ея существо, а только ея дѣйствіе.

образомъ все дѣло въ опредѣленіи количества дѣйствій или эквивалентовъ, а вовсе не въ силахъ или агентахъ. Эти количества указываютъ лишь величину эффекта, а не количество самой силы. „При изслѣдованіи природы“, говоритъ тотъ-же Махъ, „все дѣло сводится только къ знанію *связи явленій*. Все, что мы представляемъ себѣ *сзади* явленій, существуетъ только *въ нашемъ умѣ*, имѣетъ для насъ значеніе мнемоническаго приѣма или формулы, которая, будучи произвольной и не важной, легко можетъ быть измѣняема вмѣстѣ съ уровнемъ нашей культуры“¹⁾. Итакъ реальны только количества наблюдаемыхъ дѣйствій или эквиваленты силъ, въ извѣстныхъ математическихъ уравненіяхъ устанавливающія связь этихъ дѣйствій между собою. Все-же остальное есть только удобный способъ представленія силъ въ терминахъ воображаемаго движенія воображаемыхъ-же атомовъ или частичекъ, т. е. просто идеальное методологическое построеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вся энергія въ природѣ, по предположенію, есть лишь видоизмѣненіе тяготѣнія или притяженія частицъ. Но уже самъ Ньютонъ, говоря о притяженіи, не утверждалъ, что тѣла притягиваются взаимно, а лишь рассматривалъ ихъ взаимное отношеніе, *какъ если-бы* они притягивались. Въ этомъ смыслѣ Сегки притяженіе тѣлъ прямо считаетъ „математической фикціей“ старыхъ математиковъ²⁾. Но въ этомъ-же смыслѣ мы можемъ назвать и всѣ воображаемыя молекулярныя движенія, которыя по самой природѣ своей не могутъ быть доступны наблюденію, тоже фикціей и именно физикоматематической. Напримѣръ, современная кинетическая теорія газовъ завѣдомо пользуется фикціей *идеальнаго газа*, частицы котораго не имѣютъ протяженія и взаимнаго вліянія другъ на друга во время движенія, слѣдовательно, суть математическія точки. Несоотвѣтствіе свойствъ дѣйствительныхъ газовъ свойствамъ этой фикціи она затѣмъ объясняетъ предполагаемою величиною частицъ и ихъ взаимнымъ вліяніемъ, т. е. строитъ новыя фикціи, которыя уже болѣе согласуются

¹⁾ Die Geschichte und die Wurzel des Satzes der Erhaltung der Arbeit Prag. 1872, стр. 24—25. Приведено у *Введенскаго*. Опыт построенія теоріи матеріи, I, стр. 136—137.

²⁾ Единство физич. силъ, стр. 408.

съ дѣйствительно наблюдаемыми свойствами газовъ. Сопоставляя одну фѣкцію съ другою, она математически высчитываетъ величину этихъ воображаемыхъ частицъ и скорость воображаемыхъ движеній, т. е. строить новую фѣкцію, которая еще болѣе можетъ согласоваться съ дѣйствительно наблюдаемыми свойствами газовъ ¹⁾). Получается полная иллюзія, какъ будто въ самомъ дѣлѣ все это не продуктъ воображенія и научно-мнѣческаго творчества, а подлинная дѣйствительность. Конечно черезъ эти фѣкціи облегчается способъ представленія *неизвѣстныхъ* причинъ явленій, именно потому, что онѣ олицетворяются здѣсь въ наглядныхъ символахъ; но было-бы слишкомъ поспѣшно утверждать, что эти фѣкціи и суть дѣйствительныя причины. Именно только такое значеніе наиболѣе удобнаго способа представленія и можно за ними спокойно признать. Въ механикѣ множество такихъ символическихъ обозначеній, напримѣръ, представленіе о центрѣ тяжести, о параллелограммѣ силъ и др. Конечно никто не станетъ утверждать, что тяжесть тѣла сидитъ въ центрѣ его и вся сосредоточивается въ одной точкѣ, или чтобы дѣйствіе силъ въ самомъ дѣлѣ было въ дѣйствительности параллелограммомъ. Съ этой точки зрѣнія вся такъ называемая математическая физика, изучающая движенія точекъ, конфигураціи системъ,

¹⁾ Проф. Столтгоузъ, Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ. Актовая рѣчь. Москва, 1879, стр. 143—159. „Средній діаметръ частицы воздуха долженъ быть не болѣе 0,0000003, т. е. около $\frac{1}{3}$ миллионной доли миллиметра. Малѣйшая микроскопически-замѣтная величина въ 800 разъ болѣе этой цифры“. „Собственно говоря, это — равстояніе центровъ двухъ частицъ во время удара. Если частицы при этомъ касаются, то найденная цифра и есть діаметръ частицы; если нѣтъ, она больше послѣдняго“. Ibid. стр. 156, Значитъ, величина частицы все-таки сомнительна. Съ другой стороны, величина въ 800 разъ меньшая замѣтной микроскопической величины есть величина не дѣйствительная, вбо самая микроскопическая величина помѣщается не въ дѣйствительномъ, а только въ *оптическомъ* пространствѣ (если, конечно, допустить различіе между дѣйствительнымъ пространствомъ и его проэктіей въ микроскопѣ). „Средній вѣсъ частицы воздуха таковъ, что на одинъ миллиграмъ приходится десять триллионовъ частицъ“. „Число частицъ въ одномъ кубическомъ миллиметрѣ газа (всякаго) 20 тысячъ билліоновъ“. Ibid. 157. Впрочемъ Мейеръ и Вюрцъ берутъ болѣе крупныя цифры. Очевидно, всѣ эти вычисленія относятся къ воображаемымъ величинамъ. Воображаемыя величины можно такъ же вычислять, какъ и дѣйствительныя.

сложеніе и вычитаніе силъ, есть такая-же символическая наука, какъ алгебра. И если мы эти воображаемыя движенія, употребляемыя въ наукѣ въ смыслѣ такихъ-же вспомогательныхъ методологическихъ построеній, каковы молекулы, частички, динамиды, атомы,—противополагаемъ движеніямъ, воспринимаемымъ чувствами, даннымъ въ опытѣ, то это не значитъ, что-бы мы опытнымъ движеніямъ придавали реальное бытіе помимо нашего сознанія. И *воображаемыя* движенія, и *воспринимаемыя* въ опытѣ одинаково суть не что иное, какъ наши субъективныя представленія, подобно тому, какъ воображаемые атомы и воспринимаемыя тѣла суть тоже только наши представленія.

87. Что всякое вообще движеніе воображаемое или воспринимаемое есть представленіе совершенно субъективное, это видно уже изъ субъективности условій движенія. Мы видѣли, что пространство и время, по ученію фізіологіи органовъ чувствъ, суть продукты мозга и существуютъ только въ головѣ, т. е., говоря болѣе правильнымъ языкомъ, существуютъ только въ сознаніи. Поэтому и все то, что существуетъ въ пространствѣ и времени, можетъ быть только субъективнымъ. Что-же касается до движенія, то оно представляетъ именно единство пространства и времени. Такъ какъ мы не могли-бы представить себѣ никакого перемѣщенія въ пространствѣ, не представляя движущагося предмета послѣдовательно въ рядомъ лежащихъ точкахъ проходимаго разстоянія въ слѣдующіе другъ за другомъ моменты времени, то ясно, что представленіе перемѣщенія немислимо безъ представленія текущаго времени. Перемѣщается или движется предметъ тогда, когда онъ въ предшествовавшей моментъ времени занимаетъ одну точку пространства, а въ послѣдующій другую, рядомъ лежащую. Значитъ воспріятіе непрерывнаго движенія совершается въ непрерывномъ рядѣ мгновеній времени. Но изъ всего этого ряда мгновеній времени дѣйствительное воспріятіе совершается только въ одно настоящее мгновеніе, въ одну настоящую секунду, и слѣдовательно, можетъ застать тѣло только въ одной точкѣ проходимаго пространства. Когда наступаетъ другое мгновеніе, тогда предшествовашаго уже

нѣтъ, оно не существуетъ вовсе, а будущее еще не наступило. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ и движущагося тѣла въ той точкѣ, въ какой оно было въ истекшее или будетъ въ еще не наступившее мгновеніе. Значитъ каждое движущееся тѣло доступно дѣйствительному воспріятію только въ одно настоящее мгновеніе и въ одной точкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть въ моментъ *A* тѣло находится въ точкѣ *a*, въ моментъ *B*—въ точкѣ *b*, въ *C*—въ точкѣ *c*. Такъ какъ моментъ *A*, когда насталь моментъ *B*, уже прошелъ, а моментъ *C* еще не наступилъ, то при нахожденіи тѣла въ моментъ *B* въ точкѣ *b*, положеніе его въ точкѣ *a* уже исчезло совсѣмъ, а въ точкѣ *c*—еще не наступило. Вслѣдствіе этого въ дѣйствительности всякое тѣло наблюдается лишь въ одинъ настоящій моментъ въ одной точкѣ, слѣдовательно, наблюдается въ покоѣ. Дѣйствительно, всѣ движущіяся тѣла, видимыя нами только въ одно мгновеніе, воспринимаются нами какъ неподвижныя ¹⁾. Напримѣръ, при блескѣ молніи ночью падающія капли дождя кажутся неподвижно висящими въ воздухѣ, быстро катящійся поѣздъ кажется стоящимъ, струя падающей воды при свѣтѣ электрической искры кажется рядомъ неподвижно висящихъ въ воздухѣ капель. Теперь представимъ себѣ, что мы не имѣемъ способности *воспоминанія*, что мы можемъ представлять себѣ только то, что видимъ, и забываемъ совершенно то, что видѣли въ предшествовавшее мгновеніе -- результатъ получится тотъ-же. Всѣ движущіяся тѣла, видимыя нами въ настоящее мгновеніе въ томъ пунктѣ, въ которомъ они въ это мгновеніе и могутъ только находиться, будутъ казаться неподвижными. Это будетъ какъ-разъ *настоящій* дѣйствительный моментъ ихъ существованія въ сознаніи. Отсюда слѣдуетъ, что движеніе не выражаетъ дѣйствительнаго положенія вещи, а есть наше субъективное представленіе, въ которомъ мы воспринимаемое покойное настоящее положеніе тѣла въ одной точкѣ *мысленно*, при помощи воспоминанія, сопоставляемъ съ

¹⁾ „Предметы, находящіеся въ движеніи и освѣщенные одной электрической искрой, представляются неподвижными“. *Форстеръ*, Учебникъ физиологіи, перев. проф. Тарханова, Спб. 1882, т. II, стр. 185.

бывшимъ, но уже не существующимъ воспоминаемымъ положеніемъ въ другой точкѣ, въ которой оно находилось въ истекшій моментъ. Такимъ образомъ движеніе тѣла существуетъ лишь для мысли существъ одаренныхъ воспоминаніемъ. Оно есть субъективное представленіе, въ которомъ мы проектируемъ въ мысли посредствомъ воспріятія и воспоминанія положеніе тѣла въ разные уже истекшіе моменты времени. Воспріятіе дѣйствительнаго положенія тѣла похоже здѣсь на сказочный „калиновый мостъ“, который, когда по немъ идутъ, спереди дѣлается, а сзади ломается. Представленіе движенія не есть представленіе чего-то сущаго, а есть представленіе постоянно исчезающаго и становящагося. Сущее-же здѣсь есть покой. Очевидно всѣ эти соображенія напоминаютъ парадоксальное положеніе Зенона, что летящая стрѣла въ сущности *находится* въ каждый данный моментъ въ покой, ибо она каждую настоящую секунду занимаетъ мѣсто равное себѣ самой. Эту именно мысль, но только въ другой формѣ, Ланге прилагаетъ къ такъ называемому закону превращенія или сохраненія энергіи. „Пусть намъ рѣшатъ прежде загадку параллелограмма силъ“, говоритъ онъ, „если мы должны вѣрить въ *пребывающую* вещь. Развѣ сила, которая съ напряженіемъ x дѣйствуетъ въ направленіи $a—b$, совершенно та же вещь, когда дѣйствіе ея слилось съ другой силой въ равнодѣйствующую, имѣющую напряженіе и направленіе $c—d$? Конечно, первоначальная сила содержится еще въ равнодѣйствующей и продолжаетъ сохраняться безъ конца, хотя въ вѣчномъ вихрѣ механическаго взаимодействія первоначальное напряженіе x и направленіе $a—b$ уже *никогда* болѣе не являются. Изъ равнодѣйствующей я могу какъ-бы опять выдѣлать первоначальную силу, когда *уничтожу* вторую составную силу посредствомъ силы одинаковой величины и противоположнаго направленія. Здѣсь я, слѣдовательно, совершенно точно знаю, что я могу разумѣть подъ сохраненіемъ силы и чего не могу. Я знаю и долженъ знать, что понятіе *сохраненія* есть только удобный *способъ представленія*. Все сохраняется и ничего не сохраняется, смотря по тому, какъ я рассматриваю процессы. Фактическое заключается единственно въ эк-

вивалентахъ силы, которые я получаю исчисленіемъ и наблюденіемъ“¹⁾. „Указанный законъ (сохраненія силы или движенія) не требуетъ сохраненія чего-либо реального, а только опредѣленнаго *способа* въ измѣненіяхъ движеній или въ преобразованіи агентовъ другъ въ друга, что дѣлаетъ его пригоднымъ для предугадыванія явленій прямаго опыта. А само то, что сохраняется,—нереально: вѣдь сохраняется не само движеніе, а *число*, которое получается при опредѣленномъ, *условномъ* измѣреніи возможнаго и дѣйствительнаго движенія“²⁾. Итакъ во всѣхъ дѣйствіяхъ силъ и движеніяхъ прошедшее навсегда прошло, будущее еще не наступило, только одно настоящее *есть*. Прошедшее есть воспоминаніе, настоящее — воспріятіе, будущее — воображеніе, все вмѣстѣ — представленіе, которое существуетъ лишь въ сознаніи и нигдѣ болѣе. Уже одно то свидѣтельство о субъективности представленія движенія, что оно основывается на зрительныхъ и мускульныхъ ощущеніяхъ, а ощущенія *всѣ*, по ученію фیزیологіи органовъ чувствъ, субъективны.

88. Вотъ что, напримѣръ, высказываетъ Секки, относительно силы понимаемой не въ смыслѣ только движенія, но въ смыслѣ затрачиваемаго на произведеніе движенія усилія. „Всматриваясь внимательнѣе въ суть вещей, не трудно убѣдиться“, говоритъ онъ, „что понятіе о силѣ или дѣйствіи порождается въ нашемъ *умѣ* *усиліемъ*, которое мы должны развивать въ себѣ всякій разъ, когда намѣреваемся сообщить тѣламъ движеніе. Это чисто субъективное понятіе заставляетъ насъ полагать, что подобное-же усиліе существуетъ и въ тѣлахъ, точно также, какъ нѣкогда ихъ надѣляли теплородными пахучими, звуковыми и другими началами“³⁾. „Существованіе силъ“, говоритъ Редтенбахеръ, „мы познаемъ по разнообразнымъ дѣйствіямъ, которыя они производятъ, и въ особенности по чувству и сознанію собственныхъ силъ“⁴⁾. „Слово сила“, по мнѣнію Тэта, „въ сущности не обозначаетъ

¹⁾ Истор. матеріал. II, 195.

²⁾ *Введенскій*, Опытъ построенія теоріи матеріи, I, стр. 192.

³⁾ Единство физич. силъ, стр. 41—42.

⁴⁾ *Ламе*, Истор. матеріал. стр. 187.

ничего объективнаго, потому что не выражает собою ни матеріи, ни энергіи. Это есть“, говоритъ онъ, „представленіе, вытекшее изъ мышечнаго чувства совершенно такимъ-же образомъ, какъ вытекли изъ показаній другихъ чувствъ идеи блеска, шума, запаха, или боли. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ ничего внѣшняго, объективнаго, что прямо соотвѣтствовало-бы представленію“ ¹⁾. „Ощущеніе въ такихъ случаяхъ столь-же отлично отъ причины, какъ снѣжъ и боль при ударѣ деревяннаго мяча отъ простаго движенія этихъ частичекъ матеріи до ихъ столкновенія съ тѣломъ человѣка. Тоже самое можетъ быть сказано и даже въ болѣе обширномъ смыслѣ относительно силы“ ²⁾. Но если сила, понимаемая въ смыслѣ мышечнаго усилія или чувства, по мнѣнію этихъ авторовъ, есть простое субъективное явленіе, то вѣдь тоже самое нужно сказать и о движеніи или энергіи, ибо движеніе или энергія тоже познаваемы только черезъ чувства: мышечное, осязательное или зрѣніе. Показанія-же всѣхъ этихъ чувствъ суть только состоянія сознанія, находящіеся въ сознаніи-же и больше нигдѣ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ мы приходимъ все къ одному и тому-же заключенію, что сила и движеніе суть только представленіе, будемъ-ли мы имѣть въ виду *факты* воспріятія, или же *построенія* воображенія.

89. Но если движеніе и сила, въ какомъ-бы смыслѣ ее мы ни стали понимать, суть субъективныя только представленія, если законъ сохраненія силы только удобный способъ представленія, если всѣ молекулярныя движенія, недоступныя нашему воспріятію по самой природѣ своей, суть только идеальныя и символическія построенія, то ясно, что и въ приложеніи къ представленію мозга они должны сохранять этотъ свойственный имъ характеръ. Очевидно они суть только вспомогательныя построенія нашего воображенія, облегчающія намъ представленіе мозговой дѣятельности, но не что-либо существующее въ дѣйствительности. Прилагая эти построенія къ дѣятельности мозга, мы прилагаемъ одно представленіе къ дру-

¹⁾ Свойства матеріи, стр. 7.

²⁾ О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній, стр. 14—15.

тому ради удобства, т. е. чтобы намъ было удобнѣе при помощи перваго представить или образовать въ подробностяхъ это послѣднее. Но было-бы, конечно, нелѣпо полагать, что одно представленіе производитъ другое, т. е. что вспомогательныя предположенія о дѣятельности и физическихъ силахъ суть причины, почему въ воспринимаемомъ мозгѣ такія, а не инныя воспринимаются свойства. Во всякомъ случаѣ представленіе мозга первоначальнѣе, а вспомогательныхъ построений позднѣе и производнѣе. Итакъ, гипотезы о силѣ и движеніи не могутъ служить объяснительными принципами дѣятельности мозга въ смыслѣ реальномъ, независимомъ отъ идеальныхъ построений сознанія.

90. Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, послышки умозрительной части объективнаго метода фізіологической психологіи съ точки зрѣнія фізіологіи чувствъ. Оказалось, 1) что сила и матерія суть построенія нашего воображенія, которыя мы сами примышляемъ къ фактамъ и затѣмъ объясняемъ изъ этихъ построений самые факты; 2) что, какъ относительно силы, такъ и относительно матеріи, существуетъ множество разнообразныхъ представленій въ наукѣ новаго времени; 3) что всѣ эти представленія, по сознанію самихъ ученыхъ, суть лишь извѣстныя предположенія, построенныя при помощи воображенія, или методологическія фикціи, играющія роль вспомогательныхъ построений въ наукѣ, но не дѣйствительныя существа или силы, подобныя мифологическимъ олицетвореніямъ; 4) что, прилагаясь къ тѣламъ и движеніямъ, или къ мозгу и его дѣятельности, они прилагаются опять не къ реальнымъ фактамъ независимымъ отъ сознанія, а къ продуктамъ того-же сознанія, къ представленіямъ, которыя существуютъ только въ сознаніи и нигдѣ болѣе. Вотъ положенія, которыя мы получили, разсматривая послышки объективнаго метода съ точки зрѣнія фізіологіи органовъ чувствъ. Съ этой точки зрѣнія такъ-называемый объективный методъ оказался просто субъективнымъ построеніемъ, и притомъ символическимъ. Вся фізіологія мозга и даже сама фізіологія органовъ чувствъ оказались науками совершенно идеальными, не выходящими за предѣлы сознанія, ибо какъ объекты ихъ опытнаго изученія, такъ

и объяснительные принципы, такъ, наконецъ и самыя приемы объясненія въ сущности оказались лишь проэкціями сознанія, свидѣтельствующими только о немъ самомъ и о томъ, что въ немъ находится. Такимъ образомъ фізіологія есть гораздо болѣе идеальное построеніе, чѣмъ самая чистая умозрительная психологія. Ибо фізіологія подъ именемъ вещей имѣетъ одни представленія, а психологія имѣетъ своимъ объектомъ самый субъектъ представленія, само представляющее я, въ которомъ это представленіе находится. Этимъ конечно смущаться не слѣдуетъ. „Мы видѣли“, говоритъ Ланге, „какъ въ древности матеріализмъ остался безплоднымъ, потому что онъ упорно придерживался своей великой догмы объ атомахъ и ихъ движеніи и имѣлъ мало чутья для новыхъ и смѣлыхъ идей. Напротивъ, идеалистическія школы, въ особенности платоніки и пифагорейцы, дали древности самыя богатые плоды естественно-научнаго познанія“¹⁾.

А. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Истор. матер. II, стр. 156.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

ВЪ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *).

7. *Пифагорейская* школа. Всѣ, доселѣ рассмотрѣнные, философы такъ или иначе, въ большей или меньшей мѣрѣ, примыкали къ іонійской школѣ, или были іонянами по происхожденію, кромѣ развѣ Эмпедокла, примыкавшаго къ ней только по космологическимъ воззрѣніямъ. Теперь предъ нами является личность іонянина по происхожденію, но перенесшаго свою дѣятельность на почву, весьма отдаленную отъ іонійской,—на почву доризма Великой Греціи;—личность окруженная ореоломъ еще большей чудесности, нежели Эмпедокль, но глубже послѣдняго проникавшая въ тайны религиозно-философскаго міросозерцанія и ближе его стоявшая къ орфикѣ. Разумѣемъ основателя пифагорейской философской школы—*Пифагора*. Рожденный на островѣ Самосѣ около 580—570 г. до Р. Хр. и по достиженіи мужескаго возраста долго пропутешествовавъ по разнымъ странамъ Востока, особенно-же долго проживъ въ Египтѣ, Пи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 18.

Пифагоръ около 540—530 г. до Р. Хр. прибылъ въ Италию, гдѣ въ такъ называемой Великой Греціи прожилъ все остальное время своей жизни и умеръ въ концѣ VI или въ началѣ V столѣтія предъ Р. Хр. Уже Гераклитъ называлъ его самымъ многосвѣдущимъ человѣкомъ своего времени. Не безъ основанія учителемъ его признаютъ ¹⁾ Ферекида Сиросскаго—главнаго представителя такъ называемаго средняго орфизма. И многіе пункты его философіи и организованный имъ (пифагорейскій) союзъ, представляютъ несомнѣнныя основанія признавать близкое сопровосновеніе его съ орфиками, ихъ таинствами и ученіемъ, въ свою очередь имѣвшимъ близкое соотношеніе съ восточными религіозно-философскими воззрѣніями и культами, особенно-же египетскими (древне-пифагорейство) и персидскими (средне-пифагорейское ученіе). Ученіе Пифагора мы узнаемъ лишь изъ сообщеній его послѣдователей, особенно же Филолая (современника Сократа), Архита и другихъ, значительно видоизмѣнившихъ первоначальное ученіе Пифагора, а равно и изъ сообщеній позднѣйшихъ писателей, начиная съ Аристотеля.

• Потому мы и разсматриваемъ ученіе пифагорейское послѣ ученій вышеозначенныхъ писателей и при томъ какъ общепифагорейское ученіе, различая впрочемъ древнѣйшій видъ этого ученія отъ позднѣйшаго. Начнемъ, по обычаю, съ философскаго собственно ученія, чтобы потомъ отъ него естественнѣе былъ переходъ и въ богословскому и частнѣе,—въ ученію о Богѣ.

Главную особенность пифагорейскаго ученія философскаго составляетъ, какъ извѣстно, символика чиселъ. А такъ какъ, по тому же ученію, „число дѣлаетъ познаваемымъ сокровенное, господствуетъ надъ Божественными вещами (т. е. мірозданіемъ) и дѣлами людей, музыкой и ремесломъ, и не допускаетъ лжи“, ²⁾ то, кромѣ того, характеристическими же особенностями этого ученія являются также соразмѣрность

¹⁾ *Diog. L. VIII, 1.*

²⁾ *Stob. Ecl. I, 8. Срав. Носицкаш II, 138.*

и гармонія, обнаруживающіяся во всей и во всякой области бытія и явленія. Поэтому всѣ части ученія пифагорейскаго не только окрашиваются, а и насквозь проникнуты этими особенностями, что простирается на оба вида пифагорейскаго ученія, болѣе древняго и менѣе древняго, безъ различія. Все устройство міра основано на законахъ чиселъ и гармоніи. На томъ-же основывается и жизнь нравственная и религіозная, по ученію пифагорейцевъ. Спѣшимъ однакоже предупредить могущія возникнуть недоразумѣнія изъ такой великости значенія системы чиселъ въ ученіи пифагорейцевъ объясненіемъ, что подъ числомъ у нихъ, какъ и вообще у грековъ того времени, разумѣлось не отвлеченное понятіе, какъ у насъ, а всякая величина въ смыслѣ опредѣленія предмета, съ нимъ нераздѣльнаго. Отсюда и геометрическія фігуры и тѣла также назывались числами („квadraticное число, кубическое число“ и под.). Вслѣдствіе того-же пифагорейцы сливали понятія числа и предѣла въ одно понятіе. И не безъ основанія. Предѣлъ тѣла есть поверхность, предѣлъ поверхности—линія, предѣлъ линіи—точка. Точка-же есть абсолютно простая единица, а слѣдовательно—число. Изъ такого числа состоятъ всѣ величины на свѣтѣ. Но самая точка, ни сама въ себѣ, какъ абсолютно простая, ни въ своей совокупности съ другими, все такими же точками, еще не можетъ составить величины. Нужно, чтобы между точками находилось что-либо, что могло-бы ихъ раздѣлять и полагать между ними предѣлы; искомое въ этомъ случаѣ и есть безпредѣльное, безъ понятія котораго немислимо и самое понятіе предѣла. Уравнивающимъ-же взаимныя отношенія между этими противоположностями (предѣломъ и безпредѣльнымъ) условіемъ и является гармонія, соразмѣрность, составляющая собою какъ-бы душу числа. Очевидно, что такія понятія совершенно приложимы къ объясненію всякаго бытія и явленія. Но вотъ въ этомъ приложеніи-то понятія о числахъ къ реальному бытію и явленіямъ и обнаруживается разность взглядовъ древнѣйшаго и менѣе древняго вида пифагорейскаго ученія, приводившая къ глубокимъ недоразумѣніямъ относительно истинной сущности послѣд-

няго даже такихъ великихъ мыслителей, какъ Аристотель ¹⁾. Дѣло въ томъ, что древнѣйшіе пифагорейцы представляли числа только какъ „символическія обозначенія опредѣленныхъ, подразумеваемыхъ при этомъ вещей и существъ“ ²⁾, а менѣе древніе, главою коихъ былъ Филолай, учили о числахъ согласно тому, какъ Аристотель говоритъ вообще о пифагорейцахъ въ одномъ мѣстѣ своей метафизики, т. е. представляли въ числахъ „не только свойства и отношенія вещей, но и субстанцію, матерію ихъ“ ³⁾.—Посмотримъ-же теперь, какъ шло развитіе религиозно-философскаго міросозерцанія тѣхъ и другихъ изъ пифагорейцевъ на основаніи ученія о числахъ. Мы уже могли видѣть изъ предшествующаго, что основаніемъ всего, по ученію и тѣхъ и другихъ, могла быть только *единица, монада*. Дальнѣйшія-же осложненія чиселъ обнаруживаютъ между тѣми и другими разность весьма значительную. И именно древнѣйшіе пифагорейцы, ближе примыкавшіе съ одной стороны къ египетскому міровоззрѣнію, а съ другой—къ орфикъ, въ слѣдующихъ стихахъ священной саги или „Завѣтовъ“ Пифагора выразили основы своего ученія:

„Будь къ намъ милостиво, достославное Число, отецъ блаженныхъ боговъ
и людей,

„Священная *Четверичность* ⁴⁾, источникъ и корень

„Присно-текущаго естества! Ибо исходитъ *Божественное Первочисло*

„Изъ глубины несмѣшанной *Единицы* ⁵⁾, пока не достигнетъ

„Священной *Четверки* ⁶⁾, которая рождаетъ за тѣмъ матеръ всего,

„Все вмѣщающую, первородную, всему полагающую предѣлъ,

„Неуклонную, неутомимую, Священную *Десятеричу* ⁷⁾,

„Имѣющую ключъ ко всему,—во всемъ равную *Первочислу*“ ⁸⁾.

Въ этомъ классическомъ мѣстѣ древне-пифагорейской саги заключается вся сущность и философіи и богословія пифагорейцевъ. Прежде всего, почему, кромѣ единицы, придается

¹⁾ Metaph. I, 5, 8, XIV, 3, 5.

²⁾ Новицкаю II, 182.

³⁾ Metaph. I, 5, 8.

⁴⁾ Τετρακτύς.

⁵⁾ Μονάς (μονάς).

⁶⁾ Τετράς.

⁷⁾ Δεκάς.

⁸⁾ Lobeck, Aglaophamus p. 715—720. Срав. Новицкаю II, 183.

здѣсь особенное значеніе еще четверицѣ и десятирицѣ?— Ближайшее основаніе къ тому чисто математическое. Точка = единица; двѣ точки (или единицы) образуютъ линію; три — плоскость (треугольникъ напр.); четыре — тѣло (напр. пирамиду); а $1 + 2 + 3 + 4 = 10$; изъ десятка-же или десятирицы составляются всѣ дальнѣйшія числа. Но за этимъ математическимъ основаніемъ, какъ очевидно уже изъ приведеннаго отрывка пифагорейской священной саги, скрывалось болѣе глубокое философско-богословское основаніе. Не даромъ Число называется „достопаваемъ, отцемъ боговъ и людей“; не даромъ дѣлается обращеніе къ нему, какъ къ Божественному Существу, что неприложимо было-бы къ отвлеченному понятію простаго числа. Если отвлеченныя математическія величины, заключающіяся въ этой „священной Четверицѣ“, замѣнить болѣе реальными сущностями, то, по сличенію съ другими мѣстами пифагорейскаго ученія, окажется слѣдующее: *единицею* называется первое изъ Божественныхъ началъ—*эфиръ* или *духъ*, простой, несмѣшанный ни съ чѣмъ; *двоицею* будетъ *первоматерія*, какъ составленная изъ двухъ главныхъ стихій—земли и воды; *троицею*—*время*, какъ состоящее изъ настоящаго, прошедшаго и будущаго, и *четверицею*—*первопространство*, какъ имѣющее стороны на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Съ первопространствомъ у пифагорейцевъ, какъ и у орфииковъ, соединялось понятіе міропорядка, судьбы, правды ¹⁾. Эти четыре первосущности, какъ и въ египетскомъ вѣроученіи, составляютъ собою *единое* первобожество:

„Одна есть сила, одинъ Богъ, могучая первооснова вселенной,

„Одинъ Онъ, самобытный; изъ одного рождается все происходящее“ ²⁾.

Это первоединое Божество въ тоже время, какъ и египетское первобожество Амуна, есть „сокровенный“ чинъ божественныхъ существъ“ ($\chi\rho\upsilon\sigma\iota\omicron\varsigma\ \delta\iota\acute{\alpha}\chi\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\upsilon\ \theta\epsilon\omega\upsilon\upsilon$). ³⁾ Оно прояв-

¹⁾ Theolog. arithm. p. 23.

²⁾ Stob. Ecl. phys. I, 3. *Новшк.* II, 142.

³⁾ Procl. in Crat. p. 79.

ляется лишь въ сотворенныхъ вещахъ ¹⁾, но въ существѣ своемъ недоступно очамъ смертныхъ:

„Оно проявляется въ сотворенныхъ вещахъ; но Его самого никто изъ смертныхъ

„Не въ состояніи видѣть: потому что тьмой покрыто Оно;

„И мы, смертные, имѣемъ только тупые смертные глаза,

„Неспособные видѣть Божество, всѣмъ управляющее.

„На мѣдномъ сводѣ небесъ Оно воздвигнуло

„Свой золотой престолъ, и земля—Его подножіе“ ²⁾

Съ этимъ понятіемъ о Первобожествѣ орфико-пифагорейская сага соединила имя Зевса ³⁾, что согласовалось и съ древнѣйшимъ гомерическимъ представленіемъ о Зевсѣ, какъ живущемъ въ эфирѣ и съ древнимъ Гезіодовымъ представленіемъ о Немъ, какъ воплощающемъ въ себѣ все высшее въ божественной и космической области и еще болѣе того съ орфическимъ представленіемъ о соединеніи въ немъ всѣхъ условій для божественнаго и космическаго бытія. Этимъ-то и объясняются такія слова обращенія къ Зевсу у пифагорейцевъ, какъ:

„Зевсъ царь, Зевсъ самъ виновникъ происхожденія всего“ ⁴⁾;

или:

„Зевсъ отецъ, подлинно всѣхъ освободилъ-бы Ты отъ многихъ золъ,

„Если-бы всѣмъ показалъ Ты, какимъ геніемъ пользуются они.

„Но Ты дерзай, поелику смертные имѣютъ Божественный родъ;

„Священная природа показываетъ имъ все....

„Если оставишь тѣло, Ты перейдешь въ свободный эфиръ,

„То будешь бессмертный Богъ, нетлѣнный и уже непричастный смерти“ ⁵⁾.

Затѣмъ, какъ мы знаемъ, священная *Четверница*, иначе сказать, Первобожество, о которомъ сейчасъ говорено было, Зевсъ, рождаетъ мать всего

„Все вмѣщающую, первородную, всему полагающую предѣлъ,

„Неуклонную, неутомимую, священную *Десятерицу*

„Имѣющую ключъ ко всему,—во всемъ равную Первочислу“.

¹⁾ Срав. Рим. 1, 20: *Невидимая Его отъ созданія міра творенныя помышляема видима суть, и присносущая сила Его и Божество.*

²⁾ *Stob. ibid. Новицкій II, 143.* Послѣднія слова живо напоминаютъ собою изреченіе Св. Писанія: *небо престолъ мой, земля-же подножіе ногъ моихъ* (Исаин 66, 1).

³⁾ Поэтому-то греки и египетское первобожество—Амуна переименовали въ Зевса—Аммона.

⁴⁾ *Stob. Ecl. phys. I, 3.*

⁵⁾ *Mullach. p. 198. 199.*

Подъ этою Десятерицею разумѣтся весь міровой шаръ, вся вселенная, состоящая „изъ свода неподвижныхъ звѣздъ, семи планетныхъ твердей, изъ земли и противоземелія. Этимъ вполнѣ объясняются и прилагаемыя ко вселенной свойства; по древнему міровоззрѣнію, она дѣйствительно есть мать всего, т. е. всего творенія, потому что міровой шаръ сперва и прежде всего сотвореннаго непосредственно произошелъ изъ Божества, что онъ все вмѣщаетъ въ себѣ, все ограничиваетъ, не отклоняется отъ пути ежедневнаго круговращенія и не утомляется въ своемъ непрерывномъ движеніи; міровой шаръ, наконецъ, по древнему способу воззрѣнія, есть *κλῦδοῦχος*, хранитель ключей, какъ-бы хранитель храма,—всего творенія и во всемъ равенъ Первочислу, Первобожеству, потому что произошелъ изъ его субстанціи и постоянно сохраняется чрезъ непосредственную связь съ нимъ,—этимъ источникомъ прискотекущаго творенія“¹⁾. Но само собою разумѣтся, что развиваясь въ десятирицу, четверица должна представлять и посредствующія числа, каждое съ своимъ значеніемъ. И именно духъ или эфиръ первый вступилъ въ образовательную дѣятельность по отношенію къ міру и частію самъ изъ себя, а частію своимъ воздѣйствіемъ на первоматерію, произвелъ пять стихій: эфиръ (вещественный), огонь, свѣтъ, воздухъ и землю. Это и есть *пятерица*. Этимъ опредѣлилась субстанція всей вселенной. Остальная пятерица должна опредѣлять внутренній составъ міра, устроеннаго также по мѣрѣ и числу. Именно: шесть родовъ живыхъ и одушевленныхъ существъ: боговъ, демоновъ, героевъ (полубоговъ), людей, звѣрей и растений составляютъ *шестерицу*; семь небесныхъ тѣлъ (планетъ), которыя, какъ находящіяся въ области эфира, суть божественныя существа, составляютъ *седмерицу*; восемь божественныхъ сферъ (семь планетныхъ, прозрачныхъ и одна непрозрачная—неподвижныхъ звѣздъ) образуютъ, вмѣстѣ съ восемью космическими божествами: небомъ и землею, эфиромъ и огнемъ, свѣтомъ и тьмою, солнцемъ и луною, *осмерицу*; наконецъ девять большихъ космическихъ пространствъ: одно

¹⁾ *Новицкаю II*, 185—186.

средоточное, объятое землею и противоземеліемъ и наполненное центральнымъ огнемъ, семь междупланетныхъ пространствъ и одно между Сатурномъ и сферой неподвижныхъ звѣздъ, составляютъ *девятерицу*. Дальше десяти символика чиселъ у пифагорейцевъ не простиралась. Теперь какое-же приложеніе изъ символики чиселъ дѣлали менѣе древніе пифагорейцы? У нихъ *Первоединое* уже не есть число, но есть субстанція, изъ которой „происходятъ числа“ ¹⁾. Числа-же состоятъ изъ нечета и чета ²⁾, изъ коихъ первое есть опредѣляющее, а второе—опредѣляемое,—„изъ единого и не опредѣленной двойцы, какъ изъ своихъ стихій“ ³⁾, слѣдовательно изъ *монады*, какъ опредѣляющаго начала и *діады* (двойцы), какъ неопредѣленнаго вещества; *троица*-же (тріада) есть *гармонія* этихъ двухъ противоположностей,—число совершенное, заключающее въ себѣ конецъ, средину и начало, потому что въ гармоніи совмѣщается три момента: и опредѣляющая сущность, и неопредѣленная множественность и опредѣленная форма вещи. Если, поѣтому, говорится, что „число есть сущность всѣхъ вещей“, то это значитъ, по выраженію Филолая, что „весь міръ состоитъ изъ неопредѣленнаго и опредѣляющаго“ ⁴⁾. Притомъ монада и діада не суть два самостоятельныя начала, но суть разныя стороны одного и того-же Первоединого, какъ состоящаго изъ нечета и чета ⁵⁾ и потому называемаго *нечето-четомъ* (*ἀρτιπέριστον*). Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что все сущее есть раскрытіе Первоединого или, какъ выражается Аристотель, „Первоединое есть начало и сущность и стихія всего сущаго“ ⁶⁾. Изъ монады и діады, далѣе, происходятъ ближе всего четыре міровыя стихіи, составляющія собою *четверицу*, въ которой самое высокое мѣсто занимаетъ огонь, особенно центральный и периферическій, какъ непосредственный представитель мо-

1) *Aristot. Metaph. I, 5.*

2) *Ibid. I, 8. Conf. Stob. Ecl. phys. I, p. 456.*

3) *Aristot. Metaph. XIII, 7, 6.*

4) *Diog. L. VIII, 85.*

5) *Aristot. Metaph. I, 5.*

6) *Ibid. XIII, 6.*

надического начала. Первобожество съ двумя противоположными началами (монадой и діадой) и четыре стихіи, изъ нихъ происходящія, Филолай символически обозначилъ двумя геометрическими фигурами: *треугольникомъ* и *четыреугольникомъ*. На вершинѣ треугольника онъ полагалъ *Кроносъ*, время (персид. Церуанеаверене), а по двумъ остальнымъ угламъ *Діониса* (Ормузда) и *Аида* (также *Арея*, персид. Аримана); а на углахъ четырехугольника *Гестию*, какъ представительницу огня, *Иру*, какъ представительницу воздуха, *Рею* или *Афродиту*, какъ представительницу воды и *Димитру*, какъ представительницу земли ¹⁾. Дальнѣйшее опредѣленіе *десятерницы* у менѣе древнихъ или среднихъ пифагорейцевъ сходно съ древнѣйшими, но притомъ такъ, что десять космическихъ существъ они раздѣляли на три области: Олимпъ, космосъ и область подлунную, изъ коихъ только въ первыхъ двухъ господствуетъ, по ихъ ученію, совершенство и строгій порядокъ (*τάξις*), гармонія, а въ послѣдней—беспорядокъ (*ἀταξία*) ²⁾. Но въ общемъ весь міръ есть число и гармонія, какъ раскрытіе первосубстанціи, заключающей въ себѣ высшую степень гармоніи.

Въ такомъ видѣ представляется отличительная особенность пифагорейской школы — ученіе о числахъ и гармоніи, притомъ какъ у древнихъ, такъ и у среднихъ пифагорейцевъ. Мы раньше сказали, что этою особенностію проникнуты и всѣ части ученія пифагорейцевъ. Доказательство этой мысли мы отчасти уже видѣли на предшествующемъ,—въ приложеніи ученія о числахъ и гармоніи къ общему міровоззрѣнію школы. Теперь намъ остается, на основаніи того-же ученія о числахъ и гармоніи, кратко представить ученіе о природѣ, такъ какъ отсюда виднѣе всего будетъ и сущность главнаго, интересующаго насъ предмета.—Первоначаломъ всего сущаго пифагорейцы (древніе), подобно Анаксимандру, признавали *безпредѣльное* (*ἄπειρον*), притомъ не какъ свойство чего-либо другаго, а какъ самостоятельную сущность,

¹⁾ Срав. *Новицкаго* II, 223.

²⁾ *Stob. Ecl. phys.* I, p. 420.

субстанцію (ὄσσαν), по свидѣтельству Аристотеля ¹⁾. Эта субстанція, не только наполняющая міровой шаръ, но и внѣ его занимающая безпредѣльное пространство, есть не иное что, какъ Божество или Первобожество и, какъ таковое, едина. Поэтому весь міръ невольно проникается этимъ безпредѣльнымъ по протяженію или пространственности, слѣдовательно вездѣсущимъ, Существомъ, какъ-бы втягиваетъ въ себя, вдыхаетъ безконечное живое дыханіе (эѳиръ) Его, какъ Духа вѣчнаго, а слѣдовательно вдыхаетъ въ себя и время, т. е. приобщается Его вѣчности ²⁾. Чрезъ это онъ (міръ) становится, по выраженію „священной саги“, — „во всемъ равенъ Первочислу“, или Первобожеству, то есть является не только матеріальнымъ тѣломъ, шаромъ (σφαιροειδῆ), но и одушевленъ и одаренъ разумѣніемъ (ἔμφροον, νοερόν) ³⁾. Проводникомъ послѣдняго въ міръ служитъ особенно эѳиръ, какъ непосредственное истеченіе Божественнаго духа и источникъ всѣхъ космическихъ (чрезъ огонь и воздухъ) и земныхъ духовныхъ существъ (напр. человѣка). Всѣ пять міровыхъ стихій (эѳиръ, огонь, воздухъ, вода и земля) состоятъ изъ подобныхъ атомамъ, протяженныхъ и по формѣ различныхъ частицъ, называемыхъ *монадами* ⁴⁾, — простыхъ, недѣлимыхъ, безконечно малыхъ. Какъ живой и одушевленный, міръ находится въ непрерывномъ движеніи. Однако не все живое одушевлено и потому бессмертно, божественно; ибо иное (какъ напр. душа) непосредственно изъ эѳира истекаетъ, и это бессмертно, а иное получаетъ только отраженіе его посредствомъ солнечнаго свѣта, каково многое изъ существующаго на землѣ. Наконецъ, весь міръ, по своему внутреннему устройству, въ соотвѣтствіе числу и гармоніи, есть *κόσμος* — красота, порядокъ ⁵⁾, который поддерживае

¹⁾ Phys. III, 4, 2.

²⁾ Stob. Ecl. I, p. 380. Такимъ образомъ изъ священной четверицы не упоминается здѣсь только первоматерія, но она заключается уже въ повятіи дыханія (πνοή), какъ смѣшенія эѳира и парообразно-разрѣшенной воды.

³⁾ Diog. L. VIII, 25.

⁴⁾ Aristot. Metaph. XIII, 8.

⁵⁾ Въ этомъ смыслѣ Плутархъ говоритъ: „Пифагоръ первый наименовалъ вселенную Космосомъ, по причинѣ порядка, въ ней замѣчаемаго“. Placit. phil. II, 1.

въ немъ промысль (πρόνοια), господствующій во всей вселенной. Въ частности пять чувствъ въ челоуѣкѣ соотвѣтствуютъ пятерницѣ стихій, и именно: зрѣніе — огню и свѣту, слухъ — эйру, обоняніе — воздуху, вкусъ водѣ и осязаніе — землѣ ¹⁾. Нѣсколько инымъ ученіе о природѣ представляется у среднихъ пифагорейцевъ. Началомъ всего они признаютъ Первоединое (ἕν), отличая его отъ монады или подчиненнаго единаго. Это Первоединое есть всеобщая, безусловная причина. Оно-же есть безпредѣльное (ἄπειρον) и, по словамъ Филолая, есть не что иное, какъ „Божество единое, вѣчное, неизмѣнное, неподвижное, равное самому себѣ и отличное отъ всѣхъ другихъ вещей“ ²⁾. Изъ этого Первоедиаго произошли монада и діада, т. е. опредѣляющее и опредѣляемое неопредѣленное. Монада или опредѣляющее единство есть существо благое, разумное, духовное, — міровой духъ (νοῦς). Этотъ міровой духъ объемлетъ весь міръ, приводитъ его въ движеніе и хранитъ вѣчную неизмѣнность планетнаго неба ³⁾. Онъ есть эйръ ⁴⁾. Діада же или двоица есть матерія, неопредѣленная, не стройная, тождественная съ природою зла, лишнная ума и смысла и заключающая въ себѣ ложь и зависть ⁵⁾. Обѣ эти противоположности приводятъ въ гармонію нѣчто третье, посредствующее начало (персид. Митра), — міровая душа, происходящая изъ Первоедиаго и связывающая ихъ въ одно стройное цѣлое, — міръ (κόσμος) или вселенную. Соотвѣтственно этому міръ вѣченъ и по началу и по концу. Онъ круглъ и существуетъ внутри Бжества, которымъ все окружено какъ бы какою оградою ⁶⁾. Поэтому безпредѣльное Первоединое находится внѣ міра и называется объемлющимъ (περιέχον ⁷⁾.

¹⁾ Stob. Ecl. phys. I, 1104.

²⁾ Philo, De mundi opif. p. 17 ed. Coloniae, 1613.

³⁾ Stob. Ecl. phys. I, p. 420.

⁴⁾ Procl. in Tim. I, 54.

⁵⁾ Stob. Ecl. phys. I, p. 10. Здѣсь опять соотвѣтствіе двумъ персидскимъ началамъ: доброму (Ормузду) и злomu (Ариману).

⁶⁾ Athenag. Legat. pro Chr. p. 25.

⁷⁾ Aristot. Phys. ausc. III, 4.

Внутри Первоединого, въ міровомъ пространствѣ, изъ неопредѣленной множественности и опредѣляющаго единства (монады) образовались (какъ у Зороастра) четыре стихіи: огонь, воздухъ, вода и земля, и изъ нихъ прежде всего огонь, какъ ближайшая къ монадическому началу или духоподобному ээиру. Огонь прежде всего образовалъ въ безпредѣльномъ Первоединомъ центръ и затѣмъ—окружность, какъ объемъ міроваго шара. Этотъ центральный огонь, какъ первое проявленіе монадическаго начала въ мірообразованіи, называется „первымъ единымъ“, „первымъ приведеннымъ въ гармонію“, „срединнымъ единствомъ міровой сфѣры“. Онъ есть тотъ пунктъ, отъ котораго исходитъ мірообразующая дѣятельность Божества и потому называется „домомъ (οἶκος), твердынею или крѣпостію, охраною, престоломъ Зевса“¹⁾ т. е. Первоединого. Потому-же онъ называется „матерію боговъ“ по отношенію къ небеснымъ тѣламъ, а какъ творящая сила природы, называется „алтаремъ (ἑστία) вселенной, святилищемъ, связью и мѣрой естества“²⁾. Какъ представитель всдвижущаго ээира, онъ является причиною движенія въ мірѣ, вруговращенія міровыхъ сфѣръ. Десять вышеозначенныхъ космическихъ существъ и вращаются вокругъ этого центральнаго огня. Какъ все въ мірѣ устроено съ помощію числа и гармоніи, такъ въ частности и душа человѣческая соединяется съ тѣломъ посредствомъ числа и гармоніи, при чемъ цѣлый человѣкъ представляетъ въ себѣ единицу (душу) и двоицу (тѣло) или монаду и діаду, соединенныхъ посредствомъ третьяго,—гармоніи. Въ тѣлѣ четыре органа: голова, сердце, животъ и половыя части, служащія вмѣстилищемъ первая—разума, второе—жизненной силы и чувствованій, третій питанія и роста, а четвертыя—рожденія, соотвѣтствуютъ четыремъ разрядамъ міробытія: міру существъ разумныхъ, отдѣлу животныхъ, растений и наконецъ всякаго рода вещамъ³⁾.

¹⁾ *Simplific. Schol. ad Aristot. De Coelo* p. 305, 32. Справ. *Новицкаго* II, 210.

²⁾ *Stob. Ecl. phys. I*, p. 488.

³⁾ Цитаты на это, какъ и на многое изъ предшествующаго, можно видѣть у *Новицкаго* II, 215 и предш. стран.

Послѣ всего этого что-же вытекаетъ отсюда для поступательнаго движенія въ философскомъ раскрытіи идеи Божества?—Іонійскіе фізіологи находили первоначало всего въ веществѣ (платонизмъ), хотя уже въ лицѣ Анаксимандра утвердили за нимъ свойство безпредѣльности, имѣющее столь великое значеніе въ системѣ философіи пифагорейской. Гераклитъ, Эмпедоклъ и Анаксагоръ уже пытались возвыситься надъ іонійскими фізіологами и ихъ платонизмомъ бѣльшимъ подъемомъ значенія духовнаго начала въ природѣ, особенно-же Анаксагоръ своимъ ученіемъ объ умѣ (νοῦς). Онъ-же обратилъ особенное вниманіе и на красоту міроустройства, имѣющую столь важное значеніе для пифагорейцевъ. Атомисты, не въ мѣру увлекшись идеею матеріальной множественности, понизили было значеніе единаго духовнаго первоначала. Пифагорейцы-же вновь являются ревностными поборниками подъема значенія сего послѣдняго, но при томъ такъ, что возвышаются и надъ тремя сейчасъ обозначенными продолжателями философіи іонійской, не говоря о первыхъ проводникахъ этой послѣдней. И а) между тѣмъ какъ іонійскіе фізіологи обращали вниманіе главнымъ образомъ на внѣшнюю, вещественную сторону природы, пифагорейцы обращаютъ вниманіе по преимуществу на внутреннюю, образовательную силу ея или на форму; б) у іонійскихъ фізіологовъ и особенно у атомистовъ на первый планъ выступала множественность и только въ выводѣ получалось единое, а у пифагорейцевъ единое стоитъ на первомъ планѣ и является исходною точкою мышленія; в) у тѣхъ вещество, матерія представляетъ высшее бытіе, а у пифагорейцевъ—низшее, подчиненное; г) не говоря о другихъ іонійцахъ, даже у Анаксагора телеологическое воззрѣніе на природу является лишь на зачаточной почти ступени; у пифагорейцевъ-же, съ ихъ системою чиселъ и гармоніи, такое воззрѣніе является господствующимъ; д) если уже у Гераклита огонь имѣетъ большое значеніе не только въ міробытіи, но и въ Божественной жизни, то еще бѣльшее значеніе имѣетъ онъ, какъ мы видѣли, въ ученіи пифагорейцевъ; въ этомъ отношеніи къ ученію послѣднихъ еще ближе, нежели къ ученію

того, приложимы слова Св. Писанія о Богѣ, что Онъ есть *единъ имѣяй безсмертіе, и во свѣтъ живыи непреступнѣмъ, еможе никтоже видѣль есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можеть* (1 Тим. 6, 16). Разумѣемъ вышеупомянутый пифагорейскій центральный огонь въ связи съ эфиромъ; е) между тѣмъ какъ у іонійскихъ фізіологовъ, какъ свойства Божества, такъ и связь первоначала бытія съ представленіемъ о верховномъ Божествѣ—Зевсѣ устанавливаемы были нами большею частію по умозаключенію, у пифагорейцевъ, какъ мы могли видѣть изъ вышеприведеннаго, и то и другое даже не нуждается въ такомъ выводѣ. Для примѣра достаточно указать на приведенныя слова изъ „Священной саги“ о четверицѣ и десятирицѣ съ одной и на слова Филолая у Филона съ другой стороны. Въ дополненіе же къ сказанному раньше о связи имени Зевса съ пифагорейскимъ Первобожествомъ, мы приведемъ еще слѣдующія слова изъ орфико-пифагорейской еокосмогоніи. Угрожаемый въ своемъ владычествѣ возстаніемъ титановъ, Зевсъ спрашиваетъ у воспитателей его Ночи:

„О мать, высочайшая изъ богинь, священная Ночь! Какъ, скажи мнѣ,
 „Какъ сдѣлать постояннымъ владычество надъ богами?
 „Какъ все должно стать для меня единымъ, и однакожь каждое остаться
 особнымъ?

Ночь отвѣчаетъ на это:

„Кругомъ охвати вселенную безконечнымъ эфиромъ и прійми внутрь себя
 „Небо, а въ немъ—могучую землю вмѣстѣ съ моремъ
 „И всѣми чудесами, украшающими небо ¹⁾.
 „Такъ на всю вселенную положишь неразрывную связь,
 „И изъ эфира готова золотая цѣпь ²⁾.

Въ исполненіе этого совѣта Зевсъ дѣлаетъ то, о чемъ мы нѣкогда говорили при разсмотрѣніи орфическихъ представленій о Божествѣ ³⁾ и что вполне согласно съ основными

¹⁾ Т. е. съ солнцемъ, луною и планетами, вмѣстѣ съ землею составляющими красоту (*κόσμος*) вселенной.

²⁾ См. у *Новицкаго* II, 160. Эфиръ=духъ указываетъ на духовную природу. Припомнимъ Гомерово указаніе на „золотую цѣпь“ Зевса (Ил. VIII, 19) и сказанное нами въ свое время (жур. *Вѣра и Разумъ* 1884, I 547 дал. отд. филос.) по этому случаю.

³⁾ См. жур. *Вѣра и Разумъ* 1884, II, 305 дал. отд. фил.

воззрѣніями пифагорейской школы, какъ въ представительствѣ древнихъ пифагорейцевъ, приближавшихся болѣе къ древнимъ же орфикамъ, такъ и въ представительствѣ среднихъ пифагорейцевъ, болѣе приближавшихся къ среднимъ же орфикамъ ¹⁾. Но какъ при разсмотрѣніи орфическаго міровоззрѣнія, возвышавшагося надъ Гезіодовымъ, мы не могли не отмѣтить и недостатковъ его, такъ и теперь намъ приходится сказать тоже самое въ отношеніи къ міровоззрѣнію пифагорейцевъ. И во-первыхъ, хотя пифагорейская философія и отвлеклась отъ непосредственно-чувственнаго, на которомъ останавливались іонійцы, къ нематеріальному единству, однако еще не въ силахъ была постигать это нематеріальное въ его чистой формѣ, какъ понятіе; она остановилась въ этомъ отношеніи на срединѣ между чувственнымъ воззрѣніемъ и понятіемъ, именно на воззрѣніи математическомъ, и потому самое нематеріальное бытіе поняла опять, какъ форму тѣлеснаго бытія, т. е. какъ математическую форму, какъ число. При этомъ пифагорейцы не могли, да и не пытались удовлетворительно разрѣшить вопросъ объ основаніяхъ единства сущности и многообразія вещества и объ отношеніяхъ между единствомъ и многообразіемъ. Разрѣшить этотъ вопросъ предлежало школѣ Элейской. Во-вторыхъ, собственно въ отношеніи къ идеѣ Божества, пифагорейство, устранивъ многіе недостатки предшествовавшихъ философскихъ воззрѣній, тѣмъ не менѣе и само допустило въ своей системѣ весьма замѣтный пантеизмъ объединеніемъ въ Первобожествѣ и духовнаго и матеріальнаго. Этимъ недостаткомъ, какъ намъ извѣстно, страдало и орфическое представленіе о Божествѣ ²⁾.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Кромѣ сказаннаго выше, заслуживаетъ вниманія еще то, что какъ средніе орфики представляли Зевса началомъ, серединою и концемъ всего (см. ж. *Вѣра и Разумъ* 1884, II, 266 отд. фил.), такъ и представитель средняго пифагорейства *Архитъ* Тарентскій говоритъ, что „Богъ есть начало, конецъ и середина всего“ (тамъ же 1886, I, 49 отд. фил.).

²⁾ См. жур. *Вѣра и Разумъ* 1884, II, 305 отд. фил.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Октября № 19. 1888 года.

Содержаніе: Постановленія съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа.—
Огъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія —Извѣ-
стія и замѣтки.—Объявленія.

Постановленія съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа.

1888 года сентября 6 дня. Депутаты отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, прибывъ въ числѣ десяти, собрались въ Сумскомъ духовномъ училищѣ въ 10 часовъ утра, и по молитвѣ, избравъ, посредствомъ закрытой баллотировки, предсѣдателемъ съѣзда священника Павла Клементьева и единогласно дѣлопроизводителями: священниковъ Николая Яковлева и Федора Заводовскаго,

1. Слушали смѣту прихода и расхода суммъ на содержаніе Сумскаго духовнаго училища въ 1889 году съ дополнительной при ней смѣтой на содержаніе училища во вторую половину сего 1888 г. *Постановили:* принять обѣ смѣты безъ измѣненія.

2. При разсмотрѣннн объяснительной записки прихода суммъ, съѣздомъ усмотрѣно, что доходъ отъ 50-ти копѣчнаго сбора за пудъ проданныхъ свѣчей, поступаетъ меньше противъ прежнихъ лѣтъ и именно: въ 1884 году поступило всего 1670 руб. 84 коп., а въ 1888 году на 575 руб. меньше; между прочимъ, судя по расширенію операціи свѣчнаго завода, доходъ этотъ долженъ увеличиваться и, признавая, что уменьшеніе это происходитъ отъ того, что нѣкоторые церковные старосты забираютъ свѣчи или непосредственно въ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ, или въ Харьковской свѣчной лавкѣ, чрезъ что правленію училища дѣлается неизвѣстнымъ

проданное количество въ училищномъ округѣ свѣчей, а чрезъ это и полученіе 50-копѣчнаго свѣчнаго дохода можетъ невольно уменьшиться. *Постановили:* просить Его Высокопреосвященство сдѣлать распоряженіе, вмѣнить священникамъ въ обязанность представлять ежегодно вѣдомость о томъ, сколько по церкви забрано, въ продолженіе года свѣчей отъ своего комисіонера, а также въ Харьковской епархіальной свѣчной лавкѣ и свѣчномъ епархіальномъ заводѣ. Оо. же благочинные, по полученіи отъ священниковъ означенныхъ вѣдомостей и по составленіи изъ нихъ общей отъ округа, имѣютъ представлять одинъ экземпляръ въ правленіе училища, а другой въ правленіе епархіальнаго свѣчнаго завода, которое и просить публиковать эти вѣдомости въ епархіальномъ листкѣ.

3. Слушали заявленіе правленія Сумскаго духовнаго училища съ представленнымъ при немъ прошеніемъ наставниковъ училища объ увеличеніи имъ квартирнаго пособія, такъ какъ съ переводомъ училища въ г. Сумы, прежнее квартирное пособіе оказывается недостаточнымъ. *Постановили:* сдѣлать имъ прибавку, каждому въ количествѣ 100 руб. въ годъ, всего 600 руб., каковыя деньги и выдавать имъ съ 1 января 1889 года. На удовлетвореніе-же квартирнаго пособія въ семь второмъ полугодіи, начиная съ 1 августа по 1 января 1889 года, выдать каждому наставнику по 40 руб., всего 240 руб.

4. Слушали заявленіе члена временно-ревизіоннаго комитета священника Андрея Сапухина, въ коемъ онъ проситъ возвратитъ ему расходы, сдѣланные имъ при поѣздкѣ въ г. Ахтырку и Сумы для провѣрки отчетовъ училища въ количествѣ 10 руб. *Постановили:* удовлетворитъ просьбу священника Сапухина.

5. По обсужденіи дополнительнаго расхода, потребнаго на содержаніе училища и училищнаго общежитія въ 1889 г. и превышающаго смѣтное исчисленіе доходовъ въ будущемъ году на 2,622 р. 87 коп., равно единовременнаго дополнительнаго расхода на текущій 1888 годъ въ количествѣ 1,025 руб. ассигнуемыхъ правленіемъ училища на содержаніе священника и псаломщика училищной церкви и дополнительные расходы по отопленію, освѣщенію и содержанію училищной прислуги, а также вновь назначаемыхъ съѣздомъ духовенства на будущій 1889 годъ въ добавочное квартирное пособіе 6 наставникамъ по 100 руб. каждому и на 2 половину сего 1888 года (съ 1 августа по 1 января) имъ-же по 40 руб. каждому, равно въ единовременное пособіе члену временно-ревизіоннаго Комитета, священнику Андрею Сапухину 10 руб.,—а всего

3,647 руб. 87 коп. *Постановили:* Излишекъ расхода, необходимаго на содержаніе училища въ настоящемъ 1888 и будущемъ 1889 г., въ количествѣ 3,647 руб. 87 коп., разложить, по числу церквей въ училищномъ округѣ, на каждую церковь поровну, предоставивъ благочинническимъ съѣздамъ раздѣлить эту сумму по состоянію церквей и количеству прихожанъ. Сумму по добавочной смѣтѣ, именно 1,025 руб., внести единовременно по утвержденіи сего журнала Его Высокопреосвященствомъ, остальную-же сумму, 2,622 р. 87 коп., вносить ежегодно по заведенному порядку.

6. Слушали прошеніе писца правленія училища Тимофея Лепешкина, въ которомъ онъ проситъ назначенные ему 57 руб. 50 коп. въ годъ на столовое содержаніе обратить въ квартирное пособіе, пищу-же ему дозволить имѣть отъ училищнаго стола. *Постановили:* съ согласія правленія училища удовлетворить просьбу Лепешкина.

7. Слушали докладъ временно-ревизионной комиссіи по повѣркѣ прихода, расхода и остатка суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Сумскаго училища въ 1888 году, изъ котораго оказывается, что суммы, ассигнованныя изъ мѣстныхъ источниковъ на 1887 годъ на содержаніе училища, въ приходорасходной книгѣ и отчетѣ показаны вѣрно и согласно съ документами; расходованіе суммъ производилось согласно со смѣтою правленія училища и ежемѣсячными журналами, постановленіями правленія; статьи расхода ведены были правильно и всѣ очищены росписками получателей; остатокъ суммъ отъ 1886 года показанъ вѣрно и вообще при повѣркѣ отчета и документовъ сомнительнаго ничего не оказалось. *Постановили:* докладъ временно-ревизионной комиссіи принять къ свѣдѣнію, членамъ-же комитета выразить за ихъ трудъ полную благодарность отъ лица всего духовенства училищнаго округа.

8. Разсматривали вѣдомость о движеніи церковныхъ суммъ и вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1887 годъ поступившія отъ церквей училищнаго округа и нашли ихъ правильными. Благочинныхъ-же округовъ 1 ахтырскаго, 1 богодуховскаго и 1 и 3 лебединскаго, какъ не представившихъ вѣдомостей о движеніи церковныхъ суммъ, просить впередъ представлять ихъ своевременно.

9. Слушали докладную записку правленія училища и при ней прошеніе учителя притовительнаго класса Василя Покровскаго о добавочномъ ему содержаніи къ прежнему ему содержанію за его трудъ по управленію хоромъ училища. По обсужденіи *постановили:* въ виду неимѣнія средствъ оставить просьбу Покровскаго безъ удовлетворенія.

10. Слушали прошеніе діакона Святодуховской церкви сумской гимназіи, Алексѣя Переверзова, въ которомъ онъ проситъ племянника его, ученика приготовительнаго класса Сумскаго духовнаго училища свѣтскаго сословія, Василя Лащенкова, освободить отъ платы за ученіе и имѣть его въ училищѣ на правахъ ученика духовнаго званія. *Постановили:* отказать въ просьбѣ Переверзову.

11. Слушали прошеніе фельдшера с. Славгорода ахтырскаго уѣзда Виктора Цебенкова: обратить вниманіе на его бѣдность и взимать плату за содержаніе сына его, ученика Сумскаго духовнаго училища въ семь училищѣ, въ размѣрѣ платы, какая полагается съ учениковъ духовнаго званія. *Постановили:* въ виду недостаточности средствъ училища, оставить просьбу Цебенкова безъ удовлетворенія.

На вышензложенныхъ постановленіяхъ сѣзда духовенства резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 12 сего сентября, послѣдовала слѣдующая: „Сентября 12. Утверждается. Поручаю правленію училища, въ чемъ окажется нужнымъ, снестись съ консисторіею“.

Въ вечернее засѣданіе того-же 6 сентября депутаты явились въ числѣ девяти.

1. Согласно докладнымъ запискамъ Правленія училища, отъ 5 Сентября сего года за №№ 789 и 790, произведены были выборы въ члены Правленія и ревизіонной комиссіи и въ кандидаты къ нимъ. Посредствомъ закрытой баллотировки избраны въ члены Правленія священники: Павелъ Клементьевъ и Василій Ѳедоровъ и въ кандидаты къ нимъ священники: Максимъ Подлудкій и Андрей Ставровскій, — въ члены ревизіонной комиссіи священники: Павелъ Чугаевъ, Александръ Луценковъ и Іаковъ Яценковъ, и въ кандидаты къ нимъ священники: Александръ Сергіевскій, Митрофанъ Красинъ и Платонъ Сорочинскій. При этомъ *постановили:* выразить благодарность за усердные труды по училищу членамъ Правленія предшествующаго трехлѣтія священникамъ: Іоанну Сикирскому и Василю Ѳедорову.

2. Духовенство Сумскаго училищнаго округа вполнѣ сознаетъ, что зданіе Сумскаго духовнаго училища, столь цѣнное и приспособленное къ училищнымъ занятіямъ и общежитію, — устроено благодаря отеческому попеченію объ училищѣ нашего Милостивѣйшаго Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, а потому *постановили:* учредить въ училищѣ, на счетъ всего духовенства Сумскаго училищнаго округа, полную степендію имени Его Высокопреосвященства, на проценты съ жертвуемаго для сего капитала въ 2500 руб.; о чемъ со-

ставить адресъ и представить Его Высокопреосвященству, 8 сентября, съ покорнѣйшею просьбой благословить и разрѣшить это дѣло. Остающіеся отъ годоваго содержанія степендіата проценты причислять ежегодно къ капиталу.

3. Строительный комитетъ по постройкѣ зданія Сумскаго духовнаго училища понесъ чрезвычайные труды и при томъ эти труды соединены съ необыкновенною опытностію въ строительномъ дѣлѣ. Комитетъ вполнѣ оправдалъ довѣріе Его Высокопреосвященства и надежды духовенства округа. *Постановили:* принести отъ лица всего духовенства Сумскаго училищнаго округа искреннѣйшую признательность и глубочайшую благодарность предсѣдателю комитета, протоіерею о. Іоанну Максимовичу, и членамъ: смотрителю училища, Матвѣю Михайловичу Преображенскому, священникамъ: Андрею Ставровскому, Іакову Яценкову и господамъ: Владиміру Ивановичу Краснянскому и Андрею Филипповичу Котенко и дѣлопроизводителю, священнику Іоанну Аксененкову и просить его Высокопреосвященство, чтобы эта наша благодарность лицамъ духовнаго вѣдомства была внесена въ ихъ послужные списки.

4. Временемъ сѣзда въ слѣдующемъ 1889 году назначается 22 августа.

На вышеизложенныхъ постановленіяхъ сѣзда духовенства резолюція его Высокопреосвященства, отъ 12 сентября, послѣдовала слѣдующая: „Сентября 12-го. Утверждается“.

Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.

На основаніи журнальнаго постановленія училищнаго Правленія, отъ 8 сего сентября за № 15-мъ, утверждавшаго его Высокопреосвященствомъ, Правленіе Сумскаго духовнаго училища считаетъ долгомъ изъявить искреннюю свою признательность всѣмъ почетнымъ гостямъ, присутствовавшимъ 8-го сего сентября на торжествѣ освященія новаго училищнаго храма и новаго зданія Сумскаго духовнаго училища, а также долгомъ поставляетъ изъявить свою глубокую благодарность строительному комитету училища и Г.г. Харьковскому Епархіальному архитектору В. Х. Нѣмкину и Сумскому городскому архитектору Г. Ѡ. Прядкину за понесенные ими чрезвычайные труды по устройству новаго зданія Сумскаго духовнаго училища.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Членъ благочинническаго совѣта 1-го округа Изюмскаго уѣзда, протоіерей *Ософилъ Макухинъ* по прошенію уволенъ отъ сей должности и на оную должность назначенъ помощникъ благочиннаго священникъ *Николай Ястремскій*.

— На праздное священническое мѣсто при Успенской церкви слободы Артемьевки, Волчанскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ Харьковской духовной семинаріи *Стефанъ Виноградскій*.

— Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи *Иванъ Колосовскій* опредѣленъ на священническое мѣсто при Андреевской церкви слободы Млянковъ, Ахтырскаго уѣзда.

— Штатный діаконъ Вознесенской церкви слободы Курячевки, Старобѣльскаго уѣзда, *Павелъ Самойловъ* уволенъ согласно прошенію заштатъ, а на его мѣсто переимѣненъ слободы Кононовки, того-же уѣзда, діаконъ *Константинъ Федоровъ*.

— На праздное мѣсто діакона въ сл. Кононовку, опредѣленъ народный учитель *Василій Сирятскій*.

— Къ Покровской церкви сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, опредѣленъ діаконъ сл. Нижней-Покровки, того-же уѣзда, *Николай Григоровичъ*.

— Діаконъ Покровской церкви с. Жигайловки, Ахтырскаго у., *Петръ Вербицкій* опредѣленъ къ Пятницкой церкви с. Бакировки, того-же уѣзда, на таковую-же должность.

— Учитель Яблочанскаго народнаго училища Богодуховскаго уѣзда *Димитрій Сукачевъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Александро-Невской церкви села Александровки, Валковскаго уѣзда, и учителемъ церковно-приходской школы того-же уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ — Успенской слоб. Савинецъ, 1-го округа, отставной унтеръ-офицеръ *Григорій Андреевъ Лукіенко* — на второе трехлѣтіе; Всесвятской села Залиманья государственныи крестьянинъ *Іосифъ Петровъ Гончаренко* — на второе трехлѣтіе и Архангело-Михайловской ц. села Ольховаго-Рога землевладѣлецъ коллежскій секретарь *Александръ Николасичъ Ивановъ* — на первое трехлѣтіе; Воскресенской города Сумъ купецъ *Павелъ Григорьевъ Черняевъ*; Николаевской с. Мартиновки, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ *Евфимъ Захарьевъ Галицкій*; Маріе-Магдалининской с. Бобрика, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ *Андрей Николаевъ Синица*; Троицкой села Поповки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Моисеенко* — на второе

трехлѣтіе; Николаевской села Александровки, города Ахтырки, мѣщанинъ *Павелъ Богомоловъ*—на второе трехлѣтіе; Успенской слободы Колонтаева, того-же уѣзда, крестьянинъ *Демьянъ Горячуха*—на второе трехлѣтіе; Преображенской той-же слободы, того-же уѣзда, крестьянинъ *Петръ Голубничій*—на второе трехлѣтіе; Архангело-Михайловской слободы Лянава, Зміевского уѣзда, крестьянинъ *Проконій Тарановъ*; Косью-Даміановской Кисельскихъ хуторовъ, того-же уѣзда, крестьянинъ *Илія Мосьпанъ*—на первое трехлѣтіе; Рождество-Богородичной села Дорофеевки, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Шевченко* и Преображенской с. Ново-Ивановки, того-же уѣзда, крестьянинъ *Петръ Паничъ*—на первое трехлѣтіе; Николаевской г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, цеховой *Сергій Кошій*—на второе трехлѣтіе.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Посѣщеніе г. министромъ народнаго просвѣщенія Сумскаго духовнаго училища.—Способъ пособія сиротамъ духовенства въ Подольской епархіи.—Работы на церковь.—Отношеніе раскольниковъ къ изученію въ народныхъ школахъ Закона Божіа.—Отношеніе духовенства къ школьному дѣлу.—Новое братство.—О церковно-приходскихъ школахъ.—Открытіе новыхъ школъ.—Внѣ богослужбное ученіе.—„Святое письмо“.—Искаженіе народомъ текста молитвъ.—Пренія съ сектантами.—Указаніе на фальшь раскольниковъ.—Вопросъ о ламахъ и ихъ злоупотребленіяхъ.—Къ вопросу о свѣчной операціи.—Злоупотребленія при раскладкѣ суммъ, подлежащихъ % обложенію.—Учрежденіе института православныхъ восприемниковъ въ Одессѣ.—Епархіальная квартира.—Достойный подраженія примѣръ.—Примѣръ заботливости крестьянина о развитіи народнаго образованія.—О церковномъ вниѣ.—Обученіе церковному уставу и чтенію богослужбныхъ книгъ.—Полезное растеніе.—Объявленія.

Новоустроенное и освященное 8 минувшаго сентября его Высокопреосвященствомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Сумское духовное училище было удостоено 26 сентября, въ день Іоанна Богослова, посѣщеніемъ г. министра народнаго просвѣщенія, д. т. с., статсъ-секретаря, Ивана Давидовича Делянова. Г. министръ прибылъ въ Сумы 25 сентября и былъ встрѣченъ на вокзалѣ желѣзной дороги представителями всѣхъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и смотрителя Сумскаго духовнаго училища. Утромъ 26 сентября къ началу Божественной литургіи въ названное училище прибыли министръ народнаго просвѣщенія и сопровождавшіе его почетные посѣтители училища: г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа, т. с. Н. П. Воронцевъ-Вельяминовъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія т. с. Любимовъ, директоръ народныхъ училищъ С. Петербургской губерніи д. с. с. Гельбке, директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи д. с. с. Н. Г. Жаворонковъ, д. с. с. И. Г. Харитоненко, коммерціи совѣтникъ

П. И. Харитоненко и другіе почетные гости. У подъѣзда училища г. министръ просвѣщенія былъ встрѣченъ начальствующими училища, а у входа въ церковь училищною корпораціею и воспитанниками. Литургію совершалъ священникъ училищной церкви о. Артемьевъ. По окончаніи Божественной литургіи, которая была стройно и тихо пропѣта учениками, подъ управленіемъ учителя пѣнія г. Покровскаго, министръ благодарилъ его и дѣтей за хорошее, стройное пѣніе. Затѣмъ онъ осматривалъ новую училищную церковь, спальныя и классныя помѣщенія, гдѣ были собраны учащіеся, залъ правленія и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ квартиру смотрителя училища, гдѣ вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ гостями имѣлъ отдыхъ. Въ 12^{1/2} часовъ дня г. министръ отбылъ изъ училища, изъявивши свое удовольствіе, по поводу осмотра имъ новаго, образцово устроеннаго училища и выразивши всѣмъ наставникамъ и надзирателямъ благодарность и особую признательность смотрителю училища. 27 сентября, въ день отбытія изъ Сумъ г. министра, учащіе и учащіеся въ полномъ составѣ провожали высокаго гостя, выстроившись рядами при проѣздѣ его предъ зданіемъ училища и привѣтствуя его и всѣхъ почетныхъ посѣтителей училища дружными выраженіями напутственнаго благожеланія.

При отбытіи министра съ вокзала желѣзной дороги смотритель училища имѣлъ честь благодарить его еще разъ за оказанную имъ высокую честь и вниманіе къ новому и юному училищу.

— Въ „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, напечатаны протоколы мѣстнаго епархіальнаго съѣзда, бывшаго въ маѣ мѣсяцѣ. На этомъ съѣздѣ между прочимъ принята, по почину мѣстнаго преосвященнаго, слѣдующая заслуживающая вниманія мѣра помощи осиротѣвшимъ семьямъ священно-церковно-служителей епархіи, такъ какъ пенсіи изъ существующей епархіальной взаимно-вспомогательной кассы пока недостаточно обезпечиваютъ сиротъ. Съѣздомъ пока въ видѣ опыта постановлено: каждый священникъ епархіи, состоящій гдѣ-бы то ни-было на службѣ, обязанъ ежегодно вносить по 25 к. въ пользу каждой осиротѣвшей въ теченіе одного истекшаго года священнической семьи мѣстной епархіи, а каждый діаконъ и причетникъ—по 8 к. въ пользу діаконской и причетниковской семьи. Для выполненія сего необходимо, чтобы въ январѣ и не позже февраля каждаго года консисторія сообщала благочиннымъ чрезъ пропечатаніе въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ точныя свѣдѣнія о числѣ умершихъ въ истекшемъ году священниковъ. Благочинный, сообразно симъ свѣдѣніямъ, со-

считавши, сколько въ общемъ итогѣ приходится взимать съ каждаго священника, діакона и причетника, производитъ сборъ и при отношеніи отсылаетъ въ управленіе кассы не позже 15 іюля. Въ этихъ отношеніяхъ должно быть пояснено, сколько собрано и препровождается отъ священниковъ и сколько отъ діаконівъ и причетниковъ. Если-же отъ кого-либо не поступило, то пояснять отъ кого именно и почему. Сумма, составившаяся изъ этихъ взносовъ, считается особо-священническая и остальныхъ членовъ причта; та и другая дѣлится на число умершихъ въ истекшемъ году и высылается чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ сиротамъ или родственникамъ умершаго, если онъ не оставилъ своего семейства. На этой статьѣ журнала съѣзда преосвященнымъ положена резолюція: „утверждается. Благодарю съѣздъ за дѣло христіанскаго братолюбія и призываю Божіе благословеніе на его развитіе“.

— „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“, со словъ „Кіевлянина“ сообщаютъ о слѣдующемъ, заслуживающемъ вниманія и подражанія обычая, существующемъ у крестьянъ Подольской губерніи. Тамъ существуетъ древній обычай ежегодно во время уборки хлѣба одинъ, или два дня работать въ пользу церкви. На заработанный такимъ путемъ деньги построены многія изъ существующихъ церквей и строятся вновь; на нихъ-же производятся ремонты церквей, поддерживаются школы и удовлетворяются другія мірскія нужды. Работа производится сообща „толокой“, всѣмъ обществомъ. Въ нашей мѣстности большія села, болѣе тысячи душъ; за одинъ день общества выручаютъ по 600 и болѣе рублей. Обычай этотъ установился въ силу того обстоятельства, что всѣ помѣщики были поляки, да и теперь почти тоже, и крестьянамъ самимъ приходится заботиться о своихъ храмахъ. Крестьяне для этой цѣли избираютъ небольшіе праздники, въ которые допускается работа. Священники начинаютъ службу очень рано, такъ что къ восьми часамъ утра оканчивается обѣдня. Обыкновенно крестьяне выходятъ на „толоку“ послѣ своего обѣда, около восьми часовъ утра, и за это время исправный жнецъ успѣваетъ заработать отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп.“.

— „Минута“ сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ раскольниковъ къ изученію въ народныхъ школахъ закона Божіа у православныхъ священниковъ. Освобождая раскольниковъ отъ экзамена по Закону Божію, министерство народнаго просвѣщенія, очевидно, имѣло въ виду крайнюю нерасположенность раскольниковъ къ Церкви и хотѣло устранить тѣ препятствія, ко-

торыя могли-бы тормозить доступъ раскольниковъ въ земскія школы. Мы опять повторимъ, что вѣротерпимость и свобода совѣсти—великія вещи, но, должны прибавить, только тогда, когда онѣ разумны. Правда, что раскольники стали-бы чуждаться школы, если-бы Законъ Божій сдѣлать для нихъ обязательнымъ. Но это только на самыхъ первыхъ порахъ и очень-очень недолго. Скоро они сами убѣдились-бы, что школа не касается вопросовъ ни въ „аллилуйи“, ни о брадобритіи, ни о хожденіи „посолонь“ и т. д. и что, слѣдовательно, опасаться за своихъ мальчугановъ имъ совсѣмъ нечего. Мы знаемъ массу фактовъ подобнаго рода; мальчишки-раскольники очень усердно изучали Законъ Божій наравнѣ съ православными (и притомъ въ церковно-приходской школѣ). Бывали, впрочемъ, случаи, когда нѣкоторые отказывались учить по школьному учебнику, потому-де, что „у васъ не вѣрно“, но и это продолжалось очень не долго. А послушайте, что говорятъ тѣ-же раскольники послѣ того, какъ случайно узнали, что льготныя свидѣтельства можно заполучить и безъ экзамена по Закону Божию. „Э-э, да что-жъ у васъ за вѣра, коли сами за нее постоять не можете!.. Вѣрно ужъ сами сознали“ и т. д. Логика, положимъ, мужицкая, но вѣдь съ нею приходится считаться. И вотъ одинъ за другимъ потянулись наши раскольники въ сосѣднюю земскую школу, съ предложеніемъ отдать въ нее своихъ дѣтей, если только ихъ не будутъ обучать Закону Божию. Между тѣмъ, гораздо ближе у нихъ есть прекрасно устроенная, получившая уже не одинъ похвальный отзывъ отъ земскаго учебнаго начальства, церковно-приходская школа, въ которой обучались прежде и раскольники. Вотъ вамъ и свобода совѣсти! Не всякому больному можно дозволить дѣлать то, что ему нравится и что для него пріятно. А это-то мы и позабыли. Послѣ этого не удивительно, что „въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ заводятся школы, расколъ дѣлается только злокачественнѣе“. И что-же это за гуманность—санкціонировать религіозное невѣжество? Что за резонъ освобождать раскольниковъ отъ экзамена потому только, что „греко-россійскіе попы“ для нихъ ненавистны? Въ такомъ случаѣ не мѣшало-бы освободить ихъ ужъ за одно и отъ другихъ экзаменовъ, потому что „еретическіе никоніане“ вообще не особенно пріятны для нихъ. Опредѣленіе Св. Синода (отъ 15—25 апрѣля 1888 года за № 676) о томъ, чтобы испытанія раскольниковъ производились во всемъ, согласно съ установленными правилами, одинаково съ православными учениками церковно-приходскихъ школъ, представляется намъ вполне рациональнымъ.

Нѣкоторые органы свѣтской печати продолжаютъ относиться крайне отрицательно къ школьной дѣятельности нашего духовенства. Во что-бы то ни стало они стараются доказать, что духовенство и лѣнностно, и несочувственно относится къ народной школѣ, и что де совсѣмъ напрасно разсчитывать, чтобы оно могло стать руководителемъ въ этомъ дѣлѣ. Но странно, что при всемъ желаніи этихъ органовъ убѣдить своихъ читателей въ истинности своихъ словъ они, въ доказательство равнодушнаго отношенія духовенства къ школѣ, обыкновенно представляютъ только единичные факты, при чемъ позволяютъ себѣ вислолько не стѣсняясь дѣлать изъ нихъ общіе выводы. Такой именно взглядъ высказанъ недавно „Вѣстн. Евр.“ и „С.-Петербург. Вѣдом.“ по поводу послѣдняго отчета с.-петербургскаго братства Пресвятыя Богородицы, завѣдующаго церковно-приходскими школами епархіи. Вотъ что говоритъ, напр., послѣдній изъ этихъ органовъ: судя по отчету братства за минувшій 1887—1888 учебный годъ, развитіе церковно-приходскихъ школъ въ прошломъ году было задержано равнодушнымъ отношеніемъ къ учебному дѣлу приходскаго духовенства: новыхъ церковно-приходскихъ школъ открыто въ епархіи всего 14. Изъ 87 школъ только въ пяти священникъ преподаетъ не только Законъ Божій, но и другіе предметы; діаконы числятся преподавателями въ шести школахъ; псаломщики—въ одиннадцати; изъ числа остальныхъ учителей восемь получили образованіе въ начальныхъ училищахъ. Для осмотра нѣкоторыхъ школъ Лужскаго уѣзда былъ командированъ изъ Петербурга іеромонахъ, обладающій педагогическою опытностью; его командировка продолжалась всего четыре дня, въ теченіе которыхъ онъ могъ ознакомиться съ семью школами. Въ одной изъ нихъ оказалось, что священникъ Закона Божія не преподаетъ, и къ нуждамъ школы относится безучастно. Въ другой школѣ ученики младшаго отдѣленія, посѣщающіе школу около полугодія, не могли даже составить, какъ слѣдуетъ, крестное знаменіе. Общая, рисуемая отчетомъ, картина состоянія, въ какомъ находятся церковно-приходскія школы петербургской епархіи, свидѣтельствуетъ о безучастномъ отношеніи приходскаго духовенства какъ вообще къ дѣлу народнаго образованія, такъ и въ частности къ дѣлу религіознаго воспитанія народа. Предполагавшіяся въ теоріи преимущества церковно-приходской школы передъ свѣтскою оказались въ дѣйствительности ни мало не достигнутыми: приходское духовенство, сдѣлавшись главнымъ руководителемъ народной школы, продолжаетъ по прежнему относиться къ ней равнодушно.

А спросила ли себя—газета, замѣчаетъ по этому поводу „Церк. Вѣстн.“, чьими заботами и стараніями открыты не только эти новыя 14 школъ, но и вообще всѣ имѣющіяся въ епархіи, и чьими усиліями онѣ продолжаютъ существовать? Справедливо ли ставить въ вину духовенству то, что оно, по многочисленности и сложности своихъ приходскихъ обязанностей, не вездѣ преподаетъ непосредственно, или что, не будучи само обеспечено матеріально и не встрѣчая поддержки со стороны общества, открыло въ теченіе года новыхъ только 14 школъ? Укажите источникъ для содержанія школъ и тогда судите—лѣнностно, или энергично относится наше духовенство къ школьному дѣлу. Съ особеннымъ же усердіемъ газеты („Недѣля“, „Сынъ От.“ и „С.-Пет. Вѣдом.“) воспользовались свѣдѣніями о прошлогодней ревизіи преосвящ. Никанора, арх. одесскаго, въ которыхъ архипастырь съ полною откровенностію отмѣтилъ случаи неудовлетворительнаго пастырскаго служевія въ своей епархіи. Эти единичные случаи нѣкоторымъ газетамъ дали поводъ сдѣлать обобщеніе не только относительно неудовлетворительной дѣятельности херсонскихъ священниковъ, но и всего православнаго духовенства. Такъ, напр., „С.-Петербур. Вѣд.“, сопоставляя отчетъ петербургскаго братства съ ревизіею преосв. Никанора, дѣлаютъ слѣдующій выводъ.

Удивительно ли, если то же самое явленіе, равнодушное отношеніе къ школъ приходскаго духовенства, замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи? На бѣдномъ сѣверѣ нашемъ, тѣ нѣсколько лишнихъ десятковъ рублей, которые школьныя занятія могутъ доставить членамъ причтовъ, могли бы, казалось, привлечь ихъ къ школьному труду. Что же должно быть въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ничтожное вознагражденіе за школьныя занятія, при наличности другихъ источниковъ и средствъ существованія, утрачиваетъ свою привлекательную силу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляютъ свѣдѣнія, опубликованныя высокопреосвященнымъ Никаноромъ о состояніи, въ какомъ въ прошломъ году нашелъ онъ школы во ввѣренной ему епархіи. Въ одной школѣ, рассказываетъ высокопреосвященный, учащіеся не знаютъ, гдѣ распять Христось, и говорятъ, что въ Херсонѣ; въ другой—дѣти не различаютъ иконъ: Спасителя, Богородицы, евангелистовъ; въ третьей—„приходскій священникъ не занимается дѣломъ“; въ четвертой—„успѣхи, особенно по закону Божію, незначительны“, и т. д. Одному священнику архипастырь сказалъ: „школы у васъ нѣтъ, завели на бумагѣ приходскую школу, да на дѣлѣ ничего не дѣлается, или очень мало,

народъ ничего не знаетъ обыкновенно. Забредеть къ вамъ въ очарную церковь первый попавшійся штундистъ и сейчасъ же собьеть всѣхъ съ толку, котораго у вашихъ прихожанъ никогда не было, такъ какъ вы, да и никто другой, никогда объ этомъ не хлопотали“. Интересны пренія, возникавшія между архипастыремъ и его подчиненными священниками, по поводу замѣчаемыхъ неустройствъ въ церкви и школахъ. Такъ, архіепископъ обратился къ священнику съ обычнымъ правоученіемъ, а священникъ „сталъ ему возражать обиліемъ словъ, что онъ не можетъ же всѣхъ научить. И архіепископу нужно было тутъ же, при народѣ, остановить его словоизлінія“. „Не велико требованіе, чтобы всякій вѣрующій могъ различать образъ Христа отъ Богородицы; такое невѣжество невозможно въ протестантствѣ и католичествѣ“. На это священникъ началъ возражать: „возможно, возможно, есть, есть“. „Вообще, грустно положеніе русскаго дѣла; темно состояніе умовъ, и пока не предвидится разсвѣта“,—таковъ общій выводъ, къ которому, въ заключеніе своего отчета о ревизіи епархіи, приходитъ архіепископъ Никаноръ.

— Учреждено новое братство въ память 900-лѣтія крещенія Руси св. княземъ Владиміромъ, во св. крещеніи Василиемъ, въ г. Житомирѣ, при волынскомъ кафедральномъ соборѣ, гдѣ имѣется икона св. Василія Великаго, присланная, по преданію, св. Владиміромъ въ основанный имъ въ г. Овручѣ, волынской губерніи Василіевскій храмъ и перенесенная оттуда, въ 1874 году, въ новоустроенный въ Житомирѣ кафедральный соборъ. Названное братство имѣетъ главною цѣлью способствовать обращенію на правый путь людей невѣрующихъ и уклонившихся отъ единства съ истинною католическою Церковію (евреевъ, штундистовъ, раскольниковъ, чеховъ и т. п.) и предохранять православныхъ отъ совращенія въ невѣріе и сектантство. 3 августа мѣстнымъ архіепископомъ утвержденъ уставъ братства, а 6 августа открыто самое братство.

— Въ тамбовской епархіи были возбуждены недавно важные вопросы касательно Церковно-приходскихъ школъ. Командированный для ревизіи нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школъ священникъ о. Знаменскій въ своемъ докладѣ епархіальному училищному совѣту сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: а) по свидѣтельству опыта и по отзывамъ наблюдателей и завѣдующихъ школами, для выполненія программы одноклассной церковно-приходской школы въ общемъ потребно не менѣе трехъ лѣтъ; б) относительно псаломщиковъ можетъ быть поставленъ общій вопросъ, изъ-за котора-

го могутъ возникать и возникали недоумѣнія: обязательно-ли они должны быть учителями въ церковно-приходскихъ школахъ; в) во многихъ школахъ возникалъ вопросъ о томъ, должны-ли быть экзамены въ школахъ по окончаніи каждаго года, независимо отъ испытаній на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ; г) въ видахъ предупрежденія и пресѣченія почти повсюду въ школахъ встрѣчающейся неисправности въ посѣщеніи учениками школы не лишне было-бы священникамъ заблаговременно предупреждать родителей, чтобы они во-время посылали учениковъ въ школу и безъ особенной нужды не отвлекали отъ нея, подъ опасеніемъ увольненія изъ школы неисправныхъ учениковъ.

Епархіальный училищный совѣтъ, въ общемъ, согласился съ этими замѣчаніями и сдѣлалъ нужныя распоряженія.

— При вологодскомъ женскомъ монастырѣ, 4 сентября, послѣдовало открытіе епархіальнаго трехкласснаго училища, преобразованнаго, по указу Св. Синода, изъ женскаго учебно-воспитательнаго приюта, существовавшаго при монастырѣ съ 1869 года. Это давно желанное духовенствомъ событіе ознаменовано было особымъ церковнымъ празднествомъ и торжественнымъ актомъ въ зданіи училища. Въ исторической запискѣ объ открытіи училища, прочитанной на актѣ, было сказано, что вопросомъ объ устройствѣ епархіальнаго училища духовенство занималось цѣлыхъ 10 лѣтъ.

Существующая съ 1875 года при Оранскомъ монастырѣ (нижегородской епархіи) епархіальная ремесленная школа преобразуется въ учебно-ремесленную школу съ шестигодичнымъ курсомъ. Св. Синодъ, какъ видно изъ указа его отъ 27 августа, разрѣшилъ нижегородскому епископу преобразовать эту школу согласно вновь выработанному проекту устава ея. „Въ § 1 новаго устава сказано: епархіальная учебно-ремесленная школа учреждается съ цѣлью презрѣнія и обученія предметамъ учебнымъ и ремесламъ такихъ дѣтей епархіальнаго духовенства, которыя по какимъ-либо причинамъ не поступили въ мѣстные духовно-учебныя заведенія или не могли по болѣзни, по бѣдности и другимъ обстоятельствамъ продолжать свое научное образованіе и остаются безъ всякихъ средствъ къ своему существованію. Въ §§ 6, 7 и 37 сказано: школа помѣщается въ зданіяхъ монастыря, устроенныхъ внѣ жилыхъ корпусовъ, занимаемыхъ монастырскою братіей. Ученики, состоящіе въ школѣ, сверхъ учебниковъ и матеріаловъ для производства ремесленныхъ работъ, получаютъ отъ монастыря квартиру, одежду, пищу и вообще все

содержаніе. Учебно-ремесленная школа учреждается на 40 учениковъ, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ отъ роду.

— Открыты 31 августа двѣ церковно-приходскихъ школы въ г. Ставрополѣ въ память 900-лѣтія крещенія русскаго народа. Обѣ эти школы, изъ которыхъ одна назначена для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ, находятся въ частяхъ города, гдѣ чувствовался недостатокъ въ школахъ. Въ мѣстности, гдѣ находится мужская школа, потребность обученія грамотѣ ощущалась жителями давно, что видно, между прочимъ, изъ того, что около 20 дѣтей ходили къ какому-то, сомнительныхъ религіозныхъ убѣжденій, грамотѣю, который и обучалъ ихъ. Учительницами обѣихъ школъ назначены только что окончившія курсъ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ воспитанницы.

— Торжественно освящено и открыто, 28 августа, общежитіе для своекоштныхъ воспитанниковъ минской семинаріи. Общежитіе представляетъ прекрасное зданіе, находящееся подлѣ самой семинаріи и могущее пріютить въ себѣ около 100 воспитанниковъ. Воспитанники, за 60 рублей въ годъ, имѣютъ чистыя просторныя и свѣтлыя комнаты для занятій, залъ для общей молитвы—утренней и вечерней, спальныя комнаты со всѣми постельными принадлежностями, столовую, кухню, гардеробную, умывальницу и всѣ другія необходимыя въ общежитіи удобства и приспособленія. Для ближайшаго руководства и надзора здѣсь-же, въ общежитіи, помѣщаются помощникъ инспектора и надзиратель.

— Обнаружилось нѣсколько новыхъ фактовъ, наглядно рисующихъ стремленіе простаго народа къ церковному ученію, а равно и заботы духовенства объ удовлетвореніи этого стремленія. Одинъ изъ священниковъ пишетъ въ „Донскія Епарх. Вѣдомости“. „Съ первыхъ лѣтъ пастырскаго своего служенія полюбилъ я дѣло церковно-народной проповѣди, но мнѣ скоро пришлось убѣдиться, что своими собственными, нарочито составляемыми поученіями, не много добраго сдѣлаешь для своихъ прихожанъ, такъ какъ они не особенно довѣрчиво относятся ко всему непечатному, и потому на первыхъ же порахъ я сталъ заботиться о пріобрѣтеніи печатныхъ проповѣдническихъ пособій. Сталъ я произносить проповѣди и поученія неопустительно каждый воскресный и праздничный день. Затѣмъ, убѣдившись, что литургійнаго времени недостаточно для сообщенія прихожанамъ всего, съ чѣмъ хотѣлось бы ихъ познакомить, я сталъ говорить проповѣди и поученія на вечерни, утрени и обѣдни. Но и такого усиленнаго проповѣдыванія слова Божія со

временемъ оказалось недостаточнымъ: желаніе прихожанъ слышать болѣе и болѣе божественнаго до того возросло, что я не могъ удовлетворить ихъ и проповѣдуя на всѣхъ трехъ богослуженіяхъ. Тогда были открыты внѣбогослужебныя чтенія. Само собою разумѣется, что не безъ труда достается мнѣ дѣло церковно-народной проповѣди, практикуемое въ такихъ размѣрахъ, и, признаться, всякій разъ, когда разбираешься въ дѣлѣ массѣ книгъ, брошюръ, статей, житій святыхъ и проч. и готовишь проповѣдь для произнесенія съ церковной кафедры, а статьи и рассказы для чтеній и бесѣды, горько досадуешь на то, что доселѣ наши передовые духовные дѣятели не домыслились облегчить намъ это великое церковно-проповѣдническое дѣло изданіемъ журнала специально назначеннаго въ руководство сельскимъ пастырямъ при внѣбогослужебныхъ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ, который могъ бы служить на каждый воскресный и праздничный день сборникомъ статей и рассказовъ простыхъ назидательныхъ и доступныхъ пониманію простого народа, каковыхъ очень много можно найти по разнымъ книгамъ и изданіямъ. Для распространенія своего вліянія на прихожанъ, живущихъ далеко отъ церкви и рѣдко бывающихъ въ ней, я пытался поступать такъ: выбиралъ изъ серій Троицкихъ, Пантелеймоновскихъ и Кіевскихъ листковъ наиболѣе подходящія къ религіозно-нравственнымъ потребностямъ хуторянъ своихъ, выписывалъ эти листки въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ и распространялъ ихъ по хуторамъ“.

Другой священникъ той-же епархіи обратилъ вниманіе на распространяемое въ томъ-же простонародьѣ въ копіяхъ „святое письмо“. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говорится: „я самъ, Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, сіе письмо своею рукою писалъ для того, чтобы христіане въ сей земной жизни вели себя хорошо, жили въ благочестіи“ и т. п. „Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, приказываю силою божества своего, чтобы хранили сіе письмо и знали: который человекъ вѣритъ въ меня не хочетъ, тотъ будеть проклятъ,—погибнетъ, во адскомъ огнѣ будеть горѣть. Приказываю, кто ему вѣритъ не будетъ, тотъ нагло умретъ и въ царствіе мое не ввидетъ; сіе письмо имѣетъ силу, кто его будетъ читать или слушать, такъ на 100 дней отпускаются грѣхи; и одинъ непріятель вѣритъ ему не хочетъ, а кто вѣригъ, счастье получить во вѣки (вѣковъ) Аминь“.

Упомянутый священникъ замѣтилъ, что во многихъ приходяхъ донской области пайдется, безъ сомнѣнія, немало подобныхъ при-

веденному писемъ и немало молитвъ въ родѣ „Сна Пресвятыя Богородицы“, и потому каждому настырю необходимо стоять на сторожѣ.

— Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ донской епархіи сообщаютъ, что народъ чрезвычайно искажаетъ текстъ молитвъ, пропускаетъ цѣлыя слова и выраженія, вставляетъ часто свои слова безъ всякаго смысла и связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Вотъ примѣры, сообщенныя о. В. Ч—вымъ. Въ молитвѣ „Достойно есть“ народъ вмѣсто слова „преепорочную“ читаетъ: „прими непорочную, прими и порочную“; въ молитвѣ Господней: „не избави насъ (вмѣсто—но избави насъ) отъ лукаваго“; въ молитвѣ святому Духу: „спасе, блаже, души наши“ и т. п. Среди многихъ ходятъ молитвы и своего сочиненія. Извѣстны, напр., молитвы отъ трясавицы. „Донскія Е. В.“ обращаютъ на это вниманіе духовенства.

— Члены миссіонерскихъ комитетовъ екатеринославской епархіи, какъ видно изъ мѣстныхъ „Епарх. В.“, имѣли нѣсколько собесѣдованій съ мѣстными сектантами; но эти собесѣдованія не привели ни къ чему. Такъ, на предложенный павлоградскимъ комитетомъ всѣмъ, бывшимъ на собесѣдованіи, сектантамъ вопросъ: не пожелаетъ ли кто предложить комитету вопросы о своихъ нецѣлѣушьяхъ, дабы узнать истину?—двѣ сектантки отвѣчали: „не желаемъ, да и самъ Богъ насъ не возвратитъ къ вамъ“. Ихъ спросили: не пожелаете ли еще собраться для собесѣдованій въ слѣдующее воскресенье, или въ другой день? Сектанты въ одинъ голосъ отвѣтили: „не хотимъ, не желаемъ: ничего изъ сего не выйде“. Въ молитвѣ св. Духу, которая пропѣта была въ началѣ собесѣдованія, и въ молитвѣ „Достойно есть“, пропѣтой послѣ собесѣдованія, сектанты не приняли участія. Одинъ изъ членовъ того же комитета, производившій дознаніе о сектантахъ, допесь слѣдующее:

Что касается до толкованій Писанія, то таковое „всякій можетъ, кому Отецъ пошлетъ и кого благословитъ; и какъ Отецъ внушитъ, такъ и понимаютъ всѣ, слушающіе и читающіе слово Божіе; Отецъ же внушаетъ невидимымъ духомъ своимъ“. Вотъ отвѣты, какіе дали сектанты на вопросъ относительно того обстоятельства, кто у нихъ на собраніяхъ, главнымъ образомъ, толкуетъ Писанія. Въ этомъ случаѣ сектанты настолько скрытны и молчаливо-упорны, что никакъ нельзя было добиться отъ нихъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній.

Діаконъ села Паць, черноярскаго уѣзда, сдѣлалъ интересное наблюденіе относительно одной изъ поддѣлокъ раскольниковъ. Этому діакону, при провѣркѣ душъ по исповѣдной росписи въ концѣ іюля текущаго года, пришлось зайти въ одну раскольничью моленную.

Хозяйка молельни, помѣщающейся въ крестьянскомъ домѣ, предложила діакону посмотреть ихъ евангеліе.

Просматривая это евангеліе, я—пишетъ о. діаконъ—на первыхъ листахъ отъ Маттея замѣтилъ очень грубую подчистку вмѣсто Исусъ Исусъ. I десятиричное красное стерто, что очень хорошо замѣтно, затѣмъ одна палочка И осьмеричнаго стерта, а на другой фуксиномъ поставлено I десятиричное; подъ фуксиннымъ I вторая палочка И осьмеричнаго видна очень ясно. Когда я указалъ хозяйкѣ, которая умѣетъ грамотѣ, на подчистку въ евангеліи, она посмотрѣла и объяснила, что это де капнуто было воскомъ, а потомъ подчищено. Я не считалъ удобнымъ вступать въ пререканія, но поддѣлка была очень ясная.

Миссіонеръ г. Спасска и его уѣзда въ газетѣ „Другъ Истины“ представилъ примѣръ того, какъ старообрядцы объясняютъ тексты св. Писанія. О. миссіонеръ пишетъ:

Въ русскомъ простомъ народѣ есть грубое и невѣжественное повѣрье, будто св. праведники Энохъ и Илія и понынѣ живутъ на землѣ среди людей, и лишь находятся въ неизвѣстности, предъ вторымъ же пришествіемъ Христовымъ они объявятся. Кого нужно считать распространителями такого заблужденія? Очевидно—старообрядцевъ. Недавно на собесѣдованіи со старообрядцами въ единовѣрческой г. Спасска церкви шла рѣчь объ антихристовомъ времени; обѣ стороны коснулись вопроса о пришествіи въ міръ Эноха и Іліи предъ страшнымъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ. Раскольникъ говорилъ: „пророки Энохъ и Илія и понынѣ живутъ между нами на землѣ,—значить антихристъ уже народился“. Въ доказательство своего ложнаго ученія раскольникъ ссылался на славянскій текстъ 4 Цар. гл. II, 11 ст., гдѣ сказано: „и взять бысть Іліа вихромъ, яко на небо“.

— На уродливыя явленія въ нравственной жизни поселянъ изрѣдка обращаютъ вниманіе сами же сельскія общества. Такъ одно изъ сельскихъ обществъ саратовской губерніи постановило приговоръ о томъ, чтобы подвергать преслѣдованію лицъ, употребляющихъ въ публичныхъ мѣстахъ бранныя поносительныя слова. То же общество на сходѣ имѣло сужденіе о томъ, что по заведенному съ давнихъ лѣтъ обычаю, ежегодно, при дѣлежѣ луговъ и лѣса, бываютъ попойки отъ разныхъ лицъ за луга и лѣсъ, причемъ почти всегда пьяные дѣлаютъ безпорядки, а вмѣстѣ съ тѣмъ за вино отдается немалая часть луговъ и лѣса.

Желая устранить и это зло,—говорится въ приговорѣ,—мы опре-

дѣлили: предложить мѣстному начальству также привлекать къ отвѣтственности всѣхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ какъ купившихъ водку, такъ равно и тѣхъ, которые изъявляютъ желаніе пить таковую, а о лицахъ другихъ званій и состояній, нерѣдко помогающихъ подпавать крестьянъ въ своихъ интересахъ, составлять надлежащіе акты и привлекать къ отвѣтственности черезъ мирового судью, о чемъ поставить въ извѣстность черезъ вывѣшивание объявленій.

— „Гражданинъ“ сообщаетъ, что въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ составляетъ въ настоящее время предметъ особаго обсужденія вопросъ о ламахъ. По свѣдѣніямъ имѣющимся въ Министерствѣ, число ламъ у Забайкальскихъ бурятъ нынѣ простирается свыше 15000, составляя почти 10⁰/₀ всего языческаго народонаселенія, Забайкальской области. При такомъ положеніи вещей ламы вполне завладѣли бурятами и держатъ ихъ въ полномъ подчиненіи, стараясь всевозможными средствами отдалить отъ Русскихъ и вооружить противъ всего Русскаго—особенно-же противъ православной вѣры. Они внушаютъ бурятамъ, что если тѣ перейдутъ къ Русскимъ, то непременно разорятся, платя различныя подати и отбывая рекрутскую повинность; отклоняютъ ихъ также отъ занятія хлѣбопашествомъ, выставляя это большимъ грѣхомъ. Тѣхъ-же бурятъ, которые не взирая на угрозы, принимаютъ крещеніе, ламы смущаютъ всякими способами, объясняя какое-либо случайное несчастіе крещенаго бурята, какъ заслуженное наказаніе отъ разгнѣванныхъ боговъ. Тѣ-же ламы запрещаютъ бурятамъ не только принимать крещеныхъ въ свои юрты, но даже говорить съ ними. Въмѣстѣ съ тѣмъ злоупотребляя своимъ вліяніемъ на населеніе, ламы разстраиваютъ и разрушаютъ семейную жизнь инородцевъ и доводятъ ихъ до вырожденія. Не менѣе вредно вліяніе ламъ на экономическій бытъ инородцевъ этого края: безъ нихъ, безъ ихъ гурумовъ (требъ) не обходится ни обрядовъ при рожденіи дѣтей у бурятъ, ни лѣченія болѣзней, ни браковъ, ни погребеній, и все это стоитъ очень дорого. Весьма много переходятъ отъ бурятъ въ ихъ руки за колдовство разнаго рода и ворожбу, за посвященіе въ буддійскую вѣру и т. п. Многочисленныя толпы ламъ ежегодно отправляются въ Монголію и Тибетъ на поклоненіе тамошнимъ калищамъ; равнымъ образомъ и оттуда ежегодно являются въ Забайкалье разнаго рода „святые“, также обирающіе простодушныхъ бурятъ, предъ которыми рабѣдствуетъ также и само языческое начальство, даетъ имъ всюду свободный пропускъ и провожаетъ ихъ по степямъ, обезпечивая всѣми удобствами при поѣздкахъ и, открывая имъ всѣ способы для тайныхъ сношеній.

— Подольскій епархіальный сѣздъ духовенства обратилъ вниманіе на свѣчную операцію. Вотъ сущность дѣла:

Назначенная сѣздомъ комиссія для провѣрки отчета по свѣчной операціи нашла, что въ нѣкоторые священники и по сѣ пору небрежно и несочувственно относятся къ общему интересу духовенства, какъ это видно изъ ничтожнаго количества выписываемыхъ въ нѣкоторыя церкви свѣчъ, а нѣкоторые—прямо злоупотребляютъ свѣчной продажей. Сѣздъ, между прочимъ, постановилъ: выразить порицаніе тѣмъ настоятелямъ приходоѡ, которые упорно не хотятъ понять, какой преднамѣренный вредъ они причиняютъ и духовенству и церквамъ, а въ особенности духовно-учебнымъ заведеніямъ, не выписывая надлежащаго количества свѣчъ, и затѣмъ—просить преосвященнаго Доната обратить свое особенное вниманіе на лицъ, не сочувствующихъ интересамъ свѣчной операціи; для устраниженія же злоупотребленій и для наблюденія за правильной и законной продажей восковыхъ свѣчъ въ церквахъ, экстренно назначать по своему усмотрѣнію довѣренныхъ лицъ, которыя ревизовали-бы запасъ свѣчъ преимущественно въ тѣхъ приходоахъ, гдѣ таковыхъ выписывается очень мало, а также въ приходоахъ съ отпустами, при чемъ имѣли-бы право отпраѡляться для ревизіи въ приходы и по своему личному усмотрѣнію. Епископъ положилъ такую резолюцію: „консисторія имѣетъ докладывать мнѣ о семъ не меньше двухъ разъ въ годъ, и наблюденіе по сему предмету возложить на лицъ, сопровождающихъ преосвященныхъ при обзорѣніи епархіи“. Кромѣ того сѣздъ просилъ епископа объ установленіи слѣдующихъ наказаній для злоупотребляющихъ свѣчной продажей: попавшійся первый разъ въ этомъ злоупотребленіи платитъ пеню по одному рублю съ каждаго фунта и убытки; за второй разъ, кромѣ убытковъ и пени, штрафуется недѣльнымъ монастырскимъ заключеніемъ. Половина пени назначается открывшему злоупотребленіе, кто-бы онъ ни былъ. Епископъ сдѣлалъ соотѣтствующее распоряженіе.

— Въ нѣсколькихъ епархіяхъ поставлены на видъ нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ разныя ихъ недобрительныя и незаконныя дѣйствія. Іюньскій сѣздъ депутатовъ далматовскаго духовно-училищнаго округа, обсуждая раскладку суммъ, подлежащихъ 0/0 обложенію, призналъ, что „нѣкоторые благочинные обозначили въ своихъ вѣдомостяхъ эти суммы слишкомъ незначительными, что наводитъ собраніе прямо на сомнѣніе, и отъ чего вся тяжесть процентнаго обложенія падаетъ на другія благочинія, и, какъ оказалось, даже бѣднѣйшія“. Сѣздъ обратилъ на это вниманіе епархіальной власти.

Майскій сѣздъ депутатовъ приворотскаго училищнаго округа обратилъ вниманіе на недоимки, числящіяся не только на ученикахъ, но и на благочинныхъ. Всѣхъ недоимокъ 1,430 р. 45 к., и нѣкоторыя изъ нихъ числятся еще съ 1882 года.

— Среди членовъ Одесскаго православнаго миссіонерскаго общества возникла мысль объ учрежденіи института православныхъ восприемниковъ, на которыхъ будетъ лежать забота о подготовленіи иновѣрцевъ, вступающихъ въ православіе, и объ оказаніи такимъ лицамъ, на случай нужды, матеріальной помощи. Для разработки проекта учрежденія института, съ благословенія высокопреосвященнаго архіепископа Никанора, образована комиссія, состоящая изъ двухъ членовъ духовной іерархіи—ректора одесской духовной семинаріи протоіерея М. Чемена, настоятеля тамошняго же кафедральнаго собора протоіерея А. Лебединцева, и другихъ членовъ общества свѣтскаго званія—В. А. Орлова и М. А. Бухтѣва. („Волинск. Еп. Вѣд.“ № 28).

— Ради поддержанія репутации духовенства, какъ сказано въ протоколахъ послѣдняго сѣзда подольскаго духовенства, мѣстная консисторія предложила на обсужденіе сѣзда вопросъ о неотложномъ устройствѣ въ помѣщеніяхъ Свято-Троицкаго монастыря, или въ домахъ, принадлежащихъ подольскому архіерейскому дому, общей епархіальной квартиры для пріѣзжающихъ въ Каменецъ духовныхъ лицъ, на счетъ суммъ свѣчной операціи. Находъ предложенную консисторіей мѣру выгодною для духовенства, сѣздъ постановилъ: выдать на этотъ предметъ изъ суммъ свѣчной операціи, въ видѣ единовременнаго вспомошествованія, 100 р., и просить консисторію войти въ сношеніе съ монастырскимъ начальствомъ объ устройствѣ для духовенства нѣсколькихъ квартиръ. На содержаніе этихъ квартиръ и прислуги, занимающіе таковыя, обязаны уплачивать за комнату съ двумя кроватями, безъ лошадей, въ зимнее время 50 коп., въ лѣтнее—40 коп., съ лошадьми—въ зимнее время 60 коп., въ лѣтнее—50 коп. Но при этомъ сѣздъ проситъ епархіальное начальство не стѣснять духовенство обязательнымъ занятіемъ этихъ квартиръ. Епархіальный епископъ согласился съ мнѣніемъ сѣзда. („Церк. Вѣст.“).

— Достойно подражанія отношеніе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ къ нуждамъ осиротѣвшихъ семей своихъ собратій. Духовенство 4 благоч. округа ставропольской епархіи, сожалѣя о печальномъ положеніи семейства одного умершаго священника, положило произвести добровольный взносъ изъ собственныхъ средствъ въ едино-

временное пособіе сказанному семейству, изъ какихъ пожертвованій составилось со всего благочинія 77 руб. Сумма эта передана вдовѣ священника, съ обѣщаніемъ и впредь не оставлять ее вниманіемъ при каждомъ полугодичномъ распредѣленіи однопроцентной суммы вдовамъ и сиротамъ духовенства благоч. округа изъ братскихъ доходовъ, согласно опредѣленію благоч. съѣзда, состоявшемуся 15 февраля 1888 г. Подобный сборъ пожертвованій сдѣланъ также недавно на одномъ благоч. съѣздѣ въ воронежской епархіи въ пользу семейства умершаго діакона. Къ собранной суммѣ (39 р. 73 к.) мѣстный преосвященный присоединилъ свое пожертвованіе—20 рублей.

— „Таврическія Епархіальныя Вѣдомости“ сообщаютъ замѣчательный примѣръ заботливости о просвѣщеніи простаго народа, выказанной крестьяниномъ Л. В. Павленкомъ. Въ 1870 году онъ на свои средства, нажитыя путемъ долгаго, упорнаго труда, устроилъ школу въ м. Каховкѣ, стоившую ему 5 тысячъ рублей. Школа эта была передана въ руки земства. Въ прошломъ году Л. В. Павленко построилъ въ селѣ Софіевкѣ другую школу—церковно-приходскую, стоящую ему до 10 тысячъ рублей. Она имѣетъ же снабжена приличною классною мебелью, учебниками и пособіями. Онъ же назначилъ по 500 руб. ежегодно на содержаніе школы, впредь до своей смерти, распредѣливъ эту сумму слѣдующимъ образомъ: жалованье учителю 330 руб., сторожу 50 р., на отопленіе 100 руб., и на освѣщеніе 20 руб. Кроме того, чтобы упрочить существованіе школы послѣ своей смерти, Павленко, вмѣсто 500 р., имѣетъ дать по духовному завѣщанію 100 десятинъ пахатной земли, которыя могутъ приносить не менѣе 500—600 руб. ежегоднаго аренднаго дохода.

— Въ журналѣ „Руководство для сельск. паст.“ помѣщена статья, подъ заглавіемъ: «Неподдѣльное вино для литургіи», въ которой авторъ, между прочимъ, указываетъ удобную мѣру, при помощи которой можно имѣть неподдѣльное вино для литургіи.

«У насъ въ Россіи, благодареніе Богу, есть довольно мѣстностей, гдѣ производится вино въ такомъ количествѣ, что его достаточно не только для внутренней торговли, но и для вывоза за-границу. Кавказъ и Закавказскій край, Крымъ, Бессарабія, Земля войска Донскаго, Туркестанъ, вообще почти весь югъ Европейской и Азіатской Россіи—производятъ вино хорошаго качества и въ большомъ количествѣ; въ случаѣ же нужды, производительность ихъ можетъ быть значительно увеличена. Слѣдовательно, съ этой стороны мы можемъ считать себя обезпеченными; такой важный предметъ по-

требленія, какъ вино для богослуженія, найдется у насъ на мѣстѣ и въ достаточномъ количествѣ; намъ нѣтъ надобности выписывать его изъ за-границы, какъ выписывается, напр. деревянное масло.

Чтобы воспользоваться естественными богатствами нашего отечества и имѣть настоящее вино для литургіи, можно обратиться съ запросами къ виноторговцамъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ производится вино, чтобы они приняли на себя обязательство доставлять чистое, нефабрикованное красное вино для цѣлой епархіи, или даже одного какого-либо уѣзда, по условленной цѣнѣ. Въ отношеніи сей послѣдней нужно преслѣдствовать, разумѣется, не дешевизну вина, а его качество и цѣльность, потому что требованіемъ дешевизны вопросъ о винѣ поставленъ былъ-бы на почву торговыхъ интересовъ и навѣрное попалъ-бы въ руки, если не жидовъ, то такого рода торговцевъ, которые не уступятъ имъ въ искусствѣ извлекать выгоды изъ всякаго рода торговыхъ сдѣлокъ. Цѣль соглашенія епархіальныхъ властей или духовенства съ виноторговцемъ должна быть, именно—доставленіе симъ послѣднимъ цѣльнаго, хорошо выдержаннаго вина. Въ центральномъ городѣ каждой епархіи или уѣзда могъ-бы быть устроенъ общій складъ, изъ котораго духовенство извѣстнаго округа могло-бы выписывать оптомъ или по частямъ потребную для ихъ церквей пропорцію вина.

Сколько намъ извѣстно, Кіево-Печерская Лавра уже сдѣлала и чинъ такому ходу дѣла, вошедши въ соглашеніе съ однимъ изъ извѣстныхъ виноторговцевъ Крыма, относительно доставки вина для всѣхъ лаврскихъ церквей. Точно также и многіе изъ крымскихъ виноторговцевъ, владѣющіе значительными запасами крымскаго вина, изъявляютъ полную готовность принять на себя обязательства по доставкѣ вина на цѣлыя епархіи и сами готовы устроить общіе склады, если на то послѣдуетъ приглашеніе или одобреніе епархіальныхъ властей.

— Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви, устроившее народное церковное пѣніе въ Казанскомъ соборѣ, теперь задалось цѣлью готовить низшихъ церковниковъ, т. е. лицъ, которыя могли-бы помогать при церковномъ богослуженіи псаломщикамъ и, въ случаѣ крайней нужды, замѣнить ихъ. Такія лица должны умѣть бѣгло и толково читать по церковно-славянски, знать наизусть наиболѣе употребительныя молитвы и пѣснопѣнія, а также умѣть пѣть по церковному, въ хорѣ и solo. Предполагается, что при непродолжительной практикѣ, подготовленные такимъ образомъ лица бу-

дутъ въ состояніи настолько ознакомиться съ общими службами и чинами разныхъ таинствъ и молебствій, чтобы участвовать въ отправленіи ихъ самостоятельно или подъ руководствомъ псаломщиковъ и діаконѡвъ. Потребность въ такихъ людяхъ ощущается, преимущественно, въ бѣдныхъ сельскихъ церквахъ, въ которыхъ штатъ священно и церковно-служителей ограничивается священникомъ и псаломщикомъ, такъ что, въ случаѣ, напр., болѣзни послѣдняго, церковную службу долженъ отправлять одинъ священникъ, что не только затруднительно, но и уменьшаетъ торжественность богослуженія. Для подготовки низшихъ церковниковъ названное общество учреждаетъ курсъ обученія церковно-славянскому языку, чтенію и пѣнію. Обучение будетъ производиться въ одной изъ аудиторій Солянаго городка, еженедѣльно, по вторникамъ, съ 8¹/₂ час. вечера. Слушателями курса на первое время явились участники церковно-народнаго хора, а потомъ будутъ приниматься и всѣ желающіе, хотя-бы и совсѣмъ малограмотные. Преподаваніе будетъ происходить подъ наблюденіемъ кого-либо изъ членѡвъ совѣта общества; преподавателями приглашены студенты духовной академіи и псаломщикъ одной изъ столичныхъ церквей, г. Сперанскій.

— Давно уже было замѣчено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Воронежской губерніи, что при обильныхъ посѣвахъ подсолнечника совершенно прекращаются лихорадки, и болотистыя мѣста высыхаютъ весьма быстро. Въ теченіе прошлаго лѣта, какъ сообщаютъ «Пет. Вѣд.», нѣкоторые уѣздные врачи Воронежской губерніи успѣшно дѣлали опыты надъ поглощеніемъ подсолнечникомъ малярійныхъ міазмовъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ по теченію Дона, около малой Калитвы, въ Коротоякскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ, на болотистыхъ и сырыхъ почвахъ были сдѣланы большіе посѣвы подсолнечника, и въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ совершенно прекратились густые туманы, обычные до тѣхъ поръ, а болотистыя пространства начали мало по-малу высыхать, что ясно доказало способность подсолнечника поглощать влагу въ громадныхъ размѣрахъ. Крестьяне сначала недовѣрчиво относились къ этимъ опытамъ, но съ нынѣшняго года сами начали засѣвать подсолнечникомъ поля, расположенныя вблизи, хотя и небольшихъ, но довольно частыхъ болѡтъ по Хопру, Битюгу, Генорцу и другимъ рѣкамъ. Въ то же время въ нынѣшнемъ году продолжаютъ и прежніе опыты съ научною цѣлью. („Вологодск. Еп. Вѣд.“).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1889 годъ

НА ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“⁶⁶

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(съ толкованіями на Вѣтхій Заветъ).

Поставивъ своей задачей сильное служеніе св. церкви и наукъ—преимущественно—богословской, редакція „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“ будетъ и въ слѣдующемъ 1889 году преслѣдовать эту задачу съ неослабной энергіей и настойчивостью. По прежнему питаю убѣжденіе, что наше время требуетъ напряженія всѣхъ силъ церкви и науки для выясненія и устраненія затрудненій, создаваемыхъ для высокой миссіи той и другой невѣжествомъ однихъ и легкомысленнымъ невѣріемъ другихъ, редакція считаетъ долгомъ совѣсти вносить свою долю участія въ общія усилія представителей церкви и науки для защиты общаго дѣла общими силами.

Размѣръ и характеръ принимаемаго редакціей участія въ служеніи общему дѣлу выражены въ программахъ академическихъ изданій. Программа „Церковнаго Вѣстника“ рассчитана преимущественно на потребности служителей церкви. Съ этою цѣлью въ нее вводится все то, что, по мнѣнію редакціи, можетъ содѣйствовать правильному пониманію и всестороннему удовлетворенію этихъ потребностей. Сложностью и разнообразіемъ этихъ потребностей, равно какъ и способа удовлетворенія ихъ, объясняется обширность и разнообразіе программы. Въ нее входятъ: 1) передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ; 2) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя изученію и частнѣйшей разработкѣ церковныхъ вопросовъ; 4) обзорніе духовныхъ журналовъ; 5) обзорніе свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) библиографическія замѣтки, или обзорніе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) корреспонденціи изъ епархій и въ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 8) въ области церковно-приходской практики—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недомѣнливыхъ вопросовъ пастырской практики; 9) постановленія и распоряженія правительства; 10) лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи, представляющая обзорніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ; 11) лѣтопись церковной и общественной жизни за границей, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) разныя извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Сверхъ того, въ числѣ объявленій будутъ печататься тиражныя таблицы всѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены церковныя капиталы.

Редакція надѣется, что этой программой исчерпываются вполнѣ всѣ существенныя потребности пастырскаго служенія. Если-же, вопреки ожиданію, въ ней окажется какой-либо пробѣлъ, то редакція проситъ почтенныхъ служителей церкви указать оныя, чтобы она могла принять мѣры къ его восполненію.

Программа „Христианскаго Чтенія“ столь-же обширна, но выполняется преимущественно въ интересъ труженниковъ науки; при чемъ однакожь не упускаются изъ виду и потребности не только служителей церкви, но и простыхъ вѣрующихъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей помѣщается въ „Христианскомъ Чтеніи“ оригинальныя и переводныя статьи преимущественно апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности жь „Христианскомъ Чтеніи“ будутъ по прежнему печататься толкованія на

разныя книги Ветхаго Завета (въ 1889 г. будетъ продолжаться печатаніе толкованій на Псалтирь и книгу пророка Исаи), а также неизданные письменныя памятники миновавшей жизни отечественной церкви и материалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

Въ дѣломъ программы обонхъ академическихъ изданій дополняютъ одна другую, содѣйствуя съ одной стороны служителямъ церкви въ дѣлѣ ихъ многосложнаго и многотруднаго пастырскаго служенія, съ другой труженникамъ науки въ ихъ изслѣдованіяхъ и розысканіяхъ въ безпредѣльной области знанія, и въ то же время популяризируя результаты общихъ работъ на общую пользу и пастырей и пасомыхъ.

„Церк. Вѣстн.“ и „Христ. Чт.“ съ „Толкованіями“ составятъ въ годъ около двухсотъ пятидесяти пяти (255) печатныхъ листовъ („Церк. Вѣстн.“ до 140 л. и „Христ. Чтея.“ до 115 л.).

Условія подписки.—Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала 7 р. (семь) съ пересылкою; *отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ 5 р. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ 5 р. (пять). За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р. (девять), за каждый отдѣльно 7 р. (семь) съ перес. *Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“. *Подписывающіеся въ Петербургѣ* обращаются въ контору редакціи (Невскій проспектъ, д. № 182, кварт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за мѣсто, занимаемое 1 строкой петица, за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при „Церк. Вѣстн.“ (по 3 р. за тысячу въ пользу редакціи, а для уплаты въ почтамтъ, смотря по вѣсу объявленія, согласно почтовымъ правиламъ).

П р и м ѣ ч а н і я:

1) Всѣ статьи и сообщенія для помѣщенія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ должны быть доставляемы или высылаемы въ редакцію непременно съ адресомъ автора. *Статьи, доставляемыя безъ означенія гонорара за нихъ, признаются бесплатными.* За слова и поученія редакція не платитъ никакого гонорара.

2) Статьи и сообщенія, признанныя редакціей неудобными къ напечатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи для возвращенія по личному востребованію; возвращенія-же ихъ по почтѣ редакція на себя не принимаетъ.

3) Авторы, желающіе, чтобы объ ихъ сочиненіяхъ своевременно помѣщенъ былъ отзывъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, благоволятъ присылать въ редакцію свои сочиненія немедленно по выходѣ въ свѣтъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ ИСТИНА

— и —

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

Историческое изслѣдованіе.

А. Вертеловскаго.

Выпускъ I. Харьковъ. 1888. Цѣна съ пересылкою 1 р. 75 к.

Продается въ Харьковѣ: въ книжномъ магазинѣ Д. Н. Полуехтова (на Московской ул.) и въ магазинѣ „Новаго Времени“ (Екатер. ул.)

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О переимѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.